

ГЛАВА 5

Военная сила в холодной войне

Холодная война по определению явилась продолжением политики двух государств: Соединенных Штатов Америки и Советского Союза, ставших вскоре лидерами двух противоборствующих коалиций. Она велась с помощью сил и средств самого широкого спектра, включая военные, но при этом характер и масштабы их применения существенно различались. Хотя США и СССР друг против друга непосредственно не применяли военную силу, они активно использовали ее опосредованно: как средство давления, фактор сдерживания в ходе так называемых войн по доверенности. Кроме того, стороны поддерживали ее в постоянной и высокой готовности к боевому применению. Роль и функции военной силы в холодной войне предопределялись ее природой, детерминировались общей логикой исторического процесса и конкретной, сложившейся после Второй мировой войны военно-исторической обстановкой.

Решение проблемы места и роли военной силы в мировой политике с учетом опыта холодной войны органически связано с общей концепцией национальной безопасности. Большое значение приобретает теоретическая разработка проблемы соотношения баланса сил и баланса интересов в мировой политике и в политике отдельных государств; проблем военно-политической и военно-стратегической стабильности, путей

и методов их достижения в контексте обеспечения мира на Земле и мирных условий развития России.

Взаимодействие политики и военной силы — историческая и социальная реальность, проявления которой меняются под воздействием материальных и духовных факторов развития человечества.

Особые формы и способы реализации это взаимодействие приобрело в минувшем XX в. под воздействием сложного комплекса социально-экономических, геополитических, военно-политических и иных факторов и тенденций.

Человечество в условиях холодной войны развило такие экономические, научные, технические, военные силы, которые, многократно увеличив возможности человека, в то же время оказались неспособны рационально решить главные социальные проблемы.

5.1. Исторический процесс и военная сила

Война — это способ разбивать вдребезги, распылять в атмосферу, топить в морской пучине материалы, которые могли бы улучшить народу жизнь и тем самым в конечном счете сделать его разумнее.

Джордж Оруэлл

Военная сила неизменно присутствует в историческом процессе, часто способствуя изменению его характера, темпов, направленности. Справедливо утверждение, что история человечества есть преимущественно военная история.

Как в глубокой древности, так и в Средние века, а потом в Новое и Новейшее время применение военной силы было и остается константой, постоянно действующим фактором. Малые государства и могучие империи создавались, развивались, погибали вследствие применения военной силы. Главным образом это происходило посредством войн, вооруженной борьбы.

Важным источником применения военной силы является сама общественная жизнь, в основе которой лежат собствен-

ность и ее распределение, социальное расслоение и борьба за власть.

Уже древние государства широко применяли военную силу для решения внутренних и внешних задач. Чтобы существовать и развиваться, им были необходимы новые товары, новые земли, дешевая рабочая сила.

При контактах с другими государствами возникала потребность обмена опытом и достижениями материальной и духовной культуры. Постепенно формировалась система отношений, которые впоследствии стали называться международными. При этом потребности и интересы сторон зачастую не только не совпадали, но и прямо противоречили друг другу. Спорные вопросы разрешались мирными либо военными способами. В первом случае стороны договаривались между собой, достигая определенного баланса интересов. На его основе формировались долгосрочные союзы и временные объединения, заключались эфемерные соглашения и «вечные» договоры, что способствовало развитию политических, экономических и иных связей. В результате происходило сближение народов, а международные отношения приобретали относительно устойчивый, стабильный характер.

Однако мирные процессы часто оказывались весьма ограниченными во времени и пространстве. Ибо, когда менялись интересы, а следовательно, и их баланс, то с удивительной легкостью рушились все договоренности, рвались казавшиеся прочными связи, а межгосударственные отношения приобретали конфронтационный характер с широким и непосредственным использованием военной силы.

Основной закон функционирования системы международных отношений заложен в свойственном любой системе принципе гомеостазиса¹, который проявляется в ее стремлении к самосохранению.

¹ В 1932 г. американский физиолог У. Кеннон в работе «Мудрость тела» предложил этот термин для характеристики «координированных физиологических процессов» в биологическом организме. В настоящее время под гомеостазисом принято понимать саморегуляцию; способность любой системы сохранять стабильность своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия.

Обеспечение самосохранения системы достигается путем поддержания в ней динамического равновесия между различными, зачастую противоположными устремлениями ее элементов — государств. Существование равновесия между государствами является основой нормального функционирования всей системы отношений. При этом система межгосударственных отношений принадлежит к числу систем со стихийным регуляционным механизмом, поскольку в ней отсутствует какой-либо единый орган управления, позволяющий координировать и направлять действия ее отдельных структурных элементов. Поэтому состояние равновесия в системе международных отношений достигается путем столкновения различных интересов и сопровождающих их действий входящих в нее государств [1].

Система международных отношений не только обеспечивает связь между государствами, но и сама является объектом их внешнеполитической деятельности. Каждое государство, преследуя свои специфические интересы на международной арене, оказывает на нее определенное воздействие и является субъектом силы. Но в итоге оно может получить не тот результат, на который рассчитывало, что нередко и происходит. Здесь как раз и проявляется активная роль системы международных отношений. Фактором, обеспечивающим ее функционирование и развитие в целом, является не столько внешнеполитическая сила того или иного государства, сколько равнодействующая сил всех государств.

Динамическое равновесие системы межгосударственных отношений основывается, с одной стороны, на изменчивости ее отдельных элементов, то есть государств, которые находятся в процессе непрерывного экономического, политического и социального развития, определяющего эволюцию их интересов, а следовательно, и характер внешнеполитической деятельности. С другой стороны, оно строится на относительной устойчивости связей между государствами, то есть на структуре системы в целом [2].

История свидетельствует: поддержание равновесия в системе международных отношений достигается с большими трудностями, поскольку каждое государство стремится к на-

рушению баланса сил в свою пользу. Здесь почти все определяет политика как совокупность идеологических и организационных мероприятий власти. Системные и целенаправленные действия одного государства, направленные на изменение его существующего статуса, всегда вызывают ответную реакцию со стороны другого государства (группы государств), которое старается не допустить нежелательных для него (них) перемен. Таким образом, функционирование международной системы отношений, ее развитие осуществляется через постоянное изменение баланса сил, что, в свою очередь, создает предпосылки для вооруженных конфликтов и войн, а они снова меняют баланс сил. Круг замыкается. Подтверждением тому, например, является история развития системы международных отношений до Второй мировой войны и после ее окончания. Именно таким путем на роли мировых держав выдвинулись США и СССР.

Войны различного характера и масштаба — неотъемлемая часть всемирной истории. По приблизительным подсчетам, за последние 5,5 тыс. лет произошло около 15 тыс. войн. В них погибло почти 4 млрд человек, что превышает половину нынешней численности населения земного шара. Считается, что из всей известной истории человечества абсолютно мирными было всего около 300 лет.

Применение военной силы в форме войны всегда оказывало мощное воздействие на материальную и духовную культуру воюющих сторон, существенно меняло внутренние социально-политические отношения и в конечном счете влияло на характер и направленность развития человеческой цивилизации. Особенно это относится к масштабным войнам. В их числе, например, войны Александра Македонского, завоевания Древнего Рима, Крестовые походы, Столетняя война.

Крупные оборонительные и наступательные войны, оказавшие заметное воздействие на развитие общества, вела и Россия. Естественно, что в ее истории наиболее значимыми были те, в которых, без преувеличения, решались судьбы страны. Это войны с монголо-татарами, Ливонским орденом (XIII–XV вв.), Польшей (XVII в.), Турцией (XVIII в.), Францией (1812), фашистской Германией (1941–1945).

Масштабы войн и их социальные последствия в связи с изменением параметров военной силы постоянно возрастали, достигнув своего пика в XX в. Применение военной силы в этом столетии достигло небывалых масштабов, сопровождаясь огромными человеческими потерями, колоссальными утратами материальной и духовной культуры, коренными социально-политическими изменениями. Так, в Первую мировую войну было вовлечено 38 государств с населением в две трети от общемировой численности, а во Вторую — 61 государство и 80% населения планеты. В Первой мировой войне погибло около 10 млн человек, а во Второй — уже более 55 млн. Увеличились число и разрушительность локальных войн. Если в промежутке между двумя мировыми конфликтами (за два десятилетия) их было около полусотни, то за 1945–2000 гг. — почти вчетверо больше. Только в 36 из них, самых масштабных, погибло более 20 млн человек.

В минувшем веке военная сила была возведена в культ, а политические и иные ненасильственные формы разрешения конфликтов в большинстве случаев оказались оттесненными на второй план. Правда, появление оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного, способствовало тому, что использование военной силы в крайнем ее проявлении — в форме ядерной войны — мировое общественное мнение стало считать неприемлемым, иррациональным.

Это обстоятельство, изменив общественное сознание, породило, однако, и рискованные иллюзии, возник противоположный перегиб.

На исходе XX в., особенно после самороспуска Организации Варшавского Договора и крушения Советского Союза, широкое распространение получило убеждение в скором уходе военной силы из жизни народов и государств. Стали расхожими взгляды о наступлении эры партнерства между недавними противниками, о том, что теперь ход планетарного развития будет определяться мирным определением баланса интересов, а не балансом сил.

Между тем последующие события на Балканах, в Афганистане, Ираке, на Ближнем Востоке, в Северной Африке, а также рост масштабов международного терроризма говорят о другом:

представления о наступлении эпохи не силовых отношений между государствами и народами являются беспочвенными. Развитие мировых, региональных и иных отношений происходит по гораздо более сложной схеме, чем это совсем недавно представляли себе (а скорее, только изображали) влиятельные международные силы. Колоссальные изменения в геополитической и геостратегической расстановке сил в мире, процесс глобализации и ряд других факторов инициируют рождение нового мироустройства, для которого будут характерны как новые военные опасности и угрозы, так и новые возможности демилитаризации мировой политики и ограничения военной силы.

Какая из этих тенденций возобладает в реальности, зависит от многих объективных и субъективных обстоятельств, в том числе и от общественного сознания, роль которого в истории неуклонно растет. Осмысление исторического опыта применения военной силы, учет изменений, которые претерпевают и военная сила, и политика в сочетании с пониманием тенденций и альтернативных путей развития человечества могут способствовать ограничению военной силы, ее более рациональному использованию.

Обладая определенной совокупной мощью, в которую непременно входит военная, любое государство стремится как можно более эффективно обеспечить свои внешнеполитические интересы. Методы применения силы могут быть различными: прямыми и опосредованными, что наиболее характерно как раз для холодной войны.

Различными бывают и сочетания слагаемых совокупной мощи. Здесь многое зависит от геополитического положения государства, понимаемого в самом широком смысле, и выполняемой им роли в системе международных отношений. Так, обширная территория РФ с богатыми природными ресурсами, относительно многочисленное население, реальная и потенциально возможная роль России в мировой политике являются как основанием для наличия у нее мощных и современных Вооруженных Сил, так и объектом защиты от существующих и возможных посягательств. Великая держава, а именно таковой, несмотря на нынешний затяжной кризис, является Россия, не может передоверить свою безопасность каким-либо внеш-

Военная сила — Щит и Меч

ним силам, будь то военные структуры других государств или международные военно-политические организации.

При оценке места и роли военной мощи (военной силы) государства в современных международных отношениях необходимо учитывать ее органическую связь со стратегической стабильностью. Особенно в современных условиях, когда, во-первых, де-факто увеличилось количество государств, обладающих ядерным оружием, а во-вторых, еще больше стран имеет потенциальную возможность получить его при необходимости, причем в самые короткие сроки [3].

Традиционно принято считать, что международные отношения тогда являются стабильными, когда баланс военной мощи соперничающих государств таков, что ни одно из них не способно добиться военно-политических целей путем вооруженной агрессии (угрозы агрессии), без неприемлемых для себя последствий в результате ответных действий другой стороны.

Чем меньше государств находится в отношениях соперничества, тем больше шансов стабильного развития междуна-

родных отношений. Поэтому неудивительно, что многополярный мир представляет собой значительно менее устойчивую и стабильную систему, чем биполярная модель. Что же касается однополярной системы международных отношений, то она потенциально является сверхустойчивой, однако лишь после ее твердого установления и при отсутствии желания и возможности других государств ее оспорить. Вместе с тем она не может быть устойчивой по определению в период своего формирования, тем более после разрушения биполярности, когда одновременно действует тенденция воссоздания многополярного мира.

Еще недавно многим казалось, что США имеют все шансы уже в ближайшем будущем добиться полного доминирования в мировой политике, в том числе и потому, что обладают подавляющей военной силой. Но опыт Афганистана и Ирака показал, что все далеко не так однозначно. Желание Вашингтона управлять мировыми процессами, несомненно, существует, но вот возможностей добиться этого быстро явно недостает. А время работает против США.

Китай, возрождающаяся Россия, Индия, страны Латинской Америки, да и не одни они — наращивают свой геополитический вес и видят будущее мира отнюдь не звездно-полосатым. Вследствие этого складывающаяся сейчас многополярная система уже существенно отличается от прежних ее вариаций, поскольку баланс общих (как и военных) сил качественно и количественно иной. Что ее роднит с предшественниками, так это нестабильность, что позволяет прогнозировать очередной виток возрастания значения военной силы и риска войн и вооруженных конфликтов.

Роль и место военной силы в системе безопасности Российского государства определяются двумя основными обстоятельствами: во-первых, применение военной силы есть наиболее решительный и жесткий способ достижения политических целей, хотя в ряде случаев и не самый эффективный. Впрочем, вопрос эффективности силовых решений представляет собой отдельную проблему: многое здесь зависит от конкретных условий и степени отлаженности механизма осуществления силовых акций. С этой точки зрения неудачное применение

военной силы, например в Чечне в 1994–1996 гг., отнюдь не девальвирует саму идею силового разрешения подобных ситуаций, разумеется в сочетании с многообразными политическими средствами. Этот вывод нашел свое подтверждение, в частности, в ходе так называемой второй чеченской кампании вкупе с политическими и социально-экономическими мерами по умиротворению региона.

Во-вторых, войны и военные конфликты в течение неопределенно долгой перспективы будут неотъемлемой частью мировой политики. Это объясняется многими обстоятельствами. В том числе и тем, что идея насилия отнюдь не является неприемлемой для абсолютного большинства людей, особенно когда речь идет об их жизненно важных интересах.

В ядерный век реализация прямой функции военной силы в полном ее объеме маловероятна, поскольку это чревато широкомасштабной войной, которая может перерасти в ракетно-ядерную с неизбежным катастрофическим исходом. Вместе с тем абсолютных гарантий того, что события не могут развиваться по такому сценарию, нет. Особенно в свете настойчивых попыток США получить односторонний противоракетный «зонтик». Но пока значение косвенных функций военной силы представляется преимущественным. Выделим наиболее важные из них.

Функция сдерживания состоит в том, что вооруженные силы, обладая необходимым потенциалом и соответствующим уровнем боевой готовности, находятся в состоянии нанести потенциальному агрессору неприемлемый для него ущерб, что и является эффективным фактором предотвращения войн и вооруженных конфликтов.

Функция политической и военной стабилизации тесно связана с предыдущей. Дело в том, что военная сила выступает как элемент региональных и глобальных систем безопасности. Она может использоваться для прекращения уже идущих военных конфликтов, разграничения враждующих сторон и т.д.

Функция принуждения агрессора к миру и его наказания, по сути, производна от функций сдерживания и стабилизации. Пример: коалиционные действия против Ирака, захватившего Кувейт.

Функция оказания политического давления проявляется в принуждении одними субъектами политики других идти на односторонние уступки под угрозой применения военной силы. Несмотря на имеющиеся акты международного права, запрещающие использование угрозы силой для достижения политических целей, многие государства мира (в первую очередь, крупные) на практике игнорируют существующие ограничения.

Функция создания выгодного для государства соотношения сил в международных отношениях реализуется не только наращиванием собственной военной мощи, но и объединением ее с военной силой других государств путем создания военно-политических союзов и блоков. За последние 15–20 лет Россия утратила практически всех своих союзников, что значительно ослабило ее международное положение и при определенных условиях может привести к полной изоляции. Развитие добрососедских отношений со всеми странами — основной способ избежать такого варианта развития событий. Вместе с тем, учитывая сохранение и расширение Североатлантического альянса, следует укреплять дееспособную систему коллективной безопасности, в которой бы Россия играла достойную роль.

Функция борьбы с терроризмом и организованной преступностью. Примером ее реализации является война в Чечне.

Функция демонстрации статуса государства. В современном мире экономическая мощь и политическое влияние государства сочетаются с его военной силой. Эти три составляющие его статуса являются взаимодополняющими и необходимыми.

Итоги общественного развития в XX в. нельзя назвать случайными. Они — результат действия фундаментальных исторических и социальных противоречий и тенденций, определяющих развитие народов, стран и мирового сообщества в целом. В их числе такие факторы, на которые обращал внимание еще в конце XVIII в. английский историк Э. Гиббон, анализировавший процессы упадка и крушения Римской империи. Это «необходимое, но неравномерное распределение собственности» в различных ее формах и проявлениях и «жажда власти — ...самая высокомерная и самая вредная для общества, так как она внушает человеческой гордости желание подчинять других

своей воле» [4]. Гиббон подчеркивал, что это именно «те принципы, по которым почти каждая страница истории запятнана кровью междоусобицы...» [5]. На протяжении почти трех последних столетий эти факторы приводились в действие господствующей общественной системой, для которой характерными оказались все возрастающая неравномерность распределения собственности уже не только в отдельных странах и регионах, но и в глобальном масштабе. При этом множились факты ее насильственного перераспределения. Постоянно действующим генератором подобных процессов выступала политика, принявшая в XX в. глобальный характер. Особенно во время холодной войны.

В экономической сфере достигнут огромный прогресс в развитии производительных сил и производительности труда. Гигантский шаг вперед сделали промышленность и сельское хозяйство. Возникли новые производства, основанные на достижениях научно-технического прогресса. Произошли крупные революционные сдвиги в социальной сфере, связанные с социалистическими, народно-демократическими и антиколониальными революциями (в России, ряде стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки). Осуществились радикальные перемены в политической сфере общественной жизни народов.

В XX в. начался новый этап общественного развития. Начало ему положила социалистическая революция в России в октябре 1917 г. Она дала мощный импульс масштабным социальным переменам. В сфере духовной культуры XX век характеризовался высокой степенью соединения культуры с народом. Значительно повысился общий уровень грамотности населения. Другой тенденцией, оказавшей огромное воздействие на глобализацию политики и рост военной силы, стала тенденция усиления взаимозависимости и взаимообусловленности стран и народов. Она подспудно зрела в течение всего предыдущего века, когда мир был поделен великими державами, каждая из которых представляла собой относительно замкнутую систему. Видной на поверхности эта тенденция оказалась во время и после мировой войны 1914–1918 гг. Не только малые государства, но и большие уже не могли самостоятельно выжить

Продукт политики милитаризма

экономически, не могли в одиночку противостоять политике великих держав, стали все больше и больше нуждаться во взаимной помощи. Тенденция усиления взаимосвязи и взаимообусловленности стран и народов рельефно проявилась во Второй мировой войне 1939–1945 гг. и после ее окончания в условиях холодной войны.

Одновременно мировое развитие сопровождалось ростом, усложнением и обострением геополитических, социальных, политических, идеологических и иных противоречий. Применение военной силы в политике государств, народов, движений приобрело глобальный и всеохватывающий характер. Глобальными оказались и последствия.

Качественно новой чертой диалектики политики и военной силы явилось небывалое расширение материального объема военной силы, превращение ее в фактор, делающий войну неприемлемым средством решения различного рода проблем, встающих перед государствами, народами, человечеством. Рост материального объема военной силы выразился в создании средств массового поражения, которые не просто увеличили боевую мощь армии, а сделали эту мощь сопоста-

вимой с космическими силами, способными уничтожить как носителей военной политики, так и саму цивилизацию. Армии получили на вооружение и значительно усовершенствованные обычные средства ведения вооруженной борьбы, боевые возможности которых многократно возросли. Само число армий значительно возросло за счет образования на руинах колониальных империй десятков новых государств. Особая роль принадлежала армиям наиболее развитых стран мира и в первую очередь — СССР и США, которые образовали ядро вооруженных сил противостоявших друг другу военно-политических блоков — ОВД и НАТО.

Все это позволяет говорить о том, что милитаризм, будучи отнюдь не новым явлением в истории, постепенно меняет свое качество и приобретает глобальный масштаб. Именно в XX столетии, особенно в эпоху холодной войны, он приобрел огромный размах и превратился в настоящую угрозу человечеству. Он развивался вглубь и вширь, его внутренние и внешние функции множились, а значение приобретало самодовлеющий характер. Милитаризм многократно усилил свое воздействие на экономику и социально-экономические отношения, политику, идеологию, коллективную и индивидуальную психологию, культуру. Произошло значительное расширение географии милитаризма, он охватил практически все регионы мира.

В послевоенном милитаризме можно выделить три основные составляющие. Первая связана с США, Западом в целом, где генератором милитаризма явились военно-промышленные монополии, для которых производство орудий разрушения и инициирование разномасштабных военных акций превратились в образ существования и основу их процветания. Срастание этих монополий с государственным аппаратом деформировало внутреннюю и внешнюю политику, придав ей опасную направленность.

Другую составляющую милитаризма условно можно назвать оборонной. Она характерна для Советского Союза и его союзников, которые оказались втянутыми в гонку вооружений, в холодную войну.

Наконец, последняя составляющая милитаризма охватила страны третьего мира. Многие из них впервые встали на путь

самостоятельного политического развития, которое протекало зачастую в конфликтных условиях.

Небывалая гонка вооружений оказалась одним из главных дестабилизирующих факторов в мире и в отдельных регионах, привела к усилению роли военного фактора в международных отношениях. Милитаризация, создание и развертывание новых видов оружия массового поражения, систем противоракетной обороны не только расшатывает стабильность военно-стратегической ситуации и усиливает напряженность в мире. Она отрицательно воздействует на решение многих жизненно важных вопросов, оборачивается невосполнимыми потерями материальных ресурсов и человеческой энергии.

Гонка вооружений оказала отрицательное воздействие на все страны, независимо от их социальных систем, географического положения, размеров территории и уровня экономического развития. Она отвлекла огромное число людей от мирного производства. Так, например, в 70–80-х гг. в мире в военной сфере было задействовано свыше 60 млн человек, причем около половины из них непосредственно служило в вооруженных силах. Четверть всех научных кадров были заняты исследованиями военных проблем, на которые ежегодно тратились огромные средства. По данным ООН, после Второй мировой войны примерно 40% финансовых ресурсов, выделенных на научные исследования и разработки, было использовано в военной области.

Постоянно растущее военное производство способствовало развитию сырьевого и энергетического кризисов. Например, уже к началу 60-х гг. во всем мире на военные нужды расходовалось до 10% мировой добычи железа, алюминия, хрома, олова, меди. Сегодня, по некоторым оценкам, этот показатель увеличился до 12–15%.

Гонка вооружений негативно воздействовала на социальное положение населения, в первую очередь в тех странах, где военные расходы росли быстрее, чем совокупный общественный продукт. Здесь снижались темпы экономического развития, росли государственный долг, инфляция, сокращались расходы на социальные нужды населения — жилищное строительство, образование, здравоохранение.

От гонки вооружений в наибольшей степени страдают развивающиеся страны, так как она отрывает их и без того скудные ресурсы на непроизводительные цели. Интересно, что, по оценкам экспертов ООН, для решения самых острых социальных проблем развивающегося мира хватило бы средств, составляющих всего 8–10% ежегодных мировых расходов на вооружение.

Милитаризация, связанная с гонкой вооружений во время холодной войны, стала серьезным препятствием на пути решения и глобальных (например, экологической) проблем современности, тем более что военное соперничество, распространяясь на все новые сферы, вышло в космос.

Воздействию милитаризма подвергается и общественное сознание, в которое целенаправленно внедряются идеи «необходимости» и «полезности» гонки вооружений для «собственного блага народов», а милитаристские предрассудки у известной части населения постепенно превращаются в устойчивый элемент мировоззрения.

После окончания холодной войны рост милитаризма временно приостановился, но быстро стал приобретать новые формы, а затем получил и дополнительный импульс к развитию, как в связи с усилением роли США в качестве единственной сверхдержавы, так и в силу сохранения тенденции к воссозданию многополюсного мира.

Все войны XX столетия, но особенно мировые и холодная, показали, что для успешного ведения военных действий необходимы огромные экономические, социальные, политические, дипломатические возможности и средства — как в ходе подготовки войны, так и во время ее ведения.

Исторический опыт свидетельствует, что в странах с агрессивным внешнеполитическим курсом еще в мирное время ведется всесторонняя подготовка войны. Ее характер и масштабы служат показателем готовности государства и его вооруженных сил начать войну, заключают в себе определенные контуры будущей войны.

В условиях подготовки войны агрессором миролюбивые государства, если они не хотят заранее смириться с участью побежденного, вынуждены предпринимать необходимые от-

ветные меры. Следовательно, в таких государствах всегда должна существовать определенная объективная мера готовности к отражению агрессии, к войне.

При этом надо иметь в виду, что механизм перехода общества от мирного состояния к военному сложен, противоречив и не одинаков для государств с разным общественным и политическим строем, с различной военной организацией.

Холодная война, добавив в этот процесс скрытности, еще более усложнила его.

5.2. Военная сила и формирование биполярного мира

Хочешь мира — готовься к войне!

Флавий Вегеций Ренат

Сегодня, когда холодная война в ее «классическом» смысле уже стала историей, появилась возможность оценить роль военной силы в ней без оглядки на принцип «свой — чужой», что предполагает большую объективность, но совсем не означает заданности выводов.

Военная сила сыграла исключительно важную роль в процессе складывания биполярного мироустройства. Ее влияние на его ход было и прямым, и косвенным.

США и Великобританию изначально беспокоила военная мощь их восточного союзника, тем более что воспринимать его на равных они не были готовы. Интересно, что разведывательные структуры как нацистской Германии, так и «западных демократий», в канун и первые месяцы войны абсолютно ошибочно оценивали военно-экономический потенциал Советского Союза и его способность к сопротивлению агрессии. Не только немецкий Генеральный штаб, но и англо-американские военные аналитики после 22 июня отводили «социалистическому колоссу на глиняных ногах» не более трех-четырёх месяцев жизни, что, в частности, стало одной из причин небольших объемов поставок по ленд-лизу в первый, самый трудный год войны. Впоследствии сам факт этой ошибки оказал негативное влияние на формирование западной политики. В известном смысле СССР не могли простить того, что он устоял

под страшным ударом Гитлера и тем самым «поломал» всю многоходовую геополитическую игру. Оказалось также, что в военном отношении Советский Союз способен на многое, и в каком положении он окажется к концу войны — это еще вопрос. А в прошлом взаимоотношений с ним явно не хватало опорных позитивных точек.

Мы уже говорили о том, что проблема дефицита доверия между СССР и его западными союзниками по антигитлеровской коалиции существовала в течение всей войны. По мере приближения ее победного финала Советский Союз все увереннее выходил в первый ряд великих держав, а это категорически не устраивало Запад, лидеры которого стремились ограничить геополитическую сферу интересов Советского Союза в Восточной Европе и на Балканах.

Советская военная мощь, столь ярко продемонстрированная в годы Второй мировой войны, воспринималась западными союзниками СССР как нежелательный фактор мировой политики и вследствие этого — как объект пристального анализа. В мае 1944 г. Объединенный комитет начальников штабов США передал госсекретарю К. Хэллу доклад, в котором отмечалось: «Если учесть все военные факторы — источники помощи, людские резервы, географическое положение и в особенности наши способности перебросить свои силы через океан и применить их на континенте, — то мы могли бы успешно защитить Великобританию, но не смогли бы победить Россию. Другими словами, втянулись бы в войну, которую мы не в состоянии выиграть» [6].

В другом докладе, датированном августом 1944 г., подчеркивалось: «Первоклассными военными державами после поражения Японии останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз. Это объясняется сочетанием таких факторов, как их географическое положение, размеры и громадный военный потенциал. Хотя США могут направить свою военную мощь во многие отдаленные районы мира, тем не менее относительная мощь и географическое положение этих двух держав не позволяют одной из них нанести военное поражение другой, даже в союзе с Британской империей» [7]. Это были реалистические оценки, основанные на признании бесперспективности войны с СССР.

Недоверие было взаимным. Немаловажную роль в его развитии со стороны СССР по отношению к Западу играл секрет разработки Соединенными Штатами и Англией атомного оружия, которым они категорически не хотели делиться с СССР, хотя многие ученые — атомщики и призывали к этому. Но лидеры США и Англии, вплоть до конференции в Потсдаме, держали в тайне все работы над атомным оружием, хотя по соглашению между СССР и Англией от 29 июня 1942 г. англичане обязаны были предоставлять Москве «всю информацию» об оружии, используемом против «общего противника» [8]. Рузвельт и Черчилль не подозревали, что Сталин знал о работах над «Манхэттенским проектом» с осени 1941 г., и стремление союзников скрыть от Советского Союза секрет атомной бомбы закономерно усиливало недоверие Кремля.

Ситуация с оценкой возможной войны с СССР как бесперспективной кардинально изменилась как раз летом 1945 г., когда в арсенале США появилось атомное оружие, позволявшее надеяться на быструю и сопряженную с небольшими потерями победу над любым противником. Атомная бомбардировка городов Японии стали стартом «атомной дипломатии» администрации президента Трумэна, направленной прежде всего против СССР. Не только отечественные ученые, но и многие западные исследователи считали и считают, что применение США атомных бомб против Японии было продиктовано не столько военной необходимостью, сколько желанием показать миру, и в первую очередь Советскому Союзу, свою военную мощь. Так, английский ученый-атомщик П. Блэкетт справедливо отметил, что «сбрасывание атомных бомб явилось не столько последним актом Второй мировой войны, сколько первой большой операцией холодной дипломатической войны с Россией, ведущейся сегодня» [9]. Это мнение подтверждается выводами, сделанными сразу после окончания войны группой американских специалистов. В подготовленном ими документе говорилось о прогнозируемых сроках капитуляции Японии в случае, если бы атомная бомбардировка не состоялась. В качестве крайней даты называлось 31 декабря 1945 г. и даже более ранние сроки [10].

Возможные последствия решения о применении атомной бомбы осознавались американским военно-политическим ру-

ководством. Так, военный министр США Г. Стимсон 11 сентября 1945 г. направил президенту Г. Трумэну меморандум, где писал: «Во многих кругах атомное оружие рассматривается как серьезное препятствие росту русского влияния на континенте. Мы можем быть уверены, что советскому правительству это известно, и советские военные и политические руководители будут испытывать большое искушение как можно скорее приобрести это оружие. Англия уже фактически является нашим партнером по работе над атомным оружием. Следовательно, если Советский Союз не будет добровольно привлечен к участию на основе сотрудничества и доверия, то мы будем иметь англосаксонский блок, противостоящий Советскому Союзу в обладании этим оружием. Такое положение почти неизбежно вызовет в СССР лихорадочную деятельность, направленную на создание бомбы, что фактически приведет к тайной гонке вооружений...

Я считаю, что наши удовлетворительные отношения с Россией не только связаны с проблемами атомной бомбы, но и фактически подчинены им... Эти отношения могут оказаться непоправимо испорченными — все зависит от того, как мы подойдем к решению вопроса о бомбе с Россией. Ибо, если мы не обратимся к ней сейчас, а лишь будем продолжать вести с ней переговоры, довольно явно держа за спиной это оружие, ее подозрительность и ее недоверие к нашим целям возрастут» [11].

Меморандум был обсужден на заседании кабинета под председательством Трумэна, но было решено сохранить монополию на атомное оружие.

Американцы заговорили с «позиции силы» уже осенью 1945 г., когда еще достаточно крепки были межсоюзнические отношения, проводились конференции министров иностранных дел великих держав, готовились первая сессия ООН и Нюрнбергский процесс. «Атомная дипломатия» по замыслу ее инициаторов должна была «поставить Советский Союз на место», показать ему, что «хозяином» в послевоенном мире будут Соединенные Штаты.

Осенью 1945 г. Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) разрабатывает меморандумы JCS-1496/2 «Основы

формирования Американской военной политики» и JCS-1518 «Стратегическая концепция и план применения вооруженных сил США». В этих документах была легализована идея превентивного нападения, первого удара, целесообразность которого мотивировалась прагматическими соображениями. В меморандуме JCS-1496/2 говорилось: «Если станет известно, что против нас готовятся выступить войска потенциально-го противника, мы не можем позволить, чтобы из-за ложных и опасных идей о недопустимости собственных агрессивных действий нам был нанесен первый удар. В этих условиях наше правительство должно быстро принять политическое решение, в то время как будет проведена подготовка для того, чтобы нанести, если это необходимо, первый удар» [12].

В ноябре того же года в отчете 329 Объединенного разведывательного управления в качестве возможных целей для атомной бомбардировки назывались 20 советских городов. При этом характерно, что в американских военных кругах господствовало мнение, что СССР «не представляет непосредственной опасности», поскольку он истощен войной, а вот его возможности делают Советский Союз потенциальным противником [13] (разумеется, кроме этого обстоятельства на то, что именно СССР стал объектом американского военного планирования, влияли соображения геополитического характера, идеологический антагонизм, существовавший между двумя державами, и др.). В документе отмечалось, что поскольку атомные бомбардировки малоэффективны против обычных вооруженных сил и транспортной системы, то атомная бомба более пригодна для массового истребления населения городов. Так, в США была принята доктрина «первого удара». В ноябре 1945 г. генерал Д. Эйзенхауэр заявил: «Нет смысла закрывать глаза на тот факт, что мы думаем о войне с Россией».

Практически одновременно с появлением вышеназванного документа под руководством Эйзенхауэра, в то время командующего оккупационными вооруженными силами США в Германии, разрабатывается первый план войны против Советского Союза с применением ядерного оружия. В качестве основного театра военных действий в нем рассматривалась Европа. Уверенность в неизбежности победы американского

оружия в войне против СССР придавала дополнительный вес «атомной дипломатии». Основой военной стратегии США стал расчет на быстротечную и одностороннюю воздушно-атомную войну. Предполагалось, что угроза массированной бомбардировки объектов страны-мишени заставит ее правительство согласиться с любыми условиями мира по-американски.

26 июля 1947 г. президентом Трумэнном был подписан законопроект, получивший название «Акт о национальной безопасности». Принятый закон положил начало качественно новому этапу в истории американских вооруженных сил, стал основой дальнейшего развития их военной мощи. Особое место в структуре государственной власти занял Совет Национальной Безопасности. В положении об его учреждении указывалось, что в числе прочего в функции Совета входит подготовка рекомендаций президенту по вопросам внутренней, внешней и военной политики, связанной с проблемами национальной безопасности; а также оценка целей, обязательств и возможных последствий внешнеполитических действий Соединенных Штатов.

Уже в 1945–1949 гг. США готовили войну с применением атомного оружия против СССР. Правда, в то время ядерных зарядов было сравнительно мало (1946 г. — 6, 1947 г. — 13, 1948 г. — 50, в 1949 г. — около 250, в 1950 г. — около 450 [14]), что в сочетании с боевыми возможностями бомб позволяло применять их только по крупноплощадным целям, то есть по городам. Поэтому именно они определялись в качестве основных объектов для удара. Так, в 1949 г. в США был принят план войны против СССР «Дропшот», основанный на этой стратегии.

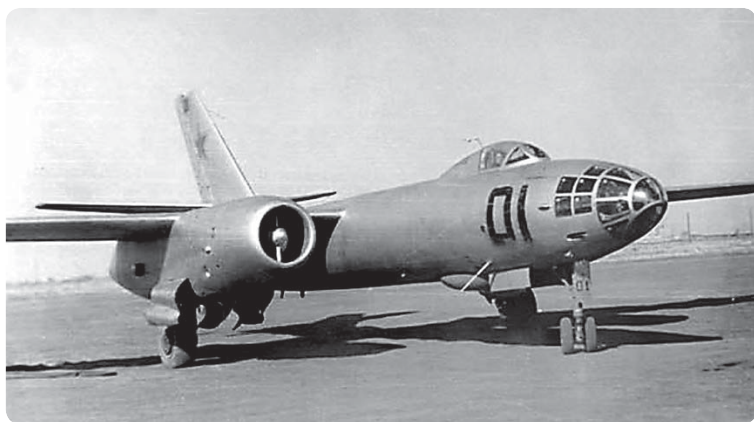
Советский Союз осознавал опасность и принимал меры к тому, чтобы найти адекватный ответ. С одной стороны, форсированным темпом велись работы по созданию советской атомной бомбы, с другой — в Восточной Европе содержалась мощная группировка сухопутных войск, потенциально способная в считанные дни оккупировать Западную Европу вплоть до Ла-Манша и Средиземного моря. Таким образом, угрозе атомных бомбардировок советской территории была противопоставлена угроза быстрого поражения европейских союзников

США, в которых они нуждались не только военно-политически, но и экономически. Именно реальная возможность успешного «танкового марша советов» к Ла-Маншу и Пиренеям сдерживала американских «ястребов». Более того: с высокой долей вероятности можно утверждать, что советский военный потенциал еще в 40-е гг. уберег СССР от атомного нападения Соединенных Штатов.

С появлением у Советского Союза в 1948 г. Ил-28 — реактивного бомбардировщика, носителя атомной бомбы, способного поражать цели в Великобритании и в некоторых других странах, где находились авиабазы США, а в 1949 г. — и атомной бомбы положение изменилось.

Особенно ярко это проявилось в годы войны в Корее, когда данное обстоятельство удержало американское руководство от применения ядерного оружия. В 1948 г. в разгар Берлинского кризиса англичане легко согласились на размещение на своей территории 60 американских бомбардировщиков В-29 с ядерными бомбами на борту. Однако в 1950 г., когда генерал Д. Макартур, командовавший «войсками ООН» в Корее, потребовал от Белого дома применить атомную бомбу по объектам КНР и президент Г. Трумэн первоначально поддержал его, премьер-министр Великобритании К. Эттли немедленно вылетел в США с просьбой к Вашингтону воздержаться от своих намерений. Он опасался, что в этом случае Британия может подвергнуться воздушно-атомному удару со стороны СССР. Трумэн согласился с Эттли, пообещав консультироваться с Лондоном. В своих воспоминаниях он признавал: «Если бы мы начали атаковать коммунистический Китай, то должны были бы ожидать русского вмешательства» [15]. И в более поздний период Корейской войны, когда уже другие фигуранты (Эйзенхауэр) выдвигали подобные предложения, европейские лидеры ссылались на опасность ответного атомного удара СССР по Западной Европе.

В 1951 г. У. Черчилль, ранее выступавший сторонником ядерной войны против СССР, заявил: «Мы не должны забывать, что... превращаем себя в мишень». Так советская военная сила снова девальвировала угрозу применения атомной бомбы против Советского Союза.

Бомбардировщик Ил-28

Однако руководители США и созданного в 1949 г. блока НАТО не утратили надежды на сохранение и увеличение своего подавляющего военного преимущества над СССР и продолжали совершенствовать свое ядерное оружие.

В 1954 г. в США была принята стратегия «массированного возмездия», в основе которой были планы внезапного массированного воздушного нападения на Советский Союз силами стратегической авиации, вооруженной ядерными бомбами и крылатыми ракетами. К тому времени стратегическая авиация стала приоритетным видом вооружений и ведущим родом войск в вооруженных силах США. Считалось, что при массированном применении она является силой, способной в решающей степени подорвать военно-промышленный потенциал противника и добиться победы в кратчайшие сроки.

Упор на стратегическую авиацию в послевоенные годы объяснялся и тем, что тяжелые бомбардировщики могли действовать с континентальной части США, а средние — с передовых баз, по целям в Европе и Азии, тогда как территория самих Соединенных Штатов оставалась практически недосягаемой для потенциальных противников (СССР, позже и КНР). Исходя

из этого американские теоретики «воздушной войны» (У. Митчелл, А. Северский и др.) считали, что межконтинентальная авиация, вооруженная ядерными боеприпасами, делает все остальные традиционные виды вооруженных сил устаревшим оружием. При этом особое внимание обращалось на создание качественно новых средств доставки ядерного оружия к цели. Именно в этом виделся залог победы США в будущей войне, так как технологическое превосходство американской авиапромышленности над советской считалось бесспорным, а американский опыт ведения воздушной войны — уникальным и в ближайший перспективе неповторимым. Утверждалось, что воздушная мощь позволяет вести войну на условиях США, тогда как сухопутная война будет вестись на условиях СССР. Отсюда делался вывод, что военное строительство должно быть подчинено идее максимального развития средств воздушного нападения, даже в ущерб армии и флоту [16].

Программа строительства стратегической авиации основывалась на этих постулатах. С начала 50-х гг. основным ее самолетом стал средний стратегический бомбардировщик В-47 «Стратоджет», первые образцы которого имели максимальную скорость 960 км/ч, практический потолок 12,5 тыс. м и дальность полета 8000 км. На этот бомбардировщик, в связи со скоростью и высотой его полета, возлагались большие надежды по преодолению противовоздушной обороны. К 1955 г. большинство частей и подразделений стратегической авиации были перевооружены с В-29 и В-50 на В-47. В середине 50-х гг. на вооружении находилось всего 375 самолетов В-36 и уже 1200 В-47. Однако тактико-технические характеристики В-47 все же не давали ему возможности при базировании на аэродромах континентальной части США достигать объектов СССР, находящихся в глубоком тылу.

Поэтому был разработан, а с 1954 г. стал поставляться в войска тяжелый реактивный бомбардировщик В-52, с дальностью действия 16 000 км (в дальнейшем 18 000 км) и скоростью 960 км/ч. В 1959 г. на вооружении уже было 500 этих машин. Но вопрос труднодоступности глубинных районов Советского Союза беспокоил американских стратегов. Дополнительные решения проблемы были найдены через освоение дозаправ-

ки бомбардировщиков в воздухе и создание новых передовых баз. Для этого в составе САК был создан флот самолетов-топливозаправщиков.

Поскольку, однако, он был относительно малочисленным, то командование САК решило часть В-47 содержать в постоянной боевой готовности на передовых авиационных базах в Англии, Испании, Марокко, на Аляске и островах Тихого океана. Эта система дежурства получила условное наименование «Ответные действия». Такое название маскировало истинную сущность передового базирования, цель которого состояла в том, чтобы обеспечить успех первого внезапного ядерного удара по СССР. Дежурство части сил стратегической авиации на авиабазах, расположенных в непосредственной близости от границ СССР и его союзников, увеличивало возможности более быстрого, одновременного и массированного ее применения.

В рамках стратегии «массированного возмездия» была принята и так называемая авиационная доктрина, в которой были пересмотрены не только принципы боевого использования, но и тактика действий различных родов авиации в условиях применения ядерного оружия¹. В документе указывалось, что ВВС являются основным военным средством, обеспечивающим захват инициативы и достижение решительных результатов в войне. Главное место среди родов авиации отводилось стратегическим бомбардировщикам как средству, способному в короткий срок нанести противнику невосполнимые потери. Вооруженная атомными, водородными, бактериологическими и химическими бомбами, стратегическая авиация рассматривалась как сила, обеспечивающая «национальную безопасность» и как оружие устрашения.

По расчетам американского военно-политического руководства, стратегическая авиация уже в начальном периоде будущей ядерной войны должна была сыграть особую, решающую роль. Первые удары по жизненно важным объектам военного и экономического потенциала противника предполагалось нанести с максимальным использованием фактора внезапно-

¹ В США под «авиационной доктриной» понимаются теоретические взгляды на особую роль и предназначение авиации в войне.

сти. В отличие от 40-х гг., когда преимущество американской авиатехники было почти абсолютным, теперь стратегической авиации предстояло действовать не сольно, а в тесном взаимодействии с другими родами авиации. Генерал К. Лемэй, в тот период возглавлявший САК, так формулировал задачи, стоящие перед стратегической авиацией: поражение жизненно важных объектов противника, в первую очередь — аэродромов базирования авиации, способной нести атомное оружие, а также предприятий атомной промышленности; полное разрушение промышленных объектов и других источников мощи противника путем проведения массированных ударов по заранее намеченным целям; постоянная готовность к поддержке действий сухопутных войск.

Наиболее эффективной формой боевого применения стратегической авиации называлась воздушная операция, которая должна была проводиться по планам верховного командования. В операции предполагалось участие не только сил стратегической авиации, но также тактической и палубной авиации, находящейся на театрах военных действий, причем действия всех этих компонентов должны были быть заранее спланированы по времени и целям. Носители ядерного оружия должны были действовать с передовых баз, расположенных в европейских странах НАТО. Главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерал Гюнтер в 1954 г. заявил: «Мы определили, что наша стратегия в центре требует применения ядерного оружия независимо от того, будет ли оно применено противником или нет» [17].

Вскоре, однако, выяснилось, что стратегия «массированного возмездия» малопригодна для достижения политических целей. Например, она по определению была бессильна остановить распад колониальной системы.

К тому же, как известно, американская атомная монополия оказалась недолговечной. В СССР работы по созданию ядерного оружия были начаты весной 1943 г. Толчком к этому послужили сообщения внешней разведки о проведении соответствующих исследований за рубежом, прежде всего в Германии. Под руководством И.В. Курчатова создается «Лаборатория измерительных приборов Академии наук», чья деятельность,

однако, далеко выходила за рамки названия. По ряду причин, в первую очередь финансового характера, в течение первых двух лет работа находилась на стадии предварительных оценок и экспериментов.

Атомная бомбардировка Японии послужила катализатором осуществления ядерной программы в СССР. Уже 20 августа 1945 г. выходит постановление ГКО, согласно которому образуется Специальный комитет, в ведение которого включается организация всех необходимых работ по созданию атомного оружия. Его председателем стал Л.П. Берия, являвшийся в этот период заместителем председателя Совета народных комиссаров. Для непосредственного руководства атомным проектом образуется Первое главное управление при СНК во главе с Б.Л. Ванниковым, чьим заместителем назначается И.В. Курчатov.

Работы велись в чрезвычайно высоком темпе. Активно строились объекты для добычи и переработки урана, плутония, конструирования и серийного производства атомных бомб. Первоначально, летом 1946 г., планировалось изготовить бомбы двух типов: плутониевого и уранового, то есть повторить американский путь (известно, что благодаря деятельности советской разведки наши ученые имели достаточно подробное представление о работе своих американских коллег). Однако проделанные расчеты и эксперименты показали, что урановая бомба имеет недостаточно высокую эффективность.

Из-за низких темпов накопления плутония к лету 1949 г. можно было изготовить только один заряд. Для взрыва РДС-1 был выбран полигон № 2, расположенный к западу от Семипалатинска. Там сооружается специальная 30-метровая башня, подобная той, которая использовалась американцами для испытаний в Нью-Мексико.

Выбор «башенного варианта» был предопределен тем, что если бомба в первый раз по каким-либо причинам не взорвалась, то после устранения неполадок были возможны новые попытки. При сбросе с самолета такой возможности не было, так как при ударе о землю бомба разрушалась.

Еще в 1947 г. В.М. Молотов от имени советского правительства сделал официальное заявление о том, что секрета атомной бомбы для СССР больше не существует. В США ему тогда

После испытаний. Ядерный полигон в Семипалатинске

не поверили, решив, что имеют дело с блефом. И вот 29 августа 1949 г. испытание было проведено успешно, а монополия США на атомное оружие перестала существовать. 3 сентября самолет-разведчик В-29 американских ВВС, совершая плановый полет над северной частью Тихого океана, недалеко от полуострова Камчатка, обнаружил повышенную радиоактивность взятой пробы воздуха. Последующий анализ позволил американцам сделать вывод о проведенном в СССР ядерном взрыве. 25 сентября ТАСС официально сообщило, что в Советском Союзе освоено производство атомного оружия¹.

Столь быстрое создание Советским Союзом атомного оружия вызвало на Западе и прежде всего в США значительный резонанс. Американское руководство восприняло успешные испытания под Семипалатинском как первый шаг на пути ликвидации геостратегической неуязвимости США. Уже в январе 1950 г. президент Трумэн принимает решение об активизации работ «над всеми видами атомного оружия, включая водород-

¹ Правда. 1949. 25 сент.

ное». Таким образом, начинается гонка термоядерных вооружений, в которую следом за США включается СССР, а позже Великобритания, Франция и Китай.

В Советском Союзе вскоре после взрыва под Семипалатинском разрабатывается серийная атомная бомба, имевшая при весе 3 т мощность в 40 кт тротила (у РДС-1 было соответственно 5 и 20 кт). Это оказалось возможным за счет создания принципиально новой конструкции, фокусирующей действие продуктов обычного взрыва на центральный ядерный заряд. И в дальнейшем работы идут по пути значительного увеличения удельной мощности атомных зарядов при одновременном уменьшении их габаритов и веса.

В октябре 1951 г. И.В. Сталин заявил о плановом и систематическом характере работ по совершенствованию ядерного оружия [18]. И действительно: в 1950–1955 гг. в СССР была осуществлена целая серия успешных испытаний атомных бомб различного типа, а 12 августа 1953 г. стал «днем рождения» советской водородной бомбы.

И.В. Курчатов на сессии Верховного Совета СССР в 1956 г. подчеркивал, что создание советской водородной бомбы — это ответ на американские планы ведения атомной войны против СССР [19]. В начале 60-х гг. были испытаны ядерные боеприпасы мощностью 30–50 мегатонн.

Советский Союз, создав значительный арсенал ядерных боеприпасов, нашел и решение проблемы доставки их к цели. Принципиальное решение о разработке отечественного бомбардировщика, близкого по своим летно-техническим характеристикам к американскому Б-29, было принято в конце 1943 г. Однако трудности финансового, экономического и организационного характера не позволили оперативно решить эту проблему. Проект самолета, разработанного в КБ А.Н. Туполева, не отвечал требованиям, предъявляемым к нему военновоздушными силами. Отставание от передовой авиационной техники становилось все более значительным, что не являлось секретом для американцев. По мнению экспертов ВВС США, советская авиация дальнего действия была таковой только по названию, а на деле располагала лишь устаревшими машинами без ближайших перспектив их замены на более совре-

менные. США и Великобритания, по отзыву этих специалистов, имели подавляющее превосходство как по количеству, так и по качеству бомбардировщиков дальнего действия [20]. В сложившейся обстановке советское руководство принимает решение скопировать самолет В-29 (четыре такие машины во время войны совершили вынужденную посадку на советской дальневосточной территории и были интернированы). Конструкторское бюро Туполева получает соответствующее правительственное задание. Определен и срок — 2 года. Подобный шаг носил вынужденный характер, но в связи с существенным отставанием Советского Союза в авиационной области был наиболее предпочтительным выходом, поскольку значительно упрощал задачу. Тем не менее она оставалась весьма сложной, ведь требовалось, помимо всего прочего, коренным образом изменить технологический процесс, причем как на авиационных заводах, так и на смежных предприятиях.

3 августа 1947 г. на воздушном параде в Тушино тройка самолетов, получивших обозначение Б-4 (позже Ту-4), была показана публике, а всего с 1948 по 1952 г. было построено 850 таких машин [21]. Создание и серийное производство Ту-4 подготовило почву для появления последующих советских стратегических бомбардировщиков: Ту-16, Ту-95, М-4 и др.

И все же в Кремле, сознавая свое серьезное отставание от США в развитии стратегической авиации, отказались буквально повторять их путь. В качестве основного носителя ядерных зарядов были избраны ракеты. Это стало верным решением, оказавшимся неожиданным и сильным ходом в глобальном военно-политическом противоборстве с США. Его организационный, научный и экономический фундамент закладывался еще в первые послевоенные годы.

Надо сказать, что успехи Германии в разработке и применении ракет Фау-1 и Фау-2 обусловили повышенное внимание к данной проблеме со стороны США и СССР. В апреле 1945 г. около 500 ведущих специалистов немецкого ракетно-конструкторского бюро во главе с В. фон Брауном сдались в плен к американцам, а уже осенью того же года в форте Блисс (США) началась работа по сборке ракет из деталей, вывезенных из оккупированной Германии, и их совершенствованию.

В советской оккупационной зоне весной 1945 г. создается организация под кодовым обозначением Институт «Нордхаузен» — по названию города, где находился подземный завод по производству Фау-2. Здесь работало около 200 немецких ракетчиков из числа тех, кто не ушел к американцам. В конце 1946 г. институт был переведен в СССР; немецкие специалисты проводили свои исследования в нем около трех лет, затем они были возвращены в Германию.

Постановлением правительства СССР от 13 мая 1946 г. были созданы специальные управленческие структуры, на которые возлагалось непосредственное руководство ракетостроением. Среди них: Специальный комитет по реактивной технике при Совете министров (в последующем — Специальный комитет при СМ СССР); 7-е Главное управление Министерства вооружения [22]. Общее руководство было поручено Г.М. Маленкову, а его первым заместителем, фактически отвечавшим за все дело, стал министр вооружения Д.Ф. Устинов.

Процесс оснащения Вооруженных Сил ракетным оружием требовал строгой регламентации эксплуатации и обслуживания новой техники. Образованное в Министерстве Вооруженных Сил 4-е Главное управление отвечало за изучение состояния и развития современного реактивного вооружения, разработку системы вооружения им армии и флота, составление сводных планов научно-исследовательских и опытных работ, а также планов серийных заказов, контроль за работой аналогичных управлений видов Вооруженных Сил и координацию их деятельности, контроль за внедрением реактивного вооружения в войсках и за его эксплуатацией, выработку предложений о внедрении новых образцов реактивного вооружения [23].

Первое время коллектив ракетно-конструкторского бюро под руководством С.П. Королева восстанавливал точные чертежи Фау-2 с помощью немецких специалистов и захваченной документации. Дело осложнялось тем, что наиболее ценная ее часть попала к американцам или была уничтожена. Из разрозненных деталей и узлов, найденных на немецких заводах, а частично сделанных в СССР, удалось собрать 11 ракет Фау-2, пробные пуски которых показали низкую надежность ракет.

В том же году была завершена работа над созданием первой отечественной ракеты Р-1 с дальностью полета 270 км. Во многом она копировала Фау-2, но была целиком изготовлена на советских заводах. В октябре 1948 г. состоялся ее первый успешный пуск. Он выявил высокие качества ракеты как эффективного средства доставки мощных боевых зарядов к цели. Р-1 обладала большой скоростью полета и имела значительную в то время высоту траектории. Принятие на вооружение решением правительства от 28 ноября 1950 г. такой ракеты означало, что Советские Вооруженные Силы получили принципиально новое оружие — баллистические ракеты. Спустя три года была испытана более совершенная ракета Р-2 с дальностью полета 600 км. Она поступила на вооружение созданных к тому времени ракетных частей в ноябре 1951 г.

Разработка и организация производства ракетной техники продолжались и в дальнейшем. Так, в 1951–1953 гг. в СССР были успешно проведены запуски ракет в верхние слои атмосферы с высотой полета до 450 км. Осуществлялась работа по созданию ракеты Р-5М, способной нести как обычный, так и ядерный заряд. Эта ракета была первой баллистической ракетой средней дальности с максимальной дальностью полета 1200 км и подлетным временем в 10 минут. Параллельно с Р-5М велась разработка ракеты Р-11, которая в апреле 1953 г. прошла испытания и после существенной модернизации под кодовым наименованием Р-11М в июле 1955 г. была принята на вооружение Сухопутных войск Вооруженных Сил [24].

Таким образом, к 1956 г. в нашей стране было создано несколько образцов отечественных баллистических ракет с дальностью полета до 1200 км, которые имели как обычное, так и ядерное снаряжение головных частей.

Это означало, что Советский Союз получил в свое распоряжение такие средства военной силы, которое были соизмеримы с американскими. Однако дальность их полета оставалась явно недостаточной, и руководство СССР поставило перед учеными и ракетостроителями задачу сосредоточить усилия на создании межконтинентальных средств доставки ядерных и термоядерных боеприпасов к цели. Это был принципиально новый подход

к вопросам развития средств и способов вооруженной борьбы с учетом требований современной войны.

В 1956–1957 гг. велась разработка и подготовка к производству межконтинентальных ракет Р-7 и ракет средней дальности Р-12 (до 2000 км). В последующие годы на базе первых межконтинентальных ракет были созданы мощные ракеты-носители, с помощью которых производились запуски космических аппаратов всех типов.

21 августа 1957 г. в Советском Союзе впервые в мире была успешно испытана межконтинентальная, многоступенчатая баллистическая ракета (МБР) Р-7. В заявлении ТАСС говорилось: «На днях осуществлен запуск сверхдальней, межконтинентальной, многоступенчатой баллистической ракеты. Испытания ракеты прошли успешно, они полностью подтвердили правильность расчетов и выбранной конструкции. Полет ракеты происходил на очень большой, еще до сих пор недоступной высоте. Пройдя в минимальное время огромное расстояние, ракета попала в заданный район»¹.

Советский Союз уверенно вступил в ракетно-ядерную эру и получил полное право называться сверхдержавой.

Появление в СССР современных вооружений (межконтинентальные баллистические ракеты, атомные подводные лодки-ракетоносцы, зенитные ракетные комплексы, стратегические бомбардировщики и т.д.), требующих небольшого, но высококвалифицированного персонала для их обслуживания, позволило советскому правительству пойти на сокращение громоздких и дорогостоящих сухопутных войск. Этому способствовало и общее потепление международного климата в середине 50-х гг. В 1953 г. закончилась война в Корее; в 1954-м были подписаны Женевские соглашения, прекратившие войну в Индокитае; в 1955-м из Австрии были выведены оккупационные войска, и она стала нейтральным государством; готовилась первая после войны встреча глав правительств СССР, США, Англии и Франции.

В связи с этим в 1955 г. СССР сократил численность своих вооруженных сил на 640 тыс. человек, в 1956-м — еще на

¹ Правда. 1957. 27 авг.

1,2 млн, в 1957-м — на 300 тыс. человек. Были расформированы 63 дивизии и бригады, часть военных училищ, 375 кораблей поставлено на консервацию. В заявлении советского правительства от 14 мая 1956 г. говорилось, что СССР «стремится содействовать делу практического осуществления программы разоружения». На встрече в верхах в Женеве летом 1955 г. СССР предложил сократить вооруженные силы Советского Союза, США и Китая до 1–1,5 млн человек, а Англии и Франции — до 650 тыс. человек [25].

Однако эта инициатива Советского Союза не была принята Западом. Крайнее недоверие, существовавшее между участниками холодной войны, не позволяло разработать и применить на практике действенные меры контроля над процессом разоружения, что делало его почти невозможным. И еще одно принципиальное обстоятельство: США и их союзники все еще не воспринимали СССР на равных, по-прежнему рассчитывали на свое преимущество в вооружениях и экономическом потенциале.

Правда, к этому времени в Вашингтоне пришли к выводу, что прежние доктринальные установки исчерпали себя. Создание в СССР ракетно-ядерного оружия, способного поражать цели на американской территории, девальвировало стратегию «масшированного возмездия», лишив США статуса единственной сверхдержавы и неустрашимости, но не амбиций и иллюзий.

Достижения СССР в области создания новейших вооружений привели к заметному изменению общей военно-политической ситуации. Осенью 1957 г. Советский Союз открыл для человечества космическую эру: вывод на орбиту искусственных спутников Земли имел прежде всего гуманитарное значение. Был, однако, у этого события и выраженный военный аспект. Факт запуска свидетельствовал о том, что СССР получил в свое распоряжение средства доставки ядерных зарядов на американский континент. Поэтому неудивительно, что запуск спутников вызвал «серьезные сомнения относительно адекватности военных, политических и экономических приготовлений, на которые западные державы до сих пор полагались» [26].

Последующие космические свершения Советского Союза, особенно облет советским спутником Луны (1959) и полет

*Первый
искусственный
спутник Земли*

Ю.А. Гагарина (1961), показали, что Советский Союз вырвался вперед в деле освоения ракетных технологий. В Соединенных Штатах все громче звучали утверждения об их «ракетном отставании от СССР».

Позитивные процессы набирали силу и в советской экономике. Специальная комиссия Конгресса по определению национальных целей США, образованная в 1960 г. по указанию президента Д. Эйзенхауэра, прогнозировала в текущем десятилетии рост промышленного производства в США и Западной Европе на уровне 40%, тогда как в Советском Союзе — 70%, а в Китае — 100% [27].

В этих условиях Вашингтон инициировал разработку новой стратегической доктрины, тем более что концепция «массированного возмездия» уже не отвечала требованиям времени. Стала очевидной невозможность применения воздушно-ядерной мощи против стран третьего мира, как ввиду низкой эффективности этого шага, так и в силу высокого риска тяжелых осложнений. Обретенная СССР способность аналогичными средствами действовать по территории США окончательно поставила крест на старых доктринальных установках [28]. Требовалось разработать такую стратегию, которая давала бы

американскому руководству новые возможности эффективно использовать военную силу как инструмент политики.

Ответом на эту потребность стала стратегия «гибкого реагирования», вобравшая в себя важные генетические черты своей предшественницы. «Концепция гибкого реагирования не означает, — отмечали на Западе, — отмены массированного возмездия, которая является ее дополнением» [29].

В Вашингтоне признали, что СССР, сделав ставку на ракеты, а не на самолеты, создал адекватную угрозу США и получил ряд преимуществ в стратегических вооружениях. Даже с учетом недостатков, присущих ракетам того времени (низкая надежность, малая точность, уязвимость стартовых позиций), такие их преимущества как скорость и трудность перехвата, привели к тому, что к концу 50-х гг. ракетное оружие стратегического назначения стало играть в структуре стратегических ядерных сил (СЯС) США заметную роль. К тому же с помощью ракет можно было наносить удары не только по объектам экономики, но и непосредственно по стратегическим силам противника [30]. Ракетно-ядерные средства нападения быстро превратились в важнейший инструмент политики холодной войны. Процесс ускорился с завершением работ по созданию первых типов ракет стратегического назначения — МБР «Атлас» и «Титан», а также ракет средней дальности — «Тор» и «Юпитер».

Теперь «ядерное сдерживание» рассматривалась тройко:

— во-первых, как угроза применения силы с целью утверждения национальных интересов США во внешнем мире. При этом допускалась возможность нанесения первого, упреждающего удара по стратегическому потенциалу противника (так называемый контрсилловой удар);

— во-вторых, как угроза нанесения «неприемлемого ущерба» противнику в ходе ответного удара при его нападении на США (так называемый контрценностный удар);

— в-третьих, как вариации и сочетание первых двух типов с целью устрашения.

В рамках стратегии «гибкого реагирования» часть стратегических средств воздушно-ракетного нападения требовалось перенацелить с городов СССР на его ракетные и авиационные базы с тем, чтобы минимизировать ответный советский

удар, но и задача нанесения сокрушающего удара по военно-экономическому потенциалу СССР и его крупным городам с повестки дня не снималась.

Такая постановка вопроса требовала увеличения числа стратегических ракет и улучшения их тактико-технических характеристик: сокращения подлетного времени до целей, повышения живучести и точности.

Эти задачи была призвана решить принятая при президенте Д. Кеннеди программа развертывания стратегических вооружений, которая предусматривала создание стратегической триады: межконтинентальных баллистических ракет (МБР), баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) и стратегических бомбардировщиков (СБ); повышение технической надежности ракет и оснащение их разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН); создание против СССР дополнительной стратегической угрозы путем развертывания в Европе ракет средней дальности «Тор» и «Юпитер» и подводных лодок с ракетами «Поларис» [31].

По планам, разработанным в ведомстве Р. Макнамары (министр обороны в администрации Д. Кеннеди), СЯС США могли нанести первый контрсилевой удар по стратегическим объектам СССР, а затем, после ослабленного ответного советского удара, нанести второй удар по городам Советского Союза. Если же первый удар по США наносил СССР, то предполагалось в контрцелостном ударе по СССР нанести ему неприемлемый ущерб, уничтожив минимум 25% населения и 50–70% промышленности. Расчеты показывали, что в случае советского удара по американским городам США теряли около 100 млн человек, если же ракетно-ядерная война сводилась бы к обмену контрсилевыми ударами с американским первенством, то США имели шанс выиграть войну со значительно меньшими потерями [32].

В 1962 г. Кеннеди открыто заявил, что «при определенных условиях мы должны быть готовы к применению ядерного оружия первыми»¹. Здесь явно присутствовал и дополнительный психологический расчет. СССР внушалось, что США не остановятся ни перед чем. «Мы даем нашему возможному противнику

¹ Правда. 1983. 30 мая.

наисильнейший побудительный мотив... чтобы воздержаться от удара по нашим городам», — подчеркивал Макнамара [33].

К 1967 г. СЯС США насчитывали 1054 ракеты «Минитмен» и 108 «Титан-2», 41 атомную подводную лодку с 656 ракетами «Поларис», 500 стратегических бомбардировщиков В-52. В дополнение к этому Великобритания имела 4 атомные подводные лодки, вооруженные ракетами «Поларис», и 80 стратегических бомбардировщиков, Франция — 45 стратегических бомбардировщиков [29, с. 256].

Наращивал свой ядерный потенциал и Советский Союз. В 1959 г. был создан новый вид вооруженных сил — РВСН. В том же году поступил на вооружение ракетный комплекс Р-12 (дальность — 2000 км), в следующем году — межконтинентальная ракета Р-7, в 1961 г. — ракетный комплекс Р-14 (дальность — 4500 км) и межконтинентальная ракета Р-16 [34].

Главным элементом в стратегических вооружениях оставались межконтинентальные ракеты. И хотя здесь в начале 60-х гг. в количественном отношении СССР значительно отставал от США, сам факт, что он может нанести ракетный удар по американским городам, имел принципиальное значение. Обе страны оказались уязвимыми для ракетно-ядерных ударов, поскольку не имели средств защиты от МБР, а время подлета ракет к целям было равным и составляло около 30 мин. Эта ситуация устраивала Советский Союз, так как именно к такому положению вещей он долгое время стремился, но не устраивала Соединенные Штаты, ибо они ничего не приобрели, но зато потеряли безопасность.

Поэтому в Вашингтоне решили создать ракетные группировки в непосредственной близости от границ СССР, что позволяло значительно сократить подлетное время и обеспечить себе наиболее выгодные условия на случай ракетно-ядерной войны. На сессии совета НАТО в декабре 1957 г. государственный секретарь США Д. Даллес предложил разместить ракеты средней дальности в европейских странах альянса. Англия, Турция, а позднее Италия дали свое согласие.

«Тор» и «Юпитер» (дальность 2700–2800 км) были приняты на вооружение в 1958 г. Они стали оружием первого удара, что косвенно подтверждалось высоким временем их подготов-

ки к пуску и низкой защищенностью (они располагались на незащищенных стартовых площадках). По оценке самих американских военных экспертов, эти ракеты были «фактически бесполезны для чего-либо другого, кроме как для первого удара» [35]. А следовательно, территории стран, где они дислоцировались, становились первоочередной целью для ответного удара СССР. Осознание этой факта удержало другие страны НАТО последовать примеру Англии, Италии и Турции.

В течение последующих двух лет в Великобритании были размещены четыре эскадрильи (60 пусковых установок) ракет «Тор», в Италии — две эскадрильи (30 пусковых установок) «Юпитер», в Турции — одна эскадрилья (15 пусковых установок) ракет «Юпитер». Их размещение в названных странах позволяло не только сократить подлетное время, но и рассредоточить средства ядерного нападения.

Таким образом, стратегическая обстановка на европейском континенте изменилась в худшую для Советского Союза сторону: теперь уже через 8–12 минут ракеты НАТО могли поразить объекты на Европейской части СССР и в других странах Варшавского Договора. Американское руководство испытывало по этому поводу «глубокое удовлетворение».

Во время встречи Кеннеди и Хрущева в Вене в 1961 г. американский президент заметил, что запасы ядерного оружия позволяют США дважды уничтожить СССР. Но Хрущев в присутствии ему своеобразном стиле ответил, что мы, мол, «в отличие от вас, люди не кровожадные, это вы намереваетесь бить по мертвым, а нам и одного раза достаточно» [36].

5.3. Военная сила и паритет

*Нелегкое сосуществование лучше
легкого несуществования.*

Неизвестный автор

Как мы уже выяснили, своеобразным стержнем военно-политических отношений СССР и США в годы холодной войны выступал баланс стратегических наступательных вооружений, который в значительной мере определял военную безопасность

сторон. Исторически он эволюционировал от позиции безраздельного монополизма Соединенных Штатов в данной области до установления и поддержания военно-стратегического паритета.

По сути, борьба за паритет велась Советским Союзом с самого начала холодной войны и вплоть до ее окончания, но в рамках заявленной в разделе проблемы мы сконцентрируем внимание на 60–80-х гг. как наиболее важном временном периоде.

Взаимоприемлемое разрешение Карибского кризиса способствовало ослаблению открытой конфронтации и, как казалось, создало предпосылки для продолжения диалога между Западом и Востоком. В этом смысле заключение 5 августа 1963 г. Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космосе и под водой между США, СССР и Великобританией стало несомненным успехом политики компромисса или, говоря иначе, «мирного сосуществования государств с различным общественным строем».

Однако временное снижение напряженности в отношениях сверхдержав совсем не означало, что холодная война идет к завершению. Напротив, очень скоро она обрела второе дыхание и дала мощный импульс новому витку гонки вооружений. На наш взгляд, это было неизбежно.

Дело в том, что теперь, когда СССР стал полноправным обладателем ракетно-ядерного оружия стратегического назначения, достижение паритета с США стало для него во многом

Таблица 1. Ядерный баланс в 1963 г.

Вид оружия	США	СССР
Пусковые установки МБР	229	44
Пусковые установки	144	97
Бомбардировщики среднего радиуса действия	105	/20–40 на Кубе/
Стратегические бомбардировщики	1300	155
Ядерные боеголовки	4150	360

Источник: Шардаков В. С. *Военно-стратегический паритет. М., 1992.*

технической задачей. Да — сложной, да — весьма затратной, да — приоритетной, но все-таки технической. К тому же в результате Карибского кризиса советское руководство лишний раз убедилось в том, что США крайне чувствительны к собственной безопасности, а ускоренное совершенствование и наращивание стратегических вооружений позволяло СССР, уже не размещая своих ракет на чужой территории, как бы воспроизвести кубинский сценарий в новом качестве. В самом деле: уже ни с кем не договариваясь и без дополнительных рисков можно было заставить американцев почувствовать себя под прицелом, то есть испытать те же чувства, что испытывали в Советском Союзе на протяжении двух десятков лет. Таким образом, осуществление уже готовых к реализации ракетно-ядерных программ означало для Кремля и качественное укрепление собственной военной безопасности, и удовлетворение чувства справедливости.

Что касается Соединенных Штатов, то они считали для себя единственно возможным вариантом действий сохранение подавляющего военного превосходства. Такой курс был для них и традиционным, и естественным, не говоря уже о том, что полностью соответствовал национальному характеру. Дж. Кеннану принадлежит достаточно честное высказывание на сей счет: «Давайте не будем наводить тень на ясный день, сваливая всю ответственность на наших противников. Мы должны помнить, что именно мы, американцы, на каждом повороте пути были инициаторами дальнейшей разработки подобного (ядерного. — *Н. И.*) оружия. Мы первые создали и провели испытания такого устройства, первыми создали водородную бомбу, мы первыми создали многозарядную боеголовку, мы отклонили всякие предложения отказаться в принципе от применения ядерного оружия первыми, и мы одни — да простит нам бог — употребили это оружие против десятков тысяч беззащитных мирных граждан» [37].

И еще одно. Если верно наше предположение об изменении американской стратегии ведения холодной войны под влиянием Карибского кризиса, то расчет Вашингтона на изматывание СССР в гонке вооружений приобрел с этого времени самостоятельное значение, тем более что в Белом доме в то

время, по-видимому, еще не верили в возможность достижения Советским Союзом паритета с США.

Что же такое паритет?

С точки зрения формальной логики и житейского здравого смысла, ядерный паритет — это ситуация, когда противоборствующие стороны обладают соизмеримыми возможностями стратегических ядерных сил.

Если дополнить данное «бытовое» определение дополнительными характеристиками, то военно-стратегический паритет может быть охарактеризован как такое соотношение стратегических сил и средств, которое в возможной войне не обеспечивает ни одной стороне возможность достижения рациональных политических целей военными средствами. В этом смысле стратегический паритет исключает ядерную войну из числа вариантов решения спорных международных вопросов, превращая ее в иррациональное средство политики.

Достижение и поддержание военно-стратегического паритета есть исторически закономерное явление мировой истории, поскольку оно выступает выражением естественного стремления общественных систем к равновесию. Главной качественной характеристикой такого равновесия в биполярном мире стало наличие у каждой из противоборствующих сторон такого потенциала ракетно-ядерного оружия, который был достаточен для нанесения ответного удара по агрессору с неприемлемым для него ущербом.

Характер противоборства СССР и США в сфере ракетно-ядерных вооружений в известной мере определяло геостратегическое положение этих стран. Советский Союз — континентальная держава, занимавшая или контролировавшая большую часть евразийского континента. Основным компонентом ядерной триады СССР при этом были наземные межконтинентальные баллистические ракеты. США, напротив, — морская держава, имеющая свободные выходы в Атлантический и Тихий океаны. При этом главные союзники США находились в Западной Европе, что предполагало большую протяженность линий морских и воздушных коммуникаций между ними. Поэтому Соединенные Штаты сделали ставку на военно-морские силы с упором на развитие атомного подводного флота с БРПЛ. Важ-

нейшим элементом американской триады исторически являлась также стратегическая авиация.

Противоположность геостратегического положения СССР и США влияла, таким образом, на формирование дисбалансов в структуре СНВ сторон. Эти дисбалансы, в свою очередь, усиливали взаимное недоверие сторон, стимулируя стремление накопить возможно большее количество вооружений с целью обеспечения гарантированного уровня своей безопасности.

Развитие стратегических сил США и НАТО. К 1962 г. США уже имели значительные силы межконтинентальных бомбардировщиков и баллистических ракет. Общее число ядерных боеголовок в американских арсеналах увеличилось с 2 тыс. в 1955 г. до более 4 тыс. в 1962 г. [38]. Таким образом, значительное ракетно-ядерное превосходство Соединенных Штатов над СССР было очевидным.

В 1963–1964 гг. в США были введены в строй четыре ракетные базы, на каждой из которых имелось по крылу ракет «Минитмен» (150–200 ракет). На вооружение также поступили тяжелые МБР «Титан-2» [39]. В отличие от МБР первого поколения, которые запускались с поверхности земли, новые ракеты могли запускаться непосредственно из шахт. Полным ходом велось и строительство атомных подводных лодок (АПЛ) с ракетами «Поларис». Ежемесячно на воду спускался один атомный ракетоносец. И если правительство Д. Эйзенхауэра планировало построить 45 АПЛ к 1970 г., то обновленная программа предусматривала уже к 1964 г. ввести в строй 41 лодку.

Даже по оценкам специалистов Пентагона такой ядерный арсенал превышал в 5 раз те критерии, которые ведомство министра обороны США Р. Макнамара считало достаточным для «гарантированного уничтожения» намеченных на территории СССР объектов. Сам Макнамара признавал, что «с теми силами, которые мы предлагаем поддерживать, мы будем иметь даже излишек ядерной мощи сверх наших потребностей» [40].

С 1962 по 1965 г. государства НАТО увеличили свои военные бюджеты в среднем на 30% [41]. Лидирующую роль играли США, чей военный бюджет рос ежегодно. Если в 1964/65

финансовом году военные расходы США составили 51,9 млрд долларов, то в 1967/68 финансовом году они возросли до 76,5 млрд, в следующем году — до 79,8 млрд долларов. Военно-промышленный комплекс становился все более мощным. Количество только первичных фирм-подрядчиков Пентагона достигло почти 20 тыс., а с учетом субподрядчиков — около 45–60 тыс. Целые отрасли промышленности ориентировались исключительно на обслуживание вооруженных сил США. На военные нужды шло 80% продукции авиапромышленности, 60% судостроения, 35% электротехники. Ряд крупнейших фирм теснейшим образом был связан с военными заказами. Так, например, 97% продукции фирмы «Тиокол» шло на производство ракетного топлива, «Юнайтед Эркарафт» — 57% и т.д. [42].

В результате объединенных усилий американского военно-промышленного комплекса и Пентагона был создан огромный арсенал стратегических средств нападения. США в 1967 г. завершили создание стратегической триады, состоящей из 1054 пусковых установок МБР «Минитмен-1», «Минитмен-2», «Титан-2», 656 ракет «Поларис А-2» и «Поларис А-3» на 41 атомной подводной лодке, а также 615 тяжелых бомбардировщиков В-52, вооруженных сверхзвуковой крылатой ракетой «Хаунд Дог», и средних бомбардировщиков В-58. Общее число стратегических носителей составляло 2325. Кроме того, в Великобритании имелось 180 бомбардировщиков «Вулкан В-2» и «Виктор В-2» и 3 подводные лодки с ракетами «Поларис», во Франции — 62 стратегических бомбардировщика «Мираж» 4А и 1 ракетная подводная лодка.

Что касается СССР, то он располагал в тот период 600 носителей, включая только 2 атомные подводные лодки (по 16 пусковых установок на каждой) [43].

Столь выраженный перевес в силах позволил министру обороны США У. Клиффорду публично заявить в 1968 г.: «Мы имеем сегодня значительное военное превосходство над Советским Союзом, и я сделаю все, что в моих силах, для поддержания такого превосходства в дальнейшем» [44].

Поставленный перед фактом форсированного наращивания военной мощи США, Советский Союз был вынужден прини-

Таблица 2. Количественный состав американской стратегической ядерной триады (1961)

Виды стратегических средств доставки ядерных боеприпасов к целям	1961	1968
Межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования (МБР)	28	1954
Баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ)	80	656
Стратегические бомбардировщики	1654*	648
Общее число средств доставки стратегических ядерных боезарядов	1762	2368

*включая средние бомбардировщики передового базирования

Источник: Кокошин А.А. В поисках выхода: военно-политические аспекты международной безопасности. М., 1989. С. 50.

мать меры для ликвидации американского стратегического преимущества. Закономерность советского ответа признавалась многими авторитетными американскими учеными и политическими деятелями. «Никто не ожидал, — писал профессор Принстонского университета С. Козн, — что Советский Союз навсегда смирится со своим отставанием в военной области, которое наблюдалось в 60-е гг.; неизбежная ликвидация этого отставания всегда была основной предпосылкой и необходимой потребностью разрядки». С. Вэнс, государственный секретарь США в 1977–1980 гг., признавал: «Было неизбежно, что Советский Союз создаст потенциал, примерно равный нашему потенциалу». Р. Макнамара, вспоминая о военно-политической ситуации 60-х гг., писал: «Если бы я был советским министром обороны, я был бы чертовски озабочен неравенством сил. И меня бы тревожило то, что Соединенные Штаты стараются создать потенциал первого удара»¹.

В начале 60-х гг. с приходом к власти в США администрации Дж. Кеннеди была принята доктрина «гибкого реагирования». Ей соответствовали военно-стратегические концепции «эскалации превосходства», «стратегической ядерной триады»

¹ Правда. 1983. 30 мая.

и «двух с половиной войн»¹. В соответствии с указанной доктриной предусматривалось использование прямых и косвенных форм силового давления с целью не допустить каких-либо нежелательных для США действий со стороны СССР.

В рамках «стратегии гибкого реагирования» американцы добились согласия своих европейских союзников по Североатлантическому альянсу разместить на их территории запасы американских ядерных бомб и боеголовок для ракет оперативного и тактического назначения, которые находились в ведении верховного главнокомандующего силами НАТО в Европе — американского генерала. Косвенно данное решение означало санкцию на допуск ФРГ к носителям ядерного оружия.

Еще в 1957 г. на декабрьской сессии НАТО была принята директива MC-70, которая предусматривала подготовку к 1964 г. 30 боеготовых дивизий стран НАТО, оснащенных ядерным оружием [29, с. 250]. После этого и началось оснащение бундесвера носителями ядерного оружия. Поскольку планами предусматривалась передача ядерных боеприпасов сразу же с началом войны, руководство ФРГ настаивало, что уже в мирное время бундесвер должен располагать соответствующими боевыми средствами и обученными для их применения кадрами. Действительно, вскоре американские тактические ракеты «Онест Джон» (дивизион, оснащенный ими, позже имелся в каждом корпусе), крылатые ракеты «Матадор» оперативно-тактического назначения (дальность действия — до 1000 км), тактические самолеты-носители ядерного оружия стали поступать на вооружение бундесвера, хотя контроль над ядерными боеголовками оставался за США [41, с. 190].

Вообще к середине 60-х гг. в Европе находилось несколько сот военных объектов США, среди них около 130 крупных американских военно-воздушных, военно-морских и ракетных баз. Их сеть охватывала ФРГ, Великобританию, Италию, Турцию, Грецию, Испанию, Португалию, Бельгию, Нидерланды.

¹ Концепция «двух с половиной войн» предусматривала ведение Соединенными Штатами одновременно двух «больших» войн в Европе и Азии и локального вооруженного конфликта в другом районе земного шара, например на Кубе.

ды, Люксембург. Уже в 1963 г. ракетные части НАТО в Европе включали дивизионы ракет «Редстоун», «Сержант», «Капрал», «Онест Джон», тактических крылатых ракет «Лакросс». Атомная артиллерия калибра 280 и 203,2 мм насчитывала 26 дивизионов. В Средиземноморье на постоянной основе находился шестой американский флот, чтобы «иметь возможность, — как писали американские газеты, — в случае развязывания войны послать свои самолеты с атомными бомбами в сердце России» [45].

В 1966–1967 гг. неуправляемые ракеты «Онест Джон» в ФРГ были заменены управляемыми ракетами «Ланс» с дальностью действия до 75 км, а крылатые ракеты «Матадор» — на более совершенные «Мейс» [17, с. 308].

В 1963 г. в распоряжение верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе были переданы три американские подводные лодки с ракетами «Поларис», часть английских стратегических бомбардировщиков «Вулкан» и «Виктор». Канада, ФРГ, Бельгия, Нидерланды, Италия также передали в НАТО несколько эскадрилий тактических истребителей, способных нести ядерные бомбы. К НАТО также были приписаны самолеты — носители ядерных бомб из состава французской тактической авиации, размещенной в Западной Германии. Большая часть этих средств воздушного нападения составила в дальнейшем ядро так называемых мобильных сил НАТО. В 1965 г. они включали выделенные контингенты сухопутных войск Бельгии, Канады, ФРГ, Италии, Великобритании и США, а также части ВВС этих стран (без Канады) и ВВС Нидерландов [41, с. 265].

Однако и в новой стратегии главное место занимали стратегические ядерные силы. К 1967 г. США увеличили число ядерных боеголовок до более 2200 единиц, развернули работы по созданию системы ПРО отдельных районов США («Сентинел», затем «Сейфгард»), ускорили подготовку к принятию на вооружение ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения.

Резко увеличившийся арсенал ядерных средств США потребовал создания единого в масштабе вооруженных сил планирующего органа. Вследствие этого руководство Соединенных Штат

тов сформировало Стратегическое Авиационное Командование (САК) и Объединенный штаб, на который были возложены задачи определения объектов поражения противника и разработка плана ядерной войны в целом. За короткие сроки Объединенный штаб разработал единый план ведения ядерной войны. В нем, в частности, значился вариант первого массированного ядерного удара по СССР и КНР с применением около 3500 ядерных боеприпасов общей мощностью свыше 7800 мегатонн. Такой удар, по оценке Пентагона, мог повлечь за собой уничтожение не менее 280 млн человек в СССР и КНР. К лету 1961 г. план был уточнен, а затем утвержден президентом Кеннеди. Он основывался на превосходстве США над СССР не только в количестве ядерных зарядов¹, но и в средствах доставки их к целям.

СССР старался не отставать от США: им создавалось мощное ракетно-ядерное оружие различного базирования, велись работы по ПРО, совершенствовалась ПВО. Это вело к значительному увеличению числа объектов, которые США планировали уничтожить как в контрсилово, так и в контрценностном ударах. В 1960 г. их насчитывалось около 3000 (1-й единый объединенный оперативный план — СИОП-1), в СИОП-2 (1961) называлось 6000 целей, в СИОП-3 (1967) — 10 000 [46]. При этом военные аналитики предполагали, что СССР все равно будет способен причинить «неприемлемый ущерб» США даже во втором ударе. Тот же Макнамара признавал, что «эта взаимная способность и является для обеих наших стран самой сильной из всех возможных причин, побуждающих избежать ядерной войны» [47].

Анализ количественного соотношения американских и советских стратегических ракетно-ядерных сил и бомбардировщиков, проведенный Макнамарой, показывает, что если в 1960–1965 гг. Соединенные Штаты значительно превосходили СССР по СНВ, то уже в 1970–1975 гг. соотношение сил сторон в данных вооружениях выглядело примерно как равное.

В начале 70-х гг. в Вашингтоне осознали новую реальность мировой политики, которая была сформулирована как «стра-

¹ США в тот период имели 5000 ядерных боеголовок, СССР — 300 (см.: Макнамара Р. Путем ошибок — к катастрофе. С. 19–20).

тегический паритет» между Соединенными Штатами и Советским Союзом. В связи с этим в США были проведены «великие дебаты» по данному вопросу. В них приняли участие ведущие американские специалисты в области международных отношений и военной политики, в том числе профессор Гарвардского университета С. Хантингтон, сенатор У. Фулбрайт, бывший помощник президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер, директор Института проблем коммунизма Колумбийского университета З. Бжезинский, известный военный теоретик Б. Броди, отставной генерал М. Тэйлор, консультант министерства обороны математик А. Уолстеттер и др. 1 августа 1972 г. был сделан официальный вывод, что ядерная война поставит под угрозу существование США «как современного государства» [48].

Признание данного факта вызвало публичный пересмотр американской политики. 18 февраля 1970 г. президент США Р. Никсон в послании конгрессу, названном «Новая стратегия в интересах мира», призвал опираться не только на силу, но и на переговоры с противостоящей стороной [49]. Спустя два года в послании от 25 февраля 1972 г. он заявил, что в истории мировой политики «завершилась целая эра, и США вступили в период коренного перехода в новую полосу международных отношений» [50, с. 19], а во время своего визита в Москву в мае того же года Никсон отметил, что «в ядерный век... не существует такого понятия, как безопасность, обеспеченная преобладанием силы»¹.

Осознание реальных опасностей в ядерный век привело Л.И. Брежнева и Р. Никсона, лидеров двух сверхдержав, к политике разрядки. Не случайно, что именно в начале 70-х гг. окрепли и получили дальнейшее развитие отношения стран советского блока с государствами Западной Европы: Великобританией, Францией, ФРГ, Италией и др. Так, в августе 1970 г. был заключен советско-западногерманский договор, по которому стороны приняли на себя обязательства соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе, разрешать свои споры мирными средствами, воздерживаться от применения

¹ Сообщение ТАСС // Правда. 1972. 23 мая.

Подписание Договора ОСВ-1. 1972 г.

силы и угрозы силой. Германская Демократическая Республика была принята в ООН. Ее договор с ФРГ (1971) подтвердил нерушимость западных границ ГДР. Польша и Чехословакия также заключили договоры с ФРГ (1970 и 1973 гг. соответственно). В сентябре 1971 г. было подписано четырехстороннее (СССР, США, Великобритания и Франция) соглашение по Западному Берлину. Начались переговоры об ограничении стратегических вооружений, об ограничении ядерных вооружений в Европе, о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

В результате переговоров между СССР и США об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), начавшихся в конце 1969 г. в Москве, в мае 1972 г. были подписаны два важных документа: Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (в прессе использовалось сокращенное наименование — ОСВ-1).

По Договору об ограничении систем ПРО, который был заявлен как бессрочный, Советский Союз и Соединенные Штаты

ты приняли на себя ряд обязательств, исходя из объективной взаимосвязи между оборонительными и наступательными стратегическими вооружениями.

Система ПРО характеризовалась в Договоре как система для борьбы со стратегическими баллистическими ракетами или их элементами на траекториях полета, состоящая из противоракет, пусковых установок противоракет и радиолокационных станций ПРО.

Статья I фиксировала обязательства сторон «не развертывать системы ПРО на территории своей страны и не создавать основу для такой обороны».

Каждой из сторон разрешалось (статья III) размещать системы ПРО лишь в двух районах:

а) в пределах одного района радиусом 150 км с центром, находящимся в столице данной стороны;

б) в пределах одного района радиусом 150 км, в котором расположены шахтные пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет.

В каждом районе предусматривалось ограниченное число компонентов систем ПРО (противоракет, пусковых установок противоракет и радиолокационных станций ПРО). В одном районе разрешалось каждой из сторон иметь не более 100 противоракет. (В 1974 г. СССР и США подписали протокол к Договору, согласно которому количество районов размещения систем ПРО каждой стороны сокращалось до одного.)

Согласно статье V, стороны обязались «не создавать, не испытывать и не развертывать системы или компоненты ПРО морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования».

СССР и США обязались не передавать другим государствам и не размещать вне своей национальной территории системы ПРО или их компоненты, ограниченные Договором (статья IX). Выполнение договорных обязательств должно было контролироваться национальными техническими средствами с соблюдением общепризнанных норм международного права.

Важно отметить и то, что в статье XI содержалось обязательство СССР и США «продолжить активные переговоры об ограничении стратегических вооружений», а статья XIII пре-

дусматривала, что стороны должны «рассматривать по мере необходимости возможные предложения по дальнейшему повышению жизнеспособности настоящего Договора...». Бессрочный советско-американский Договор об ограничении систем противоракетной обороны вступил в силу 3 октября 1972 г.

Другое соглашение (ОСВ-1), заключенное сроком на 5 лет, накладывало определенные количественные и качественные ограничения на стационарные пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет (МБР), пусковые установки баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) и сами подводные лодки с баллистическими ракетами.

Паритетный уровень стратегических вооружений с их неотразимой и огромной разрушительной силой действительно лишил противостоящие стороны возможности использовать военную силу для достижения своих политических целей в глобальной войне, но сохранил и даже в известном смысле усилил риски. В этой связи, помимо уже охарактеризованных и широко известных соглашений, хотелось бы особо выделить малоизвестные широкой публике, но очень важные в контексте разговора о вынужденности разрядки договоренности о предотвращении так называемых несанкционированных действий (НСД). Речь идет о взаимных технических и организационных решениях, призванных исключить случайное (сбой аппаратуры, человеческий фактор) начало ядерной войны.

Однако политика разрядки, в основе которой лежал принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем, вызвала растущее противодействие со стороны влиятельных консервативных сил США. Стратегический паритет рассматривался ими как угроза национальной безопасности. «Американцы, — писал известный журналист Дж. Чейс, — всегда вели поиски неуязвимости. Американские лидеры — либо с помощью доктрин... либо с помощью военных систем, либо просто полагаясь на географию, — без устали прилагали усилия с целью достичь такого уровня безопасности, который был бы абсолютным» [51].

Есть основания считать, что знаменитый Уотергейтский скандал, приведший под угрозой импичмента к досрочной отставке президента США Р. Никсона, был инспирирован теми

американскими политическими силами, которые полагали, что под политикой разрядки пора подводить черту.

Разрядка стала важным маневром, но вовсе не поворотом в политике США. Речь шла о том, чтобы совместно разработать правила, соблюдение которых позволило бы предотвратить всеобщую ядерную войну. Конечно, в определенном смысле разрядка стала открытым признанием того факта, что США (Запад в целом) не в состоянии одержать военную победу над своим историческим противником, но это ничуть не меняло в их глазах статус Советского Союза, который оставался для них смертельным врагом.

Советское руководство ошибалось, рассматривая разрядку как доказательство ослабления Запада и «углубления общего кризиса капитализма». Желаемое выдавалось за действительное в то время как именно США (страны НАТО в целом) обладали выраженным преимуществом в военно-экономическом и научно-техническом отношении перед СССР и ОВД. Причем отставание Восточного блока становилось все более явным: СССР быстро утрачивал динамизм в экономике; рост его национального дохода прекратился; «Косыгинские реформы», первоначально давшие значительный эффект, не получили развития; все больше сказывался дефицит передовых технологий. К середине 80-х гг. развитые государства Запада производили 56,4% мировой промышленной продукции мира, тогда как государства СЭВ — 21,3% [52].

Принято сожалеть, что разрядка оказалась кратковременной. Но по-другому и быть не могло. Снизив вероятность «горячей» войны, она выполнила свою историческую миссию и быстро закончилась, поскольку мешала войне холодной, которую США намеревались продолжать до победного конца. Если оценивать период разрядки в традиционном ключе, то следует заметить, что сторонам удалось добиться прогресса только в тех случаях, когда оценки СССР и США совпадали практически полностью, в частности в отношении признания бессмысленности дальнейшего количественного наращивания ядерных вооружений или опасности НСД.

Но паритет в принципе не мог устраивать правящие круги США. Тот же Никсон в 1973 г., отвергая политику «равной

безопасности», говорил, что «США не могут верить свою судьбу целиком или даже в большой степени доброй воле других» [53]. И это при том, что паритет, несмотря на испытываемую в СССР определенную эйфорию по поводу его достижения, представлял собой лишь примерное равенство по количественным параметрам военной силы: ядерным зарядам, средствам их доставки, обычным вооружениям в Европе.

Казалось бы, Белый дом сменил старую доктрину «ядерного превосходства» на новую доктрину «достаточности». Никсон отмечал: «Наша цель состоит в том, чтобы иметь уверенность, что Соединенные Штаты обладают достаточной военной мощью, чтобы защитить свои интересы и поддержать те обязательства, которые администрация считает существенными для интересов США во всем мире. Мне кажется, «достаточность» была бы лучшим термином, нежели превосходство или паритет» [54]. Однако «достаточность» не мыслилась Вашингтоном вне еще одной доктринальной установки — «реалистического устрашения».

В ее основу были положены три главных принципа: «сила» — стремление к превосходству в стратегических наступательных вооружениях; «партнерство» с союзниками при значительном увеличении их военного вклада в наращивание военной мощи Запада; «переговоры» между СССР и США с опорой на силу. В военном плане эта доктрина предполагала создание такого военного потенциала, который обеспечивал бы гарантированное уничтожение противника. В соответствии с поставленной задачей давалась новая классификация войн современной эпохи: стратегическая ядерная война, ограниченная ядерная война, обычная война на ТВД или в его ограниченном районе [55].

В 1973 г. министром обороны США был назначен Дж. Шлесинджер. Вскоре с его подачи в Белом доме пришли к выводу, что в условиях паритета и количественного ограничения вооружений только их качественное совершенствование позволит добиться подавляющего преимущества над СССР. Увеличение точности ракет, создание технической возможности их быстрого переприцеливания, повышение живучести стратегического и оперативно-тактического оружия рассматривались

как приоритетные задачи. Например, программа модернизации МБР «Минитмен» предусматривала возможность переприцеливания 550 ракет «Минитмен-3» в течение 36 минут, а всей группировки «Минитменов» — в течение суток [56].

«Меморандум о принятии решений в области национальной безопасности» (МРНБ-242, 1974 г.) предусматривал очередное расширение перечня военных целей на территории стран ОВД (пункты управления, шахты МБР, командные пункты, аэродромы, гарнизоны) в сочетании с гибким управлением нанесением ракетно-ядерных ударов в случае войны [57]. СИОП-5Д, принятый в 1976 г., включал уже 40 тыс. целей против 25 тыс. двумя годами ранее.

«Сила остается главным средством решения потенциальных конфликтов... Военная сила — не единственная форма силы, но она принадлежит к категории важнейших в общем наборе инструментов силы; без нее события примут неблагоприятный оборот», — утверждал Шлессинджер [56, р. 175].

Начиная с середины 70-х гг. были активизированы попытки США изменить в свою пользу стратегический паритет, прежде всего за счет качественных сдвигов в ядерном балансе. С приходом к власти администрации Р. Рейгана в качестве официальной военно-стратегической цели США вновь ставится достижение военного превосходства над Советским Союзом. Для ее реализации планировалось значительно увеличить военные расходы, ускорить выполнение программ наращивания как стратегических ядерных сил, так и сил общего назначения. Как отмечал известный американский журналист Р. Даггер, «президент Рейган сделал беспрецедентный крен в сторону усиления гонки ядерных вооружений. По любому вопросу относительно новых систем оружия — от нейтронных зарядов до бинарного и химического оружия — он и его администрация принимали решения по оснащению ими вооруженных сил. В одних случаях, как с МБР МХ и крылатыми ракетами дальнего действия, он принял эстафету от Картера, в других, как с бомбардировщиком В-1 и химическим оружием стратегического назначения, — инициатива принадлежала Рейгану» [58].

В отношении СССР ставилась задача проводить курс с позиции силы, осуществлять силовую конфронтацию и прямое

противоборство с Советским Союзом в глобальном масштабе. В концентрированном виде данный стратегический курс США был объявлен в июне 1981 г. министром обороны Соединенных Штатов К. Уайнбергером и нашел отражение в доктрине «прямого противоборства».

Главные установки указанной доктрины были сформулированы в «Директивах в области обороны на 1984–1986 гг.». Основной их смысл сводился к трем положениям. Во-первых, это провозглашение возможности достижения победы в ядерной войне. В документе говорилось, что в ядерной войне «США должны одержать верх и иметь возможность заставить СССР в короткие сроки прекратить военные действия на условиях США». Во-вторых, достижение военного превосходства над СССР. С этой целью разрабатывались новые системы стратегических наступательных вооружений всех видов, планировалось создание широкомасштабной системы противоракетной обороны с элементами космического базирования и новых противоспутниковых средств, размещались ядерные средства средней дальности в Европе, разрабатывались варианты превентивного применения ядерного оружия на возможных театрах военных действий. В-третьих, предусматривалось использование переговоров по ограничению и сокращению вооружений в целях получения для себя односторонних преимуществ. США считали, что, открыв «новые важные области военного соперничества», они могут изменить соотношение сил в свою пользу, и это даст им возможность диктовать свои условия на переговорах с СССР.

В доктрину «прямого противоборства» в США вошли ранее разработанные военные концепции: «применения ядерного оружия первыми», «контрсилы», «ограниченной ядерной войны» и «затяжной ядерной войны». Они служили конкретизацией военно-доктринальных установок на возможное ведение военных действий против СССР и его союзников в любой стратегической обстановке. Их характер говорит о том, что и после установления военно-стратегического паритета вплоть до 1985 г. внешнеполитический курс Соединенных Штатов характеризовался стремлением сломать военно-стратегический паритет в свою пользу для обеспечения своего влияния на меж-

дународной арене, проведения политики «защиты» национальных интересов США в различных регионах планеты.

Сделанная Вашингтоном ставка на военную силу в решении международных проблем, стремление к расширению американского военного присутствия в различных регионах мира определяли характер и направленность военного строительства США. На протяжении всего рассматриваемого периода основная цель военно-политического руководства Соединенных Штатов в области строительства вооруженных сил заключалась в том, чтобы иметь такую военную машину, которая превосходила бы военные возможности любых потенциальных противников и прежде всего Советского Союза. В интересах достижения этой цели в максимальной степени использовались научно-технический потенциал страны, материальные, финансовые и людские ресурсы. Усилия были направлены на постоянное наращивание боевых возможностей вооруженных сил в целом, их видов и компонентов, прежде всего ядерных вооружений.

Проследим динамику процесса, взяв в качестве исходной точки 1967 г. Как уже отмечалось, в то время в составе СЯС насчитывалось 1054 пусковые установки МБР «Минитмен-1», «Минитмен-2» и «Титан-2», 656 пусковых установок БРПЛ «Поларис А-2» и «Поларис-3» и 615 стратегических бомбардировщиков В-52 и В-58.

В 70-х гг. США переоснастили 550 пусковых установок «Минитмен-1» и «Минитмен-2» на ракеты «Минитмен-3» с трехзарядными головными частями и 496 пусковых установок БРПЛ «Поларис А-2» и «Поларис А-3» на 31 атомной подводной лодке на ракеты «Посейдон С-3» (по 16 ракет с 10–14 боеголовками каждая). Одновременно была значительно повышена точность стрельбы МБР и БРПЛ, проведены работы по усилению защиты шахтных пусковых установок МБР «Минитмен» и оснащению «Минитмен-3» системой дистанционного перенацеливания ракет на неплановые цели.

На вооружение стратегической бомбардировочной авиации США в те годы поступили ударные ракеты СРЭМ (до 20 ракет на бомбардировщике В-52 и 6 — на FB-111). В результате в течение 70-х гг. без увеличения количества носителей возможности стратегических наступательных сил США по доставке

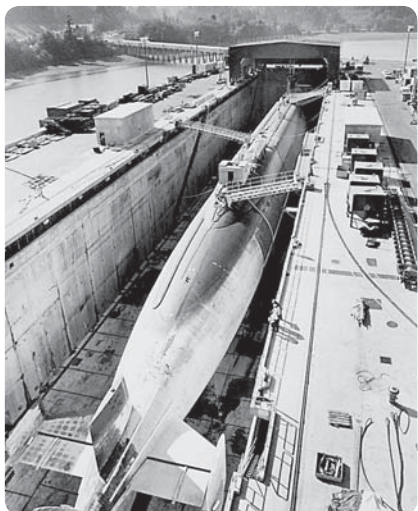
в одном пуске-вылете ядерных боеприпасов возросли вдвое. Существенно повысились их боевые возможности по поражению высокозащищенных объектов и гибкость боевого применения.

Одновременно с развертыванием уже созданных вооружений Соединенные Штаты в 70-х гг. осуществляли разработку новейших систем оружия (стратегических крылатых ракет различных типов, межконтинентальной баллистической ракеты МХ, стратегического бомбардировщика В-1, новых головных частей для баллистических ракет), начали строительство атомных ракетных подводных лодок типа «Огайо» и производство БРПЛ «Трайидент-1» (С-4). Следует особо отметить, что крылатые ракеты третьего поколения наземного, морского и воздушного базирования (ГЛСМ, «Томагавк», АЛСМ), способные действовать на дальность до 2600 км на малых высотах 15–150 м при скорости 850–900 км/ч, представляли собой серьезную угрозу. Их тактико-технические характеристики сделали их весьма эффективным оружием. Высокие возможности крылатых ракет по преодолению системы ПВО создавали огромные трудности в борьбе с ними, что требовало значительных затрат, в то время как сами ракеты были дешевы в производстве.

Опираясь на эту подготовленную техническую базу, США на рубеже 80-х гг. приступили к очередному этапу наращивания стратегического ядерного потенциала.

В 1979 г. завершилась программа переоснащения 300 МБР «Минитмен-3» на новые боеголовки Mk-12А мощностью 350 Кт с высокой точностью стрельбы — круговое вероятное отклонение от точки прицеливания (КВО) составляло 180 м. 12 ПЛАРБ были перевооружены на ракеты «Трайидент-1». В сентябре 1981 г. в состав боевых сил стратегической авиации США был включен первый переоборудованный под стратегические крылатые ракеты АЛСМ-В бомбардировщик В-52G. Каждый самолет мог нести 12, а после дополнительной модернизации — 20 таких ракет. Только в первой половине 80-х гг. ракетами АЛСМ-В планировалось оснастить около половины имевшихся в частях САК ВВС США тяжелых бомбардировщиков [43, с. 30].

В ноябре 1981 г. в ВМС США была передана первая атомная ракетная подводная лодка «Огайо», вооруженная раке-

*Подводная лодка
«Огайо» в сухом доке*

тами «Трайидент-1». Эта ПЛАРБ превосходила подводные лодки системы «Посейдон» почти в 2 раза по водоизмещению, в 1,5 раза — по количеству ракетных пусковых установок на ней, на 20% — по количеству размещенных на ракетах боеголовок и в 2,5 раза — по их суммарной мощности. По своим боевым возможностям одна ПЛАРБ «Огайо» превосходила 10 атомных ракетных подводных лодок системы «Поларис». В различных стадиях строительства на тот момент находились еще восемь подводных лодок этого типа [43, с. 30].

В начале октября 1981 г. президент Р. Рейган обнародовал свою «стратегическую программу» на 80-е гг., содержащую установки на дальнейшее наращивание стратегического ядерного потенциала. Она не только закрепляла и расширяла ранее утвержденные программы, но и предусматривала создание и развертывание новых систем оружия. Для реализации этой программы Пентагон планировал почти полуторакратное увеличение доли расходов на стратегические силы в военном бюджете США. Затраты на нее только в 1982–1987 гг. оценивались Белым домом в 222 млрд долларов. Особое место в «стра-

тегической программе» Р. Рейгана было отведено планам развертывания межконтинентальных баллистических ракет МХ. Находившаяся в 1985 г. в завершающей стадии разработки эта МБР была спроектирована в качестве оружия первого удара. Она имела 10 боеголовок мощностью 600 Кт каждая. С учетом высокой точности стрельбы (КВО — 90 м) она предназначалась в первую очередь для поражения высокозащищенных объектов, то есть для нанесения «разоружающего» удара.

В соответствии с решением Р. Рейгана МБР МХ должна была поступить на вооружение в середине 80-х гг.

Подтвердив ранее принятые планы строительства ПЛАРБ типа «Огайо», администрация Рейгана приняла в качестве обязательной к реализации программу создания и развертывания более мощной и эффективной, чем «Трайидент-1», БРПЛ «Трайидент-2» (Д-5). Эта ракета в соответствии с тактико-техническим заданием министерства обороны США должна была обладать практически теми же боевыми возможностями, что и МБР МХ, то есть планировалась как оружие первого удара.

Программа Р. Рейгана предусматривала также оснащение крылатыми ракетами АЛСМ-В не только 172 бомбардировщиков В-52G, как это планировалось ранее, но и бомбардировщиков В-52 Н (в частях САК ВВС было 96 таких самолетов). Были возрождены, но теперь уже на качественно новом уровне ранее отвергнутые планы строительства бомбардировщика В-1. На его базе планировалось создать и с 1986 г. поставить на вооружение стратегической авиации новый самолет-носитель крылатых ракет В-1В [43, с. 34]. Одновременно с этим предусматривалась разработка принципиально нового стратегического бомбардировщика «Стелс» — как предполагалось, неуязвимого для ПВО, вследствие чего он планировался для нанесения внезапного ядерного удара.

В результате выполнения программы развертывания крылатых ракет воздушного базирования, новых стратегических бомбардировщиков, МБР, ПЛАРБ и БРПЛ Пентагон был намерен только в 80-х гг. не менее чем в 1,5 раза увеличить возможности своих стратегических наступательных сил по доставке ядерных боеприпасов в одном пуске-вылете. «Стратегическая программа» Р. Рейгана включала также комплекс мероприятий

по совершенствованию системы боевого управления и связи стратегических наступательных сил в целях обеспечения надежного управления ими в длительной ядерной войне.

Приведенные цифры и факты еще не дают полной картины военных приготовлений Запада. К ним следует добавить характеристику планов Североатлантического альянса по наращиванию стратегических вооружений в Европе и так называемую программу «звездных войн».

12 декабря 1979 г. Совет НАТО принял решение развернуть с декабря 1983 г. 672 ракеты средней дальности (108 «Першинг-2» и 464 крылатые ракеты) на территории Великобритании, Италии, ФРГ, Бельгии и Нидерландов [59]. Этот шаг резко изменил военно-стратегическую обстановку. Советские ракеты средней дальности СС-20, расположенные в Европейской части СССР (а после 1983 г. — и на территории стран ОВД), не могли поражать объекты непосредственно в США, а дальность «Першингов-2» и крылатых ракет позволяла им действовать по территории СССР вплоть до Урала. Под ударом оказалась самая густонаселенная и промышленно развитая часть страны. Появление новой угрозы означало для Советского Союза втягивание в очередной виток гонки вооружений с огромными расходами на создание средств противодействия.

Разместив в Европе новую мощную ракетно-ядерную группировку, США решили ряд важных для себя задач. Они не только увеличили угрозу для СССР и ОВД, но и постарались ограничить возможные будущие военные действия рамками «евростратегической ядерной войны». Территория самих США при этом оказывалась в относительной безопасности, а вот их союзники по НАТО приобрели статус заложников. «Единственная причина для размещения этих ракет в Европе, — подчеркивал английский политический деятель Д. Хили, — заключается в том, что они обеспечивают американцам возможность нанести удар без того, чтобы самим вовлечься в ядерную войну и тем самым ограничить ее Европой и уберечь Соединенные Штаты» [60].

В 80-е гг. Соединенные Штаты предприняли попытку перенести гонку вооружений в космическое пространство; по крайней мере, такое впечатление Белый дом хотел создать у совет-

ского руководства, вынуждая его к новым гигантским тратам. 23 марта 1983 г. президент Р. Рейган публично провозгласил программу «стратегической оборонной инициативы» (СОИ), суть которой якобы состояла в создании противоракетного щита над США.

Реализация СОИ, по официальным оценкам, должна была обеспечить техническую возможность перехвата и ликвидации баллистических ракет противника как на активном (разгонном), так и на пассивном участках траектории. Основные средства поражения делились на две категории: оружие направленной передачи энергии (различные типы лазеров космического и наземного базирования, а также излучатели пучков нейтральных частиц и электронов) и оружие с использованием высокой кинетической энергии (боевые системы, предназначенные для механического разрушения ракет или боезарядов).

Разумеется, даже в случае полной реализации заявленной программы США не смогли бы обеспечить стопроцентный перехват советских ракет, но возможности ответного удара СССР существенно ограничивались [61]. Кроме того, предполагалось, что космическое оружие позволит повысить живучесть наступательного стратегического потенциала самих США, часть которого мыслилось разместить на специальных космических платформах. Расчеты военных специалистов показывали, что космическое оружие способно значительно повысить боевые возможности средств первого удара. Действительно, если обычная МБР летит до цели 30–35 минут, причем ее старт фиксируется системой предупреждения о ракетном нападении (СПРН), то ракеты, стартующие с космической платформы, находящейся на орбите 600–700 км, могут поразить цели всего через 5 минут, а с меньших высот — еще быстрее [62].

СОИ, таким образом, должна была сломать паритет и вернуть времена абсолютного военного лидерства США. Дж. Бейкер, в последующем госсекретарь в администрации президента Дж. Буша-старшего, в 1983 г. писал, что «даже примерное равенство стратегических сил опасно для США. У нас нет выбора, кроме как опередить русских в космосе» [63].

Реальная возможность переноса гонки вооружений в космос страшила советское руководство. И дело здесь было не только в необходимости новых титанических оборонных усилий, на которые США вынуждали пойти СССР.

«Некоторые виды космического оружия, — писал академик Б.В. Раушенбах, — потребуют полной компьютеризации из-за поистине мгновенного, буквально за долю секунды, распространения ими разрушительной энергии... Само существование человечества начинает зависеть от компьютеров, от заложенных в них программ и от исправности этих думающих машин... Эта логика вполне способна при некоторых (никому не известных) обстоятельствах ввергнуть нас в войну, итогом которой будет гибель человечества. Там, где человек, возможно, и остановился бы, компьютеры будут продолжать действовать, ибо они не обладают моралью» [64]. И действительно: управление космическим оружием должно было быть максимально компьютеризировано, что значительно увеличило бы риск технических ошибок, чреватых самыми фатальными последствиями.

На новом витке развития возвращалась пугающая перспектива потери человеком контроля (как минимум, частичного) над наиболее разрушительными средствами массового уничтожения, когда война, принимая, по выражению К. Клаузевица, «абсолютный облик», утрачивает какой-либо политический смысл: возможная гибель человечества обесценивает все.

Советское ракетно-ядерное оружие как инструмент паритета. Создание Советским Союзом в 40–50-е гг. атомной и водородной бомбы, освоение их серийного производства ликвидировало американскую ядерную монополию и значительно укрепило обороноспособность страны.

В 60–80-е гг. работы по совершенствованию атомного и водородного оружия продолжились, что наряду с разработкой средств его доставки позволило достичь паритета и сохранять его вплоть до окончания холодной войны.

Урановое сырье добывалось на многочисленных урановых рудниках на территории СССР и за его пределами. Разработкой месторождений занимались Прикаспийский горно-металлургический комбинат на полуострове Мангышлак в За-

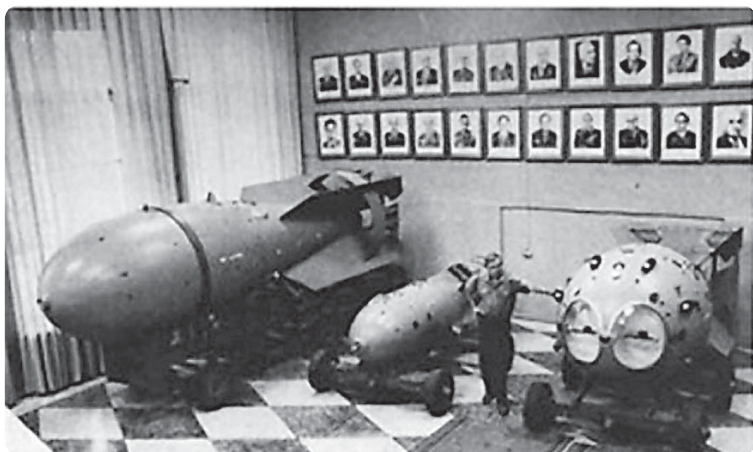
падном Казахстане; Забайкальский горно-химический комбинат (г. Краснокаменск); Комбинат в Желтых Водах, вблизи г. Кривой Рог на Украине; урановое сырье добывалось также в Свердловской области на Урале (г. Озерный). За пределами СССР урановая руда добывалась в ГДР на советско-германском предприятии «Висмут».

Заводы по обогащению урана создавались в Сибири, в пределах территории Российской Федерации (Ангарск, Красноярск и др.). Уже в первые годы атомной эры была освоена реакторная технология получения плутония в промышленных масштабах. Его производство было сосредоточено на трех комплексах: на Южном Урале — химкомбинат «Маяк» («Челябинск-40» и «Челябинск-65»), вблизи Томска — Сибирский химический комбинат («Томск-7») и Красноярский горно-химический комбинат («Атомград»). Несмотря на то что производство оружейного плутония в СССР было сосредоточено на специализированных предприятиях, в случае необходимости можно было бы относительно быстро наладить его производство в значительных количествах на атомных реакторах «чернобыльского» типа¹.

Основными направлениями совершенствования термоядерного оружия в СССР были: повышение мощности зарядов и миниатюризация их, создание новых приборов для ядерных зарядов и повышение степени их надежности. Так, в середине 80-х гг. были созданы новые детонаторы для ядерных боеприпасов, которые не взрываются при пожаре, ударе и не срабатывают, даже если их раздавить. Схема и конструкция таких боеприпасов задуманы так, чтобы при любой катастрофе или аварии ядерного взрыва не произошло. Таким образом, были значительно повышены надежность и безопасность ядерного оружия.

Одной из важных особенностей отечественного опыта производства ядерных боеприпасов являлось совмещение в рам-

¹ В 1987 г. СССР в одностороннем порядке прекратил производство высокообогащенного урана для военных целей. В конце 80-х гг. СССР объявил о закрытии сначала трех, а затем еще двух промышленных реакторов по производству плутония. Два из трех оставшихся в рабочем состоянии промышленных реакторов прекратили свою работу на рубеже 90-х гг.

Музей Федерального ядерного центра. Саров, Арзамас-16

ках единых научно-производственных комплексов научно-технических исследований, инженерных и конструкторских разработок, а также серийного производства «изделий».

Главным предприятием, разрабатывающим ядерные боеприпасы для всех видов Вооруженных Сил, начиная с первой атомной бомбы, являлся Всесоюзный научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ) — «Арзамас-16», который находится в г. Саров Нижегородской области. Второй центр был создан в 1955 г. специально для создания термоядерного оружия: Всесоюзный научно-исследовательский институт технической физики (ВНИИТФ), расположенный в г. Снежинск на Урале; он известен также как «Челябинск-70». Каждый из этих институтов сочетал в себе научный теоретический центр, конструкторские бюро и заводы, выпускающие ядерные боеприпасы.

Производство ядерного оружия в СССР было самым непосредственным образом связано с ядерными испытательными полигонами, расположенными вблизи г. Семипалатинска в Казахстане и на арктическом острове Новая Земля в России.

Всего за время существования этих полигонов СССР провел на них 449 атмосферных и подземных ядерных испытаний. Еще около 200 ядерных взрывов в «мирных целях» были проведены СССР в различных районах, в том числе в Европейской части страны, на Урале и в Сибири. Более 40 ядерных взрывов было проведено в районе Азгир — Астрахань, более 10 — в районе Оренбурга [65].

Одновременно велась активная работа по созданию средств доставки ядерного оружия к цели. Основная ставка была сделана на управляемые баллистические ракеты дальнего действия. На этот выбор повлияли их заметные преимущества перед авиацией: большая дальность, неуязвимость, возможность массированного применения, независимость от метеорологических условий, возможность пуска с различных стартов, точность достижения цели.

В 50-х гг. были созданы ракеты первого поколения: тактические Р-1, Р-2, средней дальности Р-5, Р-5М, Р-12, Р-14, морские — Р-11, межконтинентальные — Р-7. В соответствии с постановлением правительства от 2 июля 1958 г. на базе ракеты Р-7 была создана ракета Р-7А с большей дальностью полета и легкой головной частью. В ее конструкции использовались более совершенная система управления и более надежные двигатели. Испытания ракеты Р-7А проводились в период с декабря 1959 по июль 1960 г. В сентябре 1960 г. комплекс с ракетой Р-7А был принят на вооружение. Ракета Р-7А и ее наземное оборудование явились основой для создания новых модификаций ракетно-космических комплексов в СССР.

Ракетные комплексы первого поколения, несмотря на очевидные достоинства, к середине 60-х г. уже не отвечали современным требованиям. Новое поколение ракет должно было обеспечить, по сравнению с первым поколением, существенное сокращение времени на подготовку и пуск ракет, повышение их надежности и живучести, сокращение численности обслуживающего персонала, повышение точности попадания в цель, увеличение межрегламентного периода и улучшение эксплуатации ракетного вооружения.

Разработка одного из первых ракетных комплексов (РС-10) нового поколения ракет с легкой ампулизированной межкон-

тинентальной ракетой, созданной в соответствии с постановлением правительства от 30 марта 1963 г., была осуществлена конструкторским бюро во главе с В.Н. Челомеем и организациями, возглавляемыми Н.А. Пилюгиным, С.А. Косбергом, В.П. Барминым, С.П. Изотовым, Л.Ф. Клоповым, И.И. Зверевым, М.С. Рязанским, С.П. Парняковым и др. В последующем были проведены испытания ракет РС-10 с улучшенными тактико-техническими и эксплуатационными характеристиками. Первые ракеты РС-10 поступили на вооружение в 1970 г. Автономная система управления ракеты вместе с наземными системами обеспечивала ее пуск из контейнера, высокую точность попадания в цель, высокую готовность к пуску в период боевого дежурства, автоматическую подготовку и пуск ракеты, дистанционный контроль состояния ракеты с пункта управления.

В 70–80-е гг., несмотря на растущее технологическое преимущество США, военная промышленность СССР обеспечивала выпуск ракетно-ядерного оружия, которое ни в чем не уступало аналогичным западным системам. Так, в начале 70-х гг. были проведены испытания усовершенствованной ракеты Р-12, имевшей высокую боевую эффективность и улучшенные эксплуатационные характеристики. С 1974 г. эта ракета стала поступать на вооружение. Создаваемые и модернизируемые в этот период ракетные комплексы стратегических ракет РС-16, РС-18 и РС-20, оснащенные разделяющимися головными частями индивидуального наведения, составили основу третьего поколения ракетных комплексов. Все они были разработаны в организациях, руководимых В.Н. Челомеем и В.Ф. Уткиным.

Наряду с принципиальным новшеством — применением ракетных головных частей индивидуального наведения (РГЧИН), к новым техническим решениям комплексов этого поколения следует отнести: применение в ракетах автономной системы управления с бортовой вычислительной машиной, размещение ракет и пункта управления ракетным комплексом в сооружениях высокой защищенности, возможность дистанционного переприцеливания перед пуском, наличие на ракетах более совершенных средств преодоления ПРО, более высокую боевую

готовность, применение более совершенной системы боевого управления, повышенную живучесть комплексов [66].

Летные испытания ракет третьего поколения РС-16, РС-18 и РС-20 проводились в 1972–1975 гг., а в 1975–1981 гг. они были приняты на вооружение и поставлены на боевое дежурство. В 1977–1979 гг. на этих ракетных комплексах была проведена модернизация, что позволило улучшить ряд тактико-технических характеристик.

Дальнейшее развитие вооружения РВСН в 80-е гг. осуществлялось как по линии создания новых ракетных комплексов шахтного и железнодорожного базирования с ракетами РС-22, так и по линии модернизации существовавших боевых ракетных комплексов (БРК). К их числу относятся комплексы РС-20В шахтного типа и РС-12М грунтового базирования. Модернизированные БРК представляли собой модификацию комплексов РС-20А (Б) и РС-12 соответственно. Эти комплексы относятся к четвертому поколению стратегических ракет. Они характеризуются повышенными боеготовностью, живучестью и стойкостью к поражающим факторам ядерного взрыва. Разработка, испытания, принятие на вооружение и постановка на боевое дежурство этих ракетных комплексов осуществлялись под руководством организаций, возглавляемых В. Ф. Уткиным и А. Д. Надирадзе (в последующем — Б. Н. Лагутиным).

Во второй половине 70-х и в первой половине 80-х гг. было также осуществлено развертывание ракетных комплексов РСД-10. При постановке их на боевое дежурство равное число устаревших пусковых установок РСД Р-12 и Р-14 снималось с боевого дежурства и выводилось из боевого состава.

В последующем развитие ракет-носителей привело к созданию многоцветной космической системы (МКС) «Буран» с ракетой-носителем сверхтяжелого класса «Энергия», работы по которым с 1974 г. возглавил генеральный директор и генеральный конструктор научно-производственного объединения «Энергия» В. П. Глушко. 15 ноября 1988 г. были успешно осуществлены запуск МКС «Буран» с помощью ракеты-носителя «Энергия» и спуск орбитального корабля в автоматическом режиме с орбиты на Землю в районе стартового комплекса на полигоне Байконур. К этому времени был проведен и ряд

успешных пусков ракеты-носителя «Зенит», разработанной в научно-производственном объединении «Южное» под руководством В.Ф. Уткина.

Над созданием ракетной техники для нужд обороны страны в 80-х гг. успешно работали ученые-ракетчики В.С. Будник, С.Н. Воронин, В.П. Глушко, В.Ф. Уткин, Л.В. Смирнов, А.В. Макаров, А.Н. Надирадзе, Б.Н. Лагутин, Л.Л. Ягджиев, В.М. Кульчев и др.

В СССР основные заводы по производству ракетной техники находились на территории Российской Федерации. В первую очередь следует назвать уже упоминавшийся «Арзамас-16». Ракеты РС-18 производились в Москве, на машиностроительном заводе имени М.В. Хруничева. Производство ракет РС-12М было развернуто на Воткинском машиностроительном заводе, ранее выпускавшем ракеты РСД-10. Пусковые установки для РС-12М выпускались на Волгоградском заводе «Баррикады», для мобильных железнодорожных систем РС-22 — в Юрге (Кемеровская область). Вне территории России находилось лишь одно крупное ракетное производство — Южный машиностроительный завод (Днепропетровск), где производились ракеты РС-20.

Отвечая на создание в США стратегической ядерной триады, в СССР пошли по схожему пути: группировку стратегических сил также построили из трех основных компонентов: наземного, морского и воздушного. Главная идея этого подхода заключалась в том, что каждый компонент триады дополнял и взаимно усиливал другие. При этом потенциальный противник практически не мог рассчитывать на нанесение безнаказанного «обезоруживающего» удара, так как даже в самой неблагоприятной обстановке боевых возможностей уцелевших сил было достаточно для нанесения уничтожающего ответного удара.

Общее руководство организацией Ракетных войск стратегического назначения, оснащением авиационных частей и сил флота ракетно-ядерным оружием осуществляли ЦК КПСС и Совет министров СССР. В результате анализа развития международной обстановки, перспектив совершенствования вооружений в условиях научно-технической революции, экономических и производственных возможностей Советского Союза, харак-

тера и особенностей современной войны в ряде документов 50-х гг. был сделан вывод о том, что стратегическое ракетно-ядерное оружие будет являться главным средством сдерживания агрессивных намерений стран Запада, что оснащение им войск выступает важнейшей задачей руководства страны [67].

Одновременно с созданием ракетной техники производилось формирование специальных ракетных частей и соединений в Вооруженных Силах СССР. Первая ракетная часть в составе Советской Армии — Бригада особого назначения Резерва Верховного Главнокомандования — была сформирована 15 июля 1946 г. на территории Группы советских войск в Германии на базе 92-го гвардейского минометного Гомельского, ордена Ленина, Краснознаменного, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого полка [24, с. 113]. Первым командиром бригады был генерал-майор артиллерии А.Ф. Тверецкий. Бригада подчинялась командующему артиллерией Советской Армии и предназначалась для проведения опытных пусков ракет Р-1 с целью их усовершенствования и подготовки к принятию на вооружение. Она имела в своем составе управление бригады, три огневых дивизиона, технический дивизион, подразделения технического обслуживания и материального обеспечения. Дивизион состоял из управления, штаба и пяти батарей [68].

Первая бригада особого назначения явилась базой для разветвления других ракетных частей. Опыт боевого использования бригадой первых образцов ракет послужил основой для разработки технологических графиков для подготовки их к пуску и наставлений по боевому использованию баллистических ракет. В сентябре 1947 г. бригада была переведена в штат созданного в 1946 г. Государственного центрального научно-исследовательского полигона Министерства Вооруженных Сил (ГЦП МВС), в 1950 г. ей было присвоено новое наименование — «22-я особого назначения бригада РВГК».

В 1951 г. создается 23-я бригада особого назначения РВГК. В отличие от 22-й ракетной бригады, она имела на вооружении более совершенные ракеты Р-2, что потребовало изменения ее организационной структуры — огневой дивизион состоял из четырех батарей.

В 1952–1955 гг. было сформировано еще пять бригад особого назначения (с марта 1953 г. они получили наименование «инженерные бригады РВГК»). Таким образом, к 1955 г. в Советской Армии насчитывалось уже семь инженерных бригад РВГК [69].

Наряду с формированием боевых ракетных частей и соединений принимались меры по созданию полигонов и организации на них исследовательских работ по применению ракетной техники. Еще в мае 1946 г. был создан Государственный центральный научно-исследовательский испытательный полигон Министерства Вооруженных Сил (Капустин Яр).

Важную роль в укреплении обороноспособности страны сыграл научно-исследовательский испытательный полигон (НИИП-5 МО) в Казахстане (Байконур). Он был создан решением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 февраля 1955 г. Полигон выполнял задачи от проведения испытаний межконтинентальных баллистических ракет до несения боевого дежурства. Третьим ракетным полигоном стал Плесецк в Архангельской области; решение о его создании было принято правительством в январе 1959 г. В апреле 1955 г. в районе поселка Ключи (Камчатская область) была развернута отдельная научно-испытательная станция (полигон «Кура»), предназначенная для приема головных частей баллистических ракет после испытательных и тренировочных запусков, контроля параметров их входа в атмосферу и точности попадания.

В 1956–1957 гг. ракетные части и соединения, вооруженные ракетами Р-1 и Р-2, проходили период реорганизации и перевооружения на новую ракетную технику — межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками. В соответствии с этим в марте-апреле 1958 г. инженерные бригады, имевшие на вооружении оперативно-тактические ракеты Р-1, Р-2 и Р-11, были переданы Главнокомандующему Сухопутными войсками Вооруженных Сил. В подчинении заместителя министра обороны по специальному вооружению Главного маршала артиллерии М.И. Неделина были оставлены только инженерные бригады и полки, вооруженные стратегическими ракетами.

При развертывании ракетных частей и соединений в 50-х гг. управление ими осуществлялось командующим и штабом ар-

тиллерии Советской Армии. В основу управления были положены принципы и опыт, накопленные в артиллерии. Однако роль, место и способы боевого применения ракетных соединений и частей требовали нового подхода к их управлению. Для решения этой проблемы в 1955 г. был создан Штаб реактивных частей, который подчинялся заместителю министра обороны СССР по специальному вооружению и реактивной технике. Он был основным органом управления. Штаб выполнял огромную работу по формированию и подготовке ракетных частей, разработке способов управления этими частями, оснащению их необходимыми средствами управления и связи. К 1959 г. Штаб реактивных частей накопил определенный опыт управления первыми ракетными соединениями, проанализировал и обобщил все передовое, что имелось в других видах Вооруженных Сил, подготовил основу для создания системы управления Ракетными войсками стратегического назначения.

Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 17 декабря 1959 г. в составе Вооруженных Сил СССР был создан новый вид войск — Ракетные войска стратегического назначения, и была учреждена должность главнокомандующего Ракетными войсками — заместителя министра обороны СССР. Выделение РВСН в самостоятельный вид Вооруженных Сил имело большое значение для достижения и поддержания военно-стратегического паритета.

Первым главнокомандующим РВСН был назначен Главный маршал артиллерии М. И. Неделин. В состав РВСН были включены все соединения и части, вооруженные баллистическими ракетами стратегического назначения, военно-учебные заведения, научно-исследовательские и испытательные учреждения, арсеналы, базы и склады специального и ракетного вооружения. Ракетные войска стратегического назначения организационно состояли из ракетных армий, отдельных ракетных корпусов и отдельных ракетных соединений.

На рубеже 60-х гг. на вооружение поступили первые образцы межконтинентальной баллистической ракеты Р-7. В 1961 г. в ракетные части стали поступать ракеты Р-12 и Р-14, затем РС-10 и РС-12. В те годы на вооружении РВСН находилось примерно 200 ракет средней дальности и 4 МБР Р-7. Организация

РВСН была построена таким образом, чтобы они могли выполнять свои задачи самостоятельно (путем нанесения ракетно-ядерных ударов) и во взаимодействии со стратегическими ядерными средствами, которые были на вооружении других видов Вооруженных Сил — ВВС и ВМФ.

По мере дальнейшего совершенствования ракетной техники в СССР и ее количественного накопления происходило быстрое развертывание ракетных частей и соединений. Так, уже в 1960 г. в состав РВСН входило 39 отдельных частей и соединений [70]. С мая 1960 г. начали формироваться ракетные дивизии, которые стали основным соединением РВСН, а ракетные полки — основной боевой частью.

С 1961 г. в ракетных войсках развернулось строительство шахтных позиций ракет, что значительно повысило боеготовность пусковых установок и их защищенность от ядерных ударов вероятного противника. В 1963 г. была принята на вооружение ракета Р-16, которую уже спустя два года стали заменять ракетой Р-9, имевшей меньший стартовый вес и размеры, более высокую точность и более совершенное оборудование по подготовке ракет к применению. В 60-х гг. ракеты Р-12 в подвижном варианте и Р-14 (в 1961 г. в подвижном, а в 1962 г. в шахтном варианте) поступили на вооружение ракетных частей.

Таблица 3. Количественно-качественная характеристика РВСН СССР (по состоянию на середину 80-х гг.)

Тип МБР	Год разверт.	Кол-во БЗ	Мощн. БЗ, кт	Кол-во МБР	Всего БЗ	Дальность, тыс. км	Забрас. вес, Т
РС-10	1973	1	1100	326	326	12,0	1,20
РС-12	1969	1	750	40	40	9,4	0,60
РС-16	1979	4	750	47	188	10,0	2,55
РС-20	1979	10	550	308	3080	11,0	8,80
РС-18	1979	6	550	300	1800	10,0	4,35
РС-22	1987	10	550	56	560	10,0	4,05
РС-12М	1985	1	550	288	288	10,5	1,00

Таким образом, в развитии РВСН наиболее сложным и ответственным был переходный период с 1959 по 1963 г. Он характеризовался быстрой разработкой и поступлением на вооружение различных образцов ракетных комплексов как наземного, так и шахтного вариантов. В эти годы решались сложные проблемы дислокации РВСН, освоения ими позиционных районов, вырабатывались стратегия и тактика боевого использования. В конце 60-х гг. СССР имел в своем стратегическом арсенале уже 600 МБР [71].

В 60–70-х гг. в СССР высокими темпами велось строительство баз МБР шахтного типа. Крупнейшими из них в России были: Бершет (Пермская область) — 60 РС-10, Красноярск — 40 РС-10, Ясная (Читинская область) — 90 РС-10, Свободный (Амурская область) — 60 РС-10, Йошкар-Ола — 40 РС-12, Домбаровский (Оренбургская область) — 64 РС-20, Карталы (Челябинская область) — 46 РС-20. На территории союзных республик крупные базы МБР размещались: в Хмельницком (Украина) — 90 РС-18, Первомайске (Николаевская область) — 40 РС-18, Державинске (Казахстан) — 52 РС-20, Жангизтобе (Семипалатинская область) — 52 РС-20 [65, с. 68–73].

В наземном компоненте ядерной триады (РВСН) в середине 80-х гг. на вооружении находилось 7 типов МБР.

Анализ данных, приведенных в таблице, говорит о том, что ракетно-ядерные системы наземного и шахтного базирования являлись основой боевой мощи СНВ Советского Союза. Все эти системы имели различные характеристики, включая способ базирования, вид топлива, количество и мощность боеголовок, дальность стрельбы и т.д. Ряд этих характеристик приведен в таблице. На стратегических ракетах наземного базирования было размещено более 60% всех ядерных боезарядов, что объяснялось прежде всего географическим положением Советского Союза.

На рубеже 70–80-х гг. СССР в Европейской части своей территории производил плановую замену устаревших, становившихся ненадежными жидкостных ракет первого поколения Р-12 и Р-14 (СС-4 и СС-5 по классификации НАТО) новыми ракетами среднего радиуса действия РСД-10 «Пионер» (СС-20). Хотя новых ракет устанавливалось меньше, чем снималось,

американцами была развернута активная антисоветская пропагандистская кампания. Они мотивировали свою обеспокоенность тем, что новые советские ракеты мобильны, имеют разделяющиеся головные части и способны поражать цели на всю глубину Западной Европы. Предложение США и ФРГ о раскрытии советского плана развертывания в Европе новых ракетных комплексов было отвергнуто Москвой.

Запад ответил решением о размещении начиная с 1983 г. на территории ФРГ, Англии, Бельгии, Нидерландов и Италии новых американских РСД — 108 «Першинг-2» и 464 крылатых ракет ГЛСМ с дальностью стрельбы 2500 км. Реализация данного решения грозила дестабилизацией обстановки в Европе и мире, так как резко увеличивала опасность возникновения ядерной войны.

В свою очередь, Советским Союзом в ответ на этот шаг Запада были прерваны переговоры с США по стратегическим вооружениям и вооружениям средней дальности в Европе. Также было принято решение развернуть на территории ГДР и Чехословакии дополнительно три бригады ракетных комплексов «Темп-С». Были предприняты меры по развертыванию соответствующих ядерных средств морского базирования для создания дополнительной угрозы территории США.

Параллельно с созданием и развитием РВСН осуществлялось перевооружение ВВС и ВМФ новой техникой и оружием. С рубежа 60-х гг. они получили на вооружение ракетно-ядерное оружие, что значительно повысило их боевые возможности и сделало самостоятельными частями стратегической ядерной триады страны.

В 70-е гг. на вооружение ВВС поступали Ту-22 и Ту-95, а в 80-е гг. был запущен в серийное производство авиационный комплекс Ту-160, способный поражать цели на любом удалении [72].

Основные заводы по производству ТБ были расположены в Поволжье: Казанское авиационное производственное объединение, выпускавшее Ту-160, и Куйбышевское авиационное производственное объединение в Самаре, выпускавшее Ту-95. Летные испытания тяжелых бомбардировщиков проводились в Жуковском под Москвой, а обучение экипажей — в Рязани.

Таблица 4. Количественный и качественный состав группировки тяжелых бомбардировщиков СССР (по состоянию на середину 80-х гг.)

Тип ТБ	Количество ТБ	Тип вооружения	Количество	Общее количество	Радиус, тыс. км
Ту-95МС	84	КРВБ	8	672	8,3
Ту-95М, к, к-22	63	бомбы	1	63	8,3
Ту-160	15	КРВБ	8	120	7,3
Итого	162			855	

Там же была создана база по ремонту стратегических бомбардировщиков. Авиационные заводы по производству других типов самолетов и авиадвигателей находились в Москве, Таганроге, Перми, Красноярске, Новосибирске и в других городах страны.

Военно-воздушные силы были оснащены необходимым радиотехническим и радиолокационным оборудованием, средствами связи, в которых использовались новейшие достижения радиоэлектроники, специализированная электронно-вычислительная техника. В целях повышения надежности управления воздушным боем, а также быстроты и достоверности передачи всех видов информации в рассматриваемый период в авиации осуществлялся переход к автоматизированному управлению связью.

Авиатехника ВВС в 80-х гг. была оснащена скорострельными пушками, автоматическими прицельными системами высокой точности, могла применять как ядерные, так и обычные бомбы, ракеты. Авиация являлась важнейшим средством поражения подвижных, малоразмерных и точечных объектов. При борьбе с ядерными и ракетными средствами нападения противника она была способна поражать их на суше, на море, в воздухе. Организационная структура ВВС, оснащенных разнообразной авиационной техникой и мощным вооружением, позволяла им в годы рассматриваемого периода самостоятельно и во взаимодействии с другими видами Вооруженных Сил решать стратегические задачи современной войны [73].

Воздушный компонент стратегической триады в середине 80-х гг. составляли 162 тяжелых бомбардировщика (ТБ), из которых 99 были оснащены для ядерных крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) большой дальности, а остальные 63 бомбардировщика предназначались для ядерных вооружений других видов.

Тяжелые бомбардировщики — носители ядерных КРВБ большой дальности оснащались ракетами, имевшими дальность до 3000 км; другие ТБ имели на вооружении ядерные бомбы свободного падения и ядерные ракеты малой дальности. ТБ Ту-95 имел дозвуковую скорость (0,8 числа M) и «потолок» до 13 700 м; Ту-160 являлся сверхзвуковым (2,0 числа M) и имел «потолок» 20 000 м. Оба типа бомбардировщиков были оснащены оборудованием для дозаправки в воздухе.

Военно-Морской Флот СССР состоял в середине 80-х гг. из следующих родов сил: подводных, надводных, морской авиации, береговых ракетно-артиллерийских войск и морской пехоты. Он включал Северный, Тихоокеанский, Черноморский и Балтийский флоты. Все они были оснащены современным ракетно-ядерным оружием, ПЛАРБ, ракетными кораблями различных классов.

ВМФ СССР являлся в рассматриваемые годы важным фактором обеспечения обороноспособности страны, поддержания военно-стратегического паритета. Его главной ударной силой являлись атомные подводные лодки-ракетоносцы. Морской компонент советской стратегической триады в середине 80-х гг. был представлен 62 подводными ракетоносцами семи классов различных годов постройки, на которых были развернуты БРПЛ шести типов (3 тыс. ядерных зарядов). Подводные лодки были вооружены баллистическими ракетами с подводным стартом, крылатыми ракетами, что значительно повышало их боевые возможности. Ракеты и торпеды могли быть в ядерном и обычном снаряжении.

В данной категории стратегических вооружений значительный удельный вес занимали системы, построенные в 70-х гг. («Навага» — первая половина 70-х, «Навага М» — 1977 г., «Кальмар» — 1977–1982 гг.). В силу этого и ряда других обстоятельств (включая ограниченность ремонтной базы) на

боевом дежурстве в среднем находилось 20–25% от общего количества ПЛАРБ. И хотя Советский Союз превосходил США по общему количеству ПЛАРБ, последние держали на боевом дежурстве гораздо большее количество боеголовок на подводных ракетноносцах. У СССР на БРПЛ было развернуто около 30% ядерных боезарядов, а у США — более 50%.

В то же время советские ПЛАРБ имели ряд характерных технологических недостатков. Они уступали американской ПЛАРБ «Трайидент» по технической вооруженности. Все они производили значительно больший шум (и поэтому их было проще обнаруживать) и каждая несла меньше баллистических ракет, чем лодка типа «Огайо» (24 БРПЛ). Крупнейшая советская подводная лодка «Тайфун» имела 20 баллистических ракет. Все боеголовки, установленные на БРПЛ, имели низкую точность, что делало их пригодными только для нанесения ударов по городам и промышленным центрам и малопригодными для нанесения контрсилового удара. СССР также значительно отставал от США по уровню развития инфраструктуры противолодочной обороны.

Баллистические ракеты для ПЛАРБ производились на Урале (на Златоустовском машиностроительном заводе) и в Сибири (на Красноярском машиностроительном заводе). В Пашино (Новосибирская область) был расположен объект по переоборудованию и ликвидации БРПЛ. Переоборудование и ликвидация пусковых установок БРПЛ осуществлялась в Северодвинске (Архангельская область) и на дальневосточном заводе «Звезда» (Приморский край).

В соответствии с официальными данными, представленными в конце 80-х гг. американской стороне на переговорах в Женеве и приведенными в Меморандуме о договоренности подписанного между СССР и США Договора по СНВ, Советский Союз располагал тогда следующим количеством СНВ: 1398 МБР (из них 321 — мобильная), 62 ПЛАРБ с баллистическими ракетами (940 БРПЛ) и 162 ТБ (из них 99 были оснащены ядерными крылатыми ракетами большой дальности).

Важной составной частью стратегической обороны, необходимым военно-техническим условием достижения и поддержания военно-стратегического паритета была система

Таблица 5. Количественный и качественный состав флота стратегических ПЛАРБ (по состоянию на середину 80-х гг.)

Класс ПЛАРБ	Тип БРПЛ	Кол-во ПЛАРБ	Кол-во ПУ	Кол-во БЗ	Всего БРПЛ	Всего БЗ	Мощность БЗ, кт	Дальность, тыс. км
«Навага»	СС-Н-6	12	16	1	192	192	1000	3,0
«Навага М»	СС-Н-17	1	12	1	12	12	1000	3,9
«Мурена»	СС-Н-8	18	12	1	216	216	1500	9,1
«Мурена М»	СС-Н-8	4	16	1	64	64	1500	9,1
«Кальмар»	СС-Н-18	14	16	3	224	672	500	6,5
«Дельфин»	СС-Н-23	7	16	4	112	448	100	8,3
«Тайфун»	СС-Н-20	6	20	10	120	1200	200	8,3
Итого		62			940	2804		
В т.ч. с РГЧ		27			456	2320		

противовоздушной обороны страны. По мере развития средств воздушно-космического нападения вероятного противника советское правительство в послевоенный период придавало большое значение развитию средств ПВО. Основой их огневой мощи в 40–50-е гг. оставались зенитная артиллерия и истребительная авиация, боевое использование которых опиралось на радиотехнические войска.

На рубеже 60-х гг. на вооружение Войск ПВО страны начала поступать зенитная ракетная техника. В те годы был разработан и принят на вооружение Войск ПВО ЗРК С-75 [74]. В 60-х гг. разрабатывались и в начале 70-х гг. поступили на вооружение: ЗСУ-23–4 («Шилка»), «Стрела-3», С-125 [75]. В 80-е гг. на вооружение Войск ПВО были приняты более эффективные ракетные комплексы «Квадрат», «Оса», «Стрела-10» и С-300 [76].

С середины 50-х гг. в СССР начали создаваться технические средства противоракетной обороны страны. В 1966 г. закончилась разработка и прошла испытания противоракетная система под кодовым наименованием «А». В принятом в связи с этим постановлении Совета министров СССР, наряду с высокой

оценкой результатов работ в области ПРО ставились задачи по дальнейшему наращиванию усилий в создании надежной РКО СССР. В сентябре 1966 г. было принято постановление Совета министров СССР «Об ускорении работ по созданию многоканальных комплексов ПРО». Постановление обязывало все организации, принимавшие участие в создании системы ПРО «А-35», обеспечить первоочередное выполнение работ, связанных с созданием многоканальных стрельбовых комплексов ПРО, не позднее 1969 г. [77].

Создание к рубежу 70-х гг. эффективных средств ПРО повышало обороноспособность СССР. Вследствие этого в мае 1968 г. Совет министров СССР принял постановление «О мероприятиях по обеспечению работ в области противоракетной обороны». В нем отмечалось, что для согласования деятельности всех организаций и ведомств, выполняющих задания правительства по созданию ПРО страны, для обеспечения их высокого научно-технического уровня создавался межведомственный координационный совет по проблеме ПРО под руководством одного из министров СССР [78].

Следствием подписания в 1972 г. Договора об ограничении систем ПРО, было прекращение работ по развертыванию новых комплексов системы «А-35», так как по Протоколу к Договору, подписанному в июле 1974 г., стороны обязались ограничиться одним из двух предусмотренных Протоколом районов, защищенных средствами ПРО. В то же время, учитывая то, что в начале 70-х гг. США начали оснащение своих ракет РГЧ ИН, правительство СССР было вынуждено принять ряд мер по повышению боевых возможностей ПРО страны.

Основные направления дальнейшего совершенствования системы ПРО страны были определены постановлением Совета министров СССР от 11 июля 1975 г. Исходя из необходимости дальнейшего укрепления ПРО страны в СССР в 70–80-е гг. проводились теоретические и экспериментальные работы по созданию новых систем данного вида вооружений на основе оптических и квантовых генераторов [79].

В 70–80-х гг. системы ПРО и ВКО страны организационно входили в состав Войск ПВО. ПРО включала: командный пункт, многофункциональную радиолокационную станцию обнару-

жения и наведения, части стрельбовых комплексов с противоракетами [80].

В мае 1977 г. на государственные испытания была представлена система ПРО «А-35М». Эта система была признана ограниченно пригодной для поражения американских МБР с РГЧ, но, несмотря на это, была принята на вооружение Войск ПВО страны.

В 1975 г. началась разработка новой системы ПРО Москвы. В 1989 г. она была поставлена на боевое дежурство. В ее составе имелся один район развертывания вокруг Москвы, включавший 100 ракет-перехватчиков с ядерными боеголовками порядка 1000 кт¹.

Таким образом, создание РВСН, оснащение ракетно-ядерным оружием ВВС и ВМФ, совершенствование ПВО и ПРО подняли на новый уровень боевую мощь Советских Вооруженных Сил, сыграли важную роль в обеспечении безопасности СССР и его союзников.

5.4. Противостояние коалиций: НАТО и Организация Варшавского Договора²

*Бог воюет на стороне того,
у кого лучше артиллерия.
Наполеон Бонапарт*

Соединенные Штаты Америки и Советский Союз были главными, но не единственными участниками холодной войны. Обе сверхдержавы являлись лидерами мощных военно-политических коалиций. Создание и деятельность Североатлантического альянса (НАТО) и Организации Варшавского Договора (ОВД) в полной мере отражают содержание, характер и особенности эпохи глобального противоборства.

¹ До рубежа 90-х гг. в СССР в полном объеме (8 РЛС) действовала система предупреждения о ракетном нападении.

² Этот материал подготовлен на основе бесед с генерал-полковником Г.А. Бурутиным, занимавшим в 70–80-е гг. ряд ответственных должностей в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР, которому автор выражает глубокую и искреннюю признательность.

Союзники — как США, так и СССР — отнюдь не были простыми статистами. Все они, хотя и в разной мере, внесли свою лепту в холодную войну, и роль каждого из государств — членов Западного и Восточного блоков требует специального изучения. Соответствующая научная работа активно ведется в многочисленных исследовательских центрах самых разных стран, не говоря уже о независимых ученых.

В рамках этого раздела речь, однако, пойдет не о «вкладе» конкретных государств в холодную войну (это просто неподъемная задача для обзорной книги), а о некоторых аспектах именно коалиционного противоборства. Как известно, любая система обладает качествами, не сводимыми к сумме свойств ее компонентов¹, и НАТО с ОВД не являются, конечно, исключением из правила.

В первые послевоенные годы СССР и его союзники выступали против организации замкнутых военно-политических блоков, за сохранение целостности Европы и создание системы коллективной безопасности на всем европейском континенте.

Однако на Западе предпочли иной путь. Процесс формирования Североатлантического альянса, о чем подробно говорилось выше, не завершился подписанием Договора 1949 г. И в последующий период его укрепление и расширение представлялось на Западе приоритетным направлением политики. Подписав осенью 1954 г. Парижские соглашения, США и их союзники предоставили возможность Западной Германии и Италии создать свои вооруженные силы и возобновить военное производство. Было заявлено о стремлении добиваться объединения Германии путем поглощения ГДР. Вслед за этим в мае 1955 г. в нарушение Потсдамских соглашений ФРГ была принята в НАТО, которое получило в свое распоряжение полумиллионный немецкий бундесвер.

Международная обстановка резко обострилась, возросла военная опасность. В новых условиях двусторонние договоры между социалистическими странами уже не в полной мере обе-

¹ Этот эффект часто обозначают термином «эмерджентность» (с англ. — неожиданно появляющийся).

спечивали их коллективную безопасность. Возникла настоятельная необходимость реорганизации военно-политического сотрудничества на более широкой международно-правовой основе, когда объединенным силам западных стран противостояла бы совместная мощь Советского Союза и государств Восточной Европы.

Восточноевропейские государства (их еще называли «странами народной демократии») и Советский Союз начиная с первых послевоенных лет проводили политику, направленную на установление тесных и всеобъемлющих партнерских связей. Основой для этого стали многочисленные двусторонние соглашения.

Военные контакты вскоре стали одним из приоритетных направлений сотрудничества, тем более что по времени договорный процесс совпал с созданием и становлением новых национальных армий в странах народной демократии. Широко практиковались поставки «братским армиям» современного (по тому времени) советского вооружения и различного военного имущества, а также направление военных советников командного и технического профилей для оказания помощи в овладении боевой техникой, организации боевой подготовки войск и обучении кадров. Получила распространение и практика обучения национальных кадров в советских военно-учебных заведениях. Становлению армий народно-демократических стран способствовали их тесные связи с советскими войсками, дислоцированными на территории ГДР, Польши, Венгрии и Румынии.

14 мая 1955 г. Албания, Болгария, Венгрия, Германская Демократическая Республика (ГДР), Польша, Румыния, СССР и Чехословакия подписали в польской столице союзнический Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, вошедшей в историю как Варшавский Договор.

Новое военно-политическое содружество организовывалось на принципах единства марксистско-ленинской идеологии, руководящей роли в государствах партий коммунистической направленности, социалистического интернационализма и совместного обеспечения своей военной безопасности.

В тексте Договора, как и в принятой много позже военной доктрине, отмечалось, что ОВД имеет сугубо оборонитель-

ный характер. Разумеется, это не исключало решительности действий его объединенных вооруженных сил в случае агрессии. Более того, в боевом планировании одно время даже допускалась возможность упреждающего удара против группировок войск вероятного противника, «изготовившихся к нападению».

Страны — участники ОВД создали коалиционные органы руководства, сформировали соответствующие союзные вооруженные силы и средства управления ими в мирное и военное время, определили оптимальные формы и методы военного сотрудничества. Эта система дополнялась и совершенствовалась в течение всего периода существования, вплоть до весны 1991 г. [81].

Высшим органом ОВД являлся Политический Консультативный Комитет (ПКК), на который возлагалось решение общих принципиальных вопросов, относящихся к обороноспособности и военному строительству союзных государств, их армий и Объединенных вооруженных сил (ОВС), которые возглавлял Главнокомандующий.

По сложившейся практике работы ПКК, его совещания проводились ежегодно. В них принимали участие делегации во главе с первыми лицами государств-участников. Как правило, повестка дня включала два вопроса: одним из них был доклад Главнокомандующего о состоянии ОВС с принятием решений по их дальнейшему развитию, оснащению боевой техникой и вооружением, по подготовке инфраструктуры и др. В качестве второго вопроса обычно выступало рассмотрение и принятие политических заявлений, например по проблемам сокращения вооружений или в связи «с агрессивными действиями стран Запада» [82].

Рабочими органами ПКК являлись Объединенный секретариат, Комитет министров иностранных дел (КМИД) и Комитет министров обороны (КМО); последний выступал в качестве высшей военной коалиционной инстанции в ОВД.

Органом военно-стратегического управления в мирное время являлось Объединенное командование вооруженных сил (затем — Объединенных вооруженных сил), состоящее из Главнокомандующего ОВС и его заместителей от каждой

Подписание Варшавского Договора

страны-участницы (в ранге заместителей министров обороны или начальников генеральных штабов с местом пребывания в своих странах), а также начальника штаба ОВС и командующего войсками ПВО ОВД. Главкомами ОВС в разное время были Маршалы Советского Союза И. С. Конев, А. А. Гречко, И. И. Якубовский, В. Г. Куликов и генерал армии П. Г. Лушев.

При Главнокомандующем ОВС в качестве постоянно действующих органов для руководства повседневной деятельностью ОВС функционировали Штаб ОВС и Технический комитет ОВС. Кроме того, на временной основе работали Военный совет и Военный научно-технический совет ОВС.

Штаб ОВС и Технический комитет ОВС комплектовались из числа генералов, адмиралов и офицеров всех союзных армий по принципу пропорционального представительства, исходя из принятых норм финансирования этих органов: Болгария — 7%, Венгрия — 6%, ГДР — 6%, Польша — 13,5%, Румыния — 10%, Советский Союз — 44,5% и Чехословакия — 13% [83].

Характерно, что при соблюдении этих норм большинство руководящих должностей в названных структурах (начальника

Штаба, его первого заместителя, председателя Техкома, начальников всех управлений и отделов) занимали советские военнослужащие. В Объединенном командовании кроме самого Главкома ОВС советскими военачальниками были его заместители по ВВС, ВМФ и ПВО.

Естественно, что такая практика обеспечивала реализацию идей и установок прежде всего советского политического и военного руководства, Генерального штаба ВС СССР, положений советской военной науки и военной доктрины. Главнокомандующий и начальник Штаба ОВС одновременно занимали должности первого заместителя министра обороны СССР и первого заместителя начальника Генерального штаба (соответственно). Эти обстоятельства порой негативно сказывались на морально-психологической обстановке в структурах ОВД, тем более что действия советских руководителей не всегда в полной мере учитывали интересы, особенности и реальные возможности союзников СССР.

Представительство союзных армий в Штабе ОВС ограничивалось наличием заместителей начальника Штаба ОВС от министерств обороны всех государств-участников в ранге заместителей начальников генеральных (главных) штабов. Эти представители работали в Штабе ОВС, постоянно находясь в Москве.

Органы военного управления занимались разработкой предложений и рекомендаций по проблемам укрепления обороноспособности союзных стран, строительства национальных вооруженных сил и координацией деятельности Объединенных вооруженных сил в интересах коллективной обороны.

В Организации Варшавского Договора за годы ее существования сложился эффективный механизм многостороннего политического и военного сотрудничества, который постоянно развивался и совершенствовался. Его правовой основой выступал как сам Варшавский Договор, так и двусторонние соглашения между его участниками. Соответственно, и сотрудничество в самых разных сферах деятельности осуществлялось как в рамках ОВД, так и на двусторонней основе [84].

Важнейшим направлением деятельности ОВД было сотрудничество государств-участников в области внешней политики.

Существовал и механизм его координации, центральным звеном которого являлся Политический консультативный комитет. Его важными элементами являлись Постоянная Комиссия по разработке рекомендаций по внешнеполитическим вопросам, Комитет министров иностранных дел и Объединенный секретариат. Руководители стран ОВД в ходе плановых и рабочих встреч также согласовывали свои внешнеполитические действия. Иногда такие контакты носили закрытый характер. Так, при выработке общей позиции социалистических стран в Берлинском кризисе 1961 г. их лидеры собрались в Москве тайно. На этой встрече, в частности, было принято решение о сооружении разделительной стены вокруг Западного Берлина.

Военно-стратегическое взаимодействие в рамках ОВД осуществлялось путем координации усилий союзных стран в вопросах укрепления обороны, строительства национальных армий, повышения их боеспособности и боевой готовности, а также планирования совместного применения ОВС на случай войны. Оно включало согласование планов развития национальных армий, оснащения их вооружением и боевой техникой, проведение совместных мероприятий по совершенствованию боевой и мобилизационной готовности войск и флотов, их полевой, воздушной и морской выучки, оперативной подготовки командующих и штабов, оперативного оборудования территории стран как части театров военных действий, совместную разработку планов боевого применения оперативных объединений, выделяемых из состава национальных армий в военное время. Осуществлялось согласование усилий в подготовке кадров, разработке и производстве вооружений и военной техники, создавались совместные (объединенные) оборонительные и специальные системы, оказывалась взаимопомощь при разработке актуальных проблем военного искусства, внедрении в практику единых принципов и методов подготовки войск и штабов. Особое место занимала координация усилий государственных органов, национальных министерств обороны, генеральных (главных) штабов армий стран Варшавского Договора.

Известно, что основной формой любого коалиционного военного взаимодействия является согласование совместного приме-

нения военной силы, иначе говоря оперативное планирование. Единое оперативно-стратегическое планирование применения Объединенных вооруженных сил военного времени в деятельности ОВД представляло собой высшую форму военной интеграции. Методы, сущность и цели такой работы постоянно совершенствовались. В роли организующего звена планирования применения как вооруженных сил государств ОВД, так и оперативно-стратегических и оперативных объединений, создаваемых в военное время на их базе, выступал Генеральный штаб ВС СССР.

В конце эпохи холодной войны правовой основой для такого планирования являлось «Положение об Объединенных вооруженных силах и органах руководства ими на военное время», принятое главами государств Варшавского Договора 18 марта 1980 г. В соответствии с ним для централизованного руководства в военное время учреждалось единое Верховное Главное командование, органом управления которого являлся Генеральный штаб ВС СССР [85]. Таким образом, Генеральный штаб ВС СССР на военное время, наряду с выполнением функции рабочего органа Ставки Верховного Главного Командования ВС СССР, становился и органом управления создаваемого в особый период Верховного Главного командования Объединенных вооруженных сил (Верховным Главнокомандующим ОВС Организации Варшавского Договора назначался Верховный Главнокомандующий ВС СССР). Поэтому в сферу деятельности Генерального штаба ВС СССР уже в мирное время входили вопросы военного строительства, определения замысла применения, планирования и подготовки вооруженных сил стран — участниц Варшавского Договора и их территорий к совместному выполнению задач в военное время.

Основу для подготовки документов по планированию составляли разрабатываемые Штабом ОВС и соответствующим генеральным (главным) штабом каждой национальной армии при участии Генштаба ВС СССР «Протоколы о выделении войск и сил данного государства-участника в состав Объединенных вооруженных сил». В них определялись основные направления развития войск и сил данного государства, планы оснащения их вооружением и боевой техникой, объемы накопления запасов, материалов, а также количество соединений и частей всех

видов ВС, выделяемых от вооруженных сил этого государства в состав Объединенных вооруженных сил. Что касается количества выделяемых войск, то оно указывалось в соответствующем Перечне (приложении к протоколу), в котором кроме указания конкретных соединений, частей и учреждений определялись численность их личного состава, организационная структура, количество основных видов вооружения и боевой техники. В Протоколах указывались и мероприятия по подготовке территории данной страны в оперативном отношении.

Планирование применения войск (сил) на военное время (фронтов, армий и флотов), выделяемых в состав ОВС, осуществлялось министрами обороны и генеральными (Главным) штабами государств — участников Варшавского Договора с учетом рекомендаций Главнокомандующего ОВС и предложений Генерального штаба ВС СССР, а при необходимости — во взаимодействии с соседними армиями других стран».

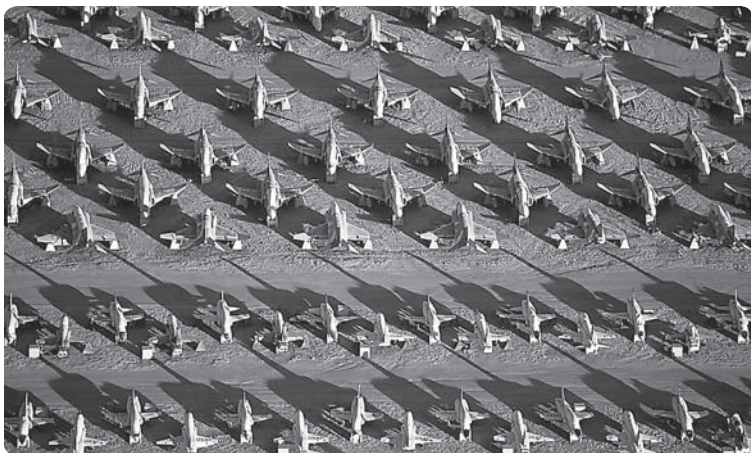
Разработанные в национальных штабах общие оперативные планы перед их подписанием министрами обороны и главнокомандующим ОВС СВД подлежали согласованию в Генеральном штабе ВС СССР.

В качестве главного театра возможной войны для группировок войск общего назначения НАТО и ОВД рассматривался европейский континент.

В Европе, особенно в ее центральной части, совокупная военная мощь двух военно-политических союзов была особенно внушительной. Всего здесь противостояли друг другу более 7,2 млн человек, имевших на вооружении: более 90 тыс. танков, 128,5 тыс. орудий и минометов, свыше 23 тыс. боевых самолетов и вертолетов, 600 крупных надводных кораблей и около 430 подводных лодок.

Вооруженные силы США, Великобритании и Франции состояли из классической триады: сил общего назначения, ядерных сил на театре войны (средней и меньшей дальности) и стратегических ядерных сил. Поскольку долгие годы США и НАТО в возможной войне делали ставку на атомное оружие, приоритет в развитии отдавался ядерным средствам.

Однако в конце 80-х гг., когда паритет по стратегическим наступательным вооружениям между США и Советским Союзом

База ВВС США

стал более чем очевиден, и выяснилось, что в мировой ядерной войне победителя быть не может, произошло уточнение стратегических концепций. Впервые перед армиями стран блока была поставлена задача, что они должны обладать способностью с самого начала войны вести широкомасштабные наступательные боевые действия с применением только обычных средств поражения. Тем самым роль сил общего назначения значительно повышалась.

Силы общего назначения США и союзных им стран составляли: сухопутные войска, тактическая авиация ВВС и военно-морские силы (без ПЛАРБ). Они являлись самым многочисленным и универсальным компонентом вооруженных сил.

В соответствии с американской стратегической концепцией «передового базирования» основные группировки сил общего назначения уже в мирное время были развернуты и содержались вне пределов территории США на вероятных театрах военных действий, большая их часть — вблизи границ Советского Союза.

Наиболее мощная из них дислоцировалась в Европе. В ней находилось около 30% регулярных сухопутных войск, в которых насчи-

тывалось более 75% всех имеющихся противотанковых средств. Тактические ВВС США в Европе имели в своем составе 900 боевых самолетов, из которых 400 истребителей-бомбардировщиков средней дальности. Американцы также содержали в Средиземном море и на Атлантике 6-й и 2-й оперативные флоты, которые имели в своем составе около 200 боевых кораблей, в том числе 9 авианосцев и 900 боевых самолетов авиации ВМС.

Для размещения этих колоссальных сил и средств только в ФРГ было создано 188 крупных военных баз и объектов. До 60 американских баз имелось в Турции, десятки — в Италии и Великобритании. Всего в странах Западной Европы американцы разместили свыше 1000 военных объектов, из них более 270 крупных.

В дополнение к четырем бронетанковым и механизированным дивизиям США, находящимся в ФРГ, на ее территории были складированы запасы тяжелого вооружения еще для четырех дивизий, перебрасываемых в особый период по воздуху с американского континента.

Всего силы общего назначения США в Европе насчитывали 300 тыс. человек, 5000 танков, 3100 орудий полевой артиллерии.

В течение 10 суток со времени принятия решения о мобилизации в дополнение к имеющимся на Западно-Европейском ТВД войскам развертывалась еще шесть общевойсковых дивизий и одна бригада, а также перебазировалось 60 авиаэскадрилий (по 16–18 самолетов). Всего около 1000 самолетов.

Всего по воздуху планировалось перебросить в Европу до 400 тыс. американских военнослужащих и в короткие сроки увеличить количество общевойсковых дивизий в 2,5 раза, а группировку авиации в 3 раза. Для сил общего назначения всех стран НАТО в Европе было размещено свыше 7000 ядерных боеприпасов.

Вместе с войсками ФРГ (12 боеготовых танковых и мотопехотных дивизий) группировка американских войск являлась главной ударной силой ОВС НАТО, нацеленной против СССР и других стран Варшавского Договора.

Вооруженные силы государств НАТО в Европе (кроме Франции) составляли Объединенные вооруженные силы (ОВС)

блока, которые были территориально разделены на три главных командования: на Северо-Европейском, Центрально-Европейском и Южно-Европейском театрах. Наиболее мощная группировка войск находилась на Центрально-Европейском театре (ЦЕТ). В состав ее входили вооруженные силы ФРГ, Нидерландов, Бельгии, а также соединения и части США, Великобритании и Канады в Европе, находящиеся на немецкой, голландской и бельгийской территориях. Всего 23 дивизии, до 10 тыс. танков и 6 тыс. единиц полевой артиллерии, сведенные в восемь армейских корпусов. Кроме того, на территории ФРГ размещались два армейских корпуса Франции.

Своеобразной передовой базой ОВС НАТО на ЦЕТ, выдвинутой на восток, являлся Западный Берлин с его военным гарнизоном трех западных держав (США, Великобритании и Франции), насчитывающий в своем составе 12 тыс. человек, не считая 20 тыс. западноберлинских полицейских¹.

¹ Большинство инцидентов с участием военнослужащих НАТО и ОВД произошло на территории Германии. Так, в связи с намерением провести летом 1963 г. заседание Бундестага ФРГ в Западном Берлине, который не являлся частью ФРГ, советской стороной было решено на этот период дезорганизовать работу воздушных и сухопутных коммуникаций, связывающих Западный Берлин с ФРГ. Все западные воздушные коридоры, а также аэропорты в городе облетывались советскими военными самолетами, имитирующими атаки на цели. Движение по автострадам, ведущим в ФРГ, периодически и без каких-либо уведомлений перекрывалось для пропуска войск ГСВГ и ННА ГДР, следующих в западном направлении «на учения». В районе Магдебурга было сосредоточено две дивизии ГСВГ и одна — ННА ГДР. Это насторожило командование НАТО, и в указанный район был направлен английский самолет-разведчик, который нарушил воздушный коридор и, не выполнив команду на принудительную посадку, был сбит советским истребителем. Экипажу и «пассажирам» — английским военнослужащим удалось спастись на парашютах. Они были задержаны советскими военнослужащими, а затем выдворены из ГДР.

Наряду с радио-, радиотехнической, агентурной и другими видами разведки, проводимыми на территории двух германских государств, действовала и почти официальная разведка — так называемые военные миссии связи четырех государств — бывших союзников по антигитлеровской коалиции, находящихся при соответствующих главкомах «союзных войск» в Германии. Так, при главнокомандующем ГСВГ (ЗГВ) в Потсдаме (ГДР) были аккредитованы военные миссии США, Великобритании и Франции, аналогичные советские миссии находились в трех бывших зонах оккупации на территории ФРГ.

Основная, хотя и неофициальная задача военных миссий заключалась в постоянном наблюдении за войсками и силами страны, в чьей зоне они

Всего у НАТО с учетом Франции и Испании в Европе находилось 94 боеготовые дивизии. Численность развернутой американской дивизии составляла 16–19 тыс., а дивизии ФРГ — более 23 тыс. человек, в то время как дивизии армий стран ВД насчитывали максимум 11–12 тыс. человек.

Все группировки войск первого эшелона НАТО в Европе подерживались в высокой степени готовности к занятию исходных районов на так называемом передовом оборонительном рубеже, проходящим на удалении от 10 до 50 км от границы с ГДР и Чехословакией, и к дальнейшим действиям в соответствии с оперативными планами. Их вооружение составляли самые современные, в основном наступательные, виды боевой техники и оружия, главными из которых являлись системы

находились, и создании там разведывательной сети. Поэтому миссии в Германии состояли из профессиональных офицеров-разведчиков. Используя возможность свободно перемещаться на автомобилях по своим «зонам ответственности», за исключением запретных районов, они действовали оперативно, напористо, часто нарушая установленные правила.

Так, стоило только советскому командованию внезапно поднять по тревоге ту или иную дивизию, бригаду или штаб и вывести их из военных городков, как через час-два на «хвосте» колонн советских войск появлялись машины западных миссий связи. Любое задержание или обстрел членов миссий в одной зоне мгновенно вызывал адекватную реакцию в другой, противоположной.

Западная разведка в своей работе порой допускала серьезные ошибки. Так, она не смогла вовремя отследить проводимое с начала 80-х гг. перевооружение ГСВГ на танки нового поколения Т-64 и Т-72, доставка которых из СССР в ГДР с целью скрытности впервые осуществлялась не по железной дороге, а морем. Необходимость срочно установить перевооружаемые соединения и части ГСВГ заставила военные миссии связи трех западных стран, прежде всего США, резко активизировать свою деятельность.

24 марта 1985 года в районе г. Людвигслуст (150 км северо-западнее Берлина) на территории городка одной из частей ГСВГ советским часовым был застрелен сотрудник американской миссии майор А. Николсон. Автомашина, в которой кроме Николсона находился водитель, ночью въехала в запретный район, а затем и на охраняемый советским караулом объект — парк учебно-боевых танков. При фотографировании через окно новых танков и был убит американский офицер. Гибель А. Николсона, которому посмертно на родине было присвоено воинское звание «подполковник», в США была воспринята исключительно болезненно и вновь ухудшила советско-американские отношения. Только через три года на первой в истории двух государств встрече министров обороны США и Советского Союза (Ф. Карлуччи и Д.Т. Язова) в Цюрихе удалось разобраться с обстоятельствами этого инцидента и снизить напряженность в отношениях.

двойного назначения, способные кроме обычных боеприпасов использовать и атомное оружие.

В соответствии с существующей тогда в СССР стратегической концепцией считалось необходимым для надежной безопасности Советского Союза и его союзников иметь в Центральной Европе мощную группировку вооруженных сил государств Варшавского Договора, ядром которых были советские войска.

Система обороны Советского Союза и всего Варшавского Договора строилась с сосредоточением основных усилий прежде всего на Западном и Юго-Западном ТВД, где были развернуты наиболее боеспособные, оснащенные самой современной техникой группировки войск с соответствующими запасами материально-технических средств.

Группировки советских войск на территории ГДР и Польши возникли в результате разгрома фашистской Германии. В восточной части Германии сначала была создана Группа советских оккупационных войск, затем она была переименована в Группу советских войск в Германии (ГСВГ), а в 1989 г. — в Западную группу войск (ЗГВ). В Польше советские войска, предназначенные для охраны коммуникаций и усиления ЗГВ, представляла Северная группа войск (СГВ). Кроме того, в ГДР и ПНР на побережье Балтийского моря размещалось по одному пункту базирования советского Балтийского флота.

Пребывание советских войск в Венгрии, под названием сначала Центральной, а затем Южной группы войск (ЮГВ), связано как с послевоенными договоренностями, так и с советской военной акцией осенью 1956 г.

Размещение советской Центральной группы войск (ЦГВ) в Чехословакии было признано целесообразным после ввода туда группировки войск стран ОВД в 1968 г.

До 1958 г. советские войска (Отдельная механизированная армия) были и на территории Румынии.

Всего в составе четырех советских групп войск постоянной готовности на 1985 г. находилось восемь общевойсковых и танковых армий (свыше 30 полностью развернутых и готовых к бою мотострелковых и танковых дивизий), а также 10 авиационных дивизий. Всего более 600 тыс. военнослужащих, 11 тыс. танков и свыше 1600 боевых самолетов.

Эти группировки советских сухопутных войск, ВВС и ВМС, выдвинутые на 600–800 км на Запад от границ Советского Союза, вместе с армиями и флотами союзников по Варшавскому Договору представляли собой мощный первый оперативный эшелон первого стратегического эшелона Объединенных Вооруженных Сил ОВД.

Союзные СССР войска и силы в Европе составляли: Национальная Народная Армия (ННА) ГДР, Войско Польское (ВП), Чехословацкая Народная Армия (ЧНА), Венгерские Оборонительные силы (ВОС), Армия Социалистической Республики Румынии (АСРР) и Болгарская Народная Армия (БНА), которые имели в своем составе 13 общевойсковых армий и ряд объединений и соединений других видов вооруженных сил и родов войск.

Считалось, что наличие постоянно готовых к действиям группировок войск (сил), находящихся в непосредственном соприкосновении с силами НАТО, обеспечивает необходимую эффективность общей системы обороны и поддержания комплексного военно-стратегического равновесия между Востоком и Западом в Европе. На войска первого оперативного эшелона, в состав которого было включено более 60% всех имеющихся сил общего назначения Варшавского Договора, возлагались задачи по отражению агрессии и разгрому вторгшегося противника.

Второй оперативный эшелон составляли войска западных приграничных военных округов: Белорусского, Прикарпатского, Одесского и Киевского, частично Прибалтийского, которые в основном состояли из танковых объединений и соединений и находились в готовности в короткие сроки к стремительно выдвигению (в основном комбинированным маршем), а их ВВС — к перебазированию по воздуху, на Запад в районы оперативного предназначения для вступления в сражение с целью завершения разгрома противника и развития успеха войск первого оперативного эшелона.

Организационно все войска и силы стран Варшавского Договора для подготовки и ведения совместных боевых действий в Европе были сведены в Объединенные Вооруженные Силы Организации Варшавского Договора (ОВС ОВД). Их состав на мирное и военное время был различен.

С переходом на военное положение все ОВС ОВД мирного времени, а также другие войска и силы, в том числе и развертываемые по мобилизационным планам, преобразовались в:

- ОВС на Западном ТВД;
- ОВС на Юго-Западном ТВД;
- Резервы Верховного Главнокомандования ОВС ОВД.

Эти стратегические группировки на ТВД, состоящие из фронтов (как национального, так и коалиционного состава), отдельных общевойсковых армий, воздушных армий, армий ПВО и объединенных флотов (на Западе — Объединенный Балтийский в составе: БФ, ВМФ ПНР и ВМФ ГДР, а на Юго-Западе — Объединенный Черноморский флот: ЧФ, ВМФ Болгарии и ВМФ Румынии) и других соединенных частей и учреждений объединялись единым планом действий (в рамках стратегических операций на ТВД) и централизованным управлением со стороны главных командований ОВС на Западном и Юго-Западном ТВД.

В 1984 г. в ВС СССР были созданы Главные командования войск направлений. В частности, в Европе были сформированы Главные командования войск Западного направления со ставкой в г. Легнице (ПНР) и Юго-Западного направления (г. Кишинев). На военное время они преобразовывались в Главные командования ОВС ОВД на соответствующих театрах военных действий и были предназначены для руководства действиями всех имеющихся там войск и сил.

Таким образом, почти все имеющиеся силы и средства вооруженной борьбы государств — участников ВД (кроме стратегических ядерных сил ВС СССР), органы управления ими, а также созданные в рамках Военной организации Договора оборонительные и обеспечивающие системы и комплексы составляли Объединенные вооруженные силы ОВД.

В мирное время непрерывно осуществлялось слежение за вероятным противником. Главный упор делался на ведение радио- и радиотехнической разведки, передовые посты которой были развернуты или стационарно оборудованы вдоль всей границы с ФРГ, Австрией и Турцией, а также подвижные — на море и в воздухе.

Содержалась в постоянной готовности к действию Единая объединенная система противовоздушной обороны ОВД, кото-

рая централизованно управлялась и объединяла силы и средства ПВО групп войск стран-участниц Центральной и Восточной Европы, войск ПВО советских приграничных военных округов и войск ПВО страны (СССР). Дежурные средства этой системы реагировали на любые воздушные цели, чтобы при нарушении ими воздушного пространства немедленно пресечь полет нарушителей уже в приграничных районах. Так, только в ЗГВ для возможного перехвата воздушных целей — потенциальных нарушителей воздушного пространства — ежедневно поднималось в воздух по несколько дежурных самолетов-истребителей.

Войска постоянной готовности — мотострелковые, танковые, ракетные, артиллерийские соединения и части, а также формирования других родов войск, занимаясь повседневной деятельностью, были способны за несколько десятков минут полностью оставить военные городки постоянной дислокации, выйти в назначенные районы (на позиции) и приступить к выполнению боевых задач. Боевая техника (танки, БМП, БТР, САУ) содержалась в парках с полным боекомплектом к орудиям, пулеметам и другому стрелковому вооружению, заправленными топливом баками, транспортные машины — с загруженными запасами материальных средств, готовыми к выдвигению и ведению боя. В боевые машины были заложены даже ручные гранаты и сигнальные патроны. Из оружия в казармах находились только автоматы и пистолеты командиров экипажей и механиков-водителей.

Ядерные боеприпасы для ракетных войск и артиллерии, фронтовой авиации, как для входящих в состав группировок советских войск, так и армий других стран ВД, составляющих первый оперативный эшелон на ТВД, хранились на ракетно-технических и ремонтно-технических базах, дислоцирующихся на территории стран ОВД. Эти ядерные боеприпасы содержались в готовности по особому распоряжению к доставке и передаче их в короткие сроки частям и соединениям.

Действия каждого объединения и соединения советских группировок войск и войск армий союзников СССР на особый период были тщательно спланированы в соответствии с различными возможными вариантами начала войны. Эти пла-

ны по мере изменений данных обстановки уточнялись (были установлены соответствующая периодичность и порядок такой работы).

Созданная заблаговременно система управления ОВС на театрах военных действий включала сеть стационарных защищенных (подземных) и подвижных пунктов управления (от ГК ОВС на ТВД и до соединений включительно), оборудованных современными средствами связи, автоматизированными системами управления и системами жизнеобеспечения, а также сеть линий и узлов связи, прежде всего кабельных, радиореальных и тропосферных.

На большей части пунктов управления объединений, соединений и даже частей уже в мирное время было организовано и осуществлялось боевое дежурство. Кроме сил и средств управления, разведки и ПВО с середины 90-х гг. в группах войск было поставлено на боевое дежурство и некоторое количество ударных средств (фронтальной и армейской авиации, ракетных войск и артиллерии) для немедленного поражения так называемых первоочередных объектов противника.

Основу сил общего назначения в армиях ОВД традиционно составляли Сухопутные войска. В послевоенное время в советских ВС они продолжали развиваться как второй по значимости (после РВСН) и как наиболее крупный по численности и разнообразный по боевому составу вид ВС.

Считалось, что Сухопутные войска, обладая огневой и ударной силой, высокой маневренностью и самостоятельностью, будут играть важную роль при ведении боевых действий как с применением, так и без применения ядерного оружия. Их развитие шло по следующим направлениям: увеличение боевого состава; совершенствование организационной структуры объединений, соединений и органов управлений; перевооружение на новые виды оружия и боевой техники для повышения огневой мощи, ударной силы при одновременном увеличении подвижности, маневренности и живучести. Только при реорганизации, проведенной в 1980–1982 гг., численность артиллерии мотострелковых и танковых дивизий была увеличена на 20–60%, на вооружение поступили новые танки Т-72, Т-80 и боевые машины пехоты БМП-2. В результате этого в среднем

*Т-80 — первый в мире серийный танк
с газотурбинным двигателем*

на 25% возросли боевые возможности этих общевойсковых соединений.

В целом «обычные» типы вооружений не только в Сухопутных войсках, но и в других видах ВС постоянно совершенствовались и создавались качественно новые системы оружия, имеющие все более высокие поражающие характеристики.

Состоянию напряженности в отношениях между СССР и США, ОВД и НАТО во многом способствовал характер и содержание военных доктрин, положениями которых руководствовалась каждая из сторон.

Официальная доктрина США, независимо от периодической смены ее концепций и названий: «массированного возмездия», «гибкого реагирования», «реалистического устрашения» и «прямого противоборства», всегда предусматривала возможность нанесения упреждающего ядерного удара в том случае, если американское руководство придет к выводу, что предполагаемый противник намеревается нанести ядерный удар по Соединенным Штатам или их союзникам. Да и применитель-

но к войне, ведущейся обычными средствами, США и НАТО официально заявляли, что в случае необходимости применят ядерное оружие первыми.

Доктринальные установки Организации Варшавского Договора долгое время носили полуоформленный характер и находили свое отражение преимущественно в заявлениях, декларациях и других подобных документах Политического Консультативного Комитета и отдельных государств-участников.

Основу коалиционной доктрины составили положения военной доктрины СССР как признанного политического, экономического и военного лидера социалистических государств.

Характерной чертой военной доктрины Варшавского Договора выступала ее оборонительная направленность. С момента образования этого союза его военные усилия были направлены на защиту от возможных посягательств извне, в том числе и через провоцирование внутренней контрреволюции. Оборонительный характер коалиционной доктрины прежде всего отражался в боевом составе, структуре и предназначении ОВС и армий государств-участников, содержании их подготовки, избранных и спланированных способов и форм боевых действий.

Но главной и определяющей стороной военной доктрины являлась ее политическая сторона. Она определялась политической правящих коммунистических и рабочих партий государств-участников и их марксистско-ленинской идеологией в области войны и обороны. В основе этой идеологии в военной сфере находились принципы «социалистического интернационализма» и «классового подхода» к проблемам военной безопасности, определению военных угроз и потенциальных противников, а также союзников. Внешним выражением такой концепции стал, например, широко известный в тот период лозунг: «Братья по классу — братья по оружию!»

В рамках политической стороны доктрины было зафиксировано отрицательное отношение ОВД к войне как явлению, с соответствующими военно-политическими задачами для каждой страны и для Организации в целом по предотвращению войны, укреплению коллективной обороны и военной безопасности «стран социалистического содружества».

Еще раз подчеркнем: как советской военной доктриной, так и военной доктриной ОВД никогда¹ не предусматривалось инициативного начала любой войны, тем более ядерной, и даже локального нападения. Но группировки Вооруженных Сил предполагалось иметь в таком составе, порядке их дислокации, а также уровне подготовки и готовности, чтобы в случае агрессии со стороны США, блока НАТО отразить и остановить вторжение, перейти в контрнаступление, а затем в ходе глубоких наступательных операций решительно разгромить противника.

Отчасти поэтому на Западе советскую стратегию оценивали как однозначно наступательную. Но было ли это искренне? Используя пропагандистские клише военной мощи СССР и советской военной угрозы, а также предельно расширительно трактуя некоторые советские внешнеполитические акции, США сумели убедить западное общественное мнение в агрессивности СССР и его союзников. Советская сторона в своей пропаганде отвечала тем же, но была менее убедительна.

К середине 80-х гг. действующая советская военная доктрина потребовала переработки, чтобы соответствовать политическому курсу нового советского руководства, способствовать активизации переговорного процесса и сокращению военных потенциалов сторон. Вопросы предотвращения войны решили сделать содержанием не только внешней политики, но и военной доктрины. Примерно тогда же на смену теории поэтапной эскалации мировой войны, последующие этапы которой, как считалось, обязательно будут ядерными, пришла концепция равной вероятности мировой ядерной войны и обычной войны (в виде всеобщей или локальной).

Новая советская военная доктрина, теория которой разрабатывалась в Генеральном штабе ВС СССР, прежде всего должна была отличаться своей однозначной оборонительной направленностью. Она впервые (а может быть, и в последний раз) в истории поставила своей главной целью не подготовку к войне, а ее предотвращение, что сейчас, спустя четверть века,

¹ Этот вывод основан на оценке действующих тогда оперативных планов применения Вооруженных Сил.

выглядит как минимум неоднозначно. Смещение военной доктрины и внешнеполитической концепции, может быть, и дает определенный пропагандистский эффект, но и дезориентирует военную организацию государства.

В конце 1986 г. новые доктринальные установки были рассмотрены и одобрены Советом обороны СССР. Они были положены в основу коалиционной военной доктрины государств — участников Варшавского Договора. Документ под названием «О военной доктрине государств — участников Варшавского Договора» был принят на заседании Политического Консультативного комитета этих стран в мае 1987 г. и опубликован [86].

Сопоставление основных положений военной доктрины НАТО и новой доктрины ОВД проводилось в рамках ОБСЕ на двух семинарах в Вене в 1990 и 1991 гг.

Политическая сторона доктрины определяла задачи по уменьшению опасности войны и ее предотвращению. Страны — участницы Организации Варшавского Договора заявляли, что они никогда, ни при каких обстоятельствах не начнут первыми военных действий против какого бы то ни было государства (союза государств), если сами не станут объектом вооруженного нападения. В полной мере это касалось и ядерного оружия.

Данные заявления не были простой декларацией. Им соответствовали установленный порядок выработки решения на применение ядерного оружия, строго определенные способы нанесения ядерного удара, а также алгоритм функционирования автоматизированной системы управления Стратегическими ядерными силами ВС СССР и других систем управления войсками и оружием. Таким образом, применение советских СЯС и оперативно-тактического ядерного оружия могло осуществляться только в форме ответно-встречного или ответного удара по агрессору. Ряд специально осуществленных организационных и технических мер на пунктах управления ядерными средствами сделал нанесение упреждающего ядерного удара просто невозможным.

Доктрина содержала ряд инициатив по реальному разоружению. Памятуя, что самым главным и разрушительным из всех видов наступательного оружия является ядерное оружие,

в том числе и на театре военных действий, решено было начать именно с него, а затем продолжить этот процесс в области сокращения обычных вооружений. Анализ данных о составе и соотношении сил общего назначения, как и их ядерных средств, действительно показывает, что обоюдное силовое сдерживание базировалось на поддержании сторонами совокупного военного потенциала на таком высоком уровне, при котором победа в войне становилась уже невозможной. Неслучайно на протяжении всего существования двух блоков страны Варшавского Договора и государства НАТО не допустили даже небольшого вооруженного конфликта между собой. А поводов и причин для этого было более чем достаточно.

Общей целью реформы являлось создание в Европе такой военно-политической ситуации, когда бы и НАТО, и ОВД, надежно обеспечив свою оборону, не имели бы средств для внезапного нападения на другую сторону. Отсюда возникло такое понятие, как «разумная достаточность для обороны», под которой понимался уровень военной мощи государства или коалиции государств, соизмеримый с уровнем военной угрозы, характером и интенсивностью военных приготовлений вероятного противника. Она определялась потребностями обеспечения безопасности на минимально допустимом уровне при отражении агрессии с суши, воздуха, моря и из космического пространства.

С понятием «разумная достаточность для обороны» тесно связывалось понятие «силовое сдерживание агрессии», включающее в себя набор наиболее рациональных форм и методов нейтрализации существующих и потенциальных военных угроз. Под «силовым сдерживанием агрессии» понимался комплекс мер и действий коалиции государств, направленных на создание и поддержание такого уровня их совокупного оборонного потенциала, при котором противоборствующая сторона осознает, что возможные выгоды от ее превентивных действий заведомо уступят потерям от ответных действий потенциальных жертв агрессии. Цель состояла в том, чтобы заставить потенциального агрессора отказаться от мысли, что победа в войне останется за ним.

Соблюдение принципа достаточности для обороны требовало от сторон не только механического сокращения войск, сил и их вооружений, но и глубокой перестройки их структу-

Таблица 6. Сравнительные данные о численности вооруженных сил и вооружения ОВД и НАТО в Европе (1989)

Численность вооруженных сил и количество вооружения	По данным	
	ОВД*	НАТО**
Наземные войска ОВД, тыс. человек НАТО	3573 3660	3090 2213
Танки ОВД НАТО	56 470 30 690	51 500 16 420
БТР и БМП ОВД НАТО	70 330 46 900	55 110 23 340
Артиллерия ОВД НАТО	70 600 57 060	43 400 14 458
Боевые самолеты ОВД НАТО	7180 7130	8250 3980
Вертолеты ОВД НАТО	2780 5270	3700 2420

*Данные приведены в брошюре «Варшавский Договор и НАТО: соотношение сил в Европе». М., 1989.

**Данные опубликованы в брошюре США «Советская военная мощь», 1989. 8-е изд.

ры, дислокации, изменения характера военной деятельности, строительства вооруженных сил. В том числе необходимо было ликвидировать дисбалансы и асимметрии вооруженных сил государств двух противостоящих военных блоков.

Еще одним важным условием реализации принципа достижения достаточности для обороны должно было стать подписание договоренности об ограничении создания новых типов и систем оружия (как, например, системы ПРО США).

Таким образом, Организация Варшавского Договора выступала за сохранение военно-стратегического паритета на все более низком уровне, в пределах разумной достаточности для обороны, подразумевая такой состав и структуру вооруженных сил сторон, когда они способны отразить возможную агрессию, но сами не обладают возможностью осуществить нападение и вести крупномасштабные наступательные действия.

Раскрывая военно-техническую сторону новой советской военной доктрины и ее ключевой вопрос — подготовку вооруженных сил к отражению агрессии, Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев в своих воспоминаниях писал: «В случае агрессии мы отказались от перехода в короткие сроки после ее свершения к наступательным действиям — проведению наступательных операций. Было принято решение отражать нападение только оборонительными операциями, одновременно стремясь ликвидировать вооруженный конфликт. Преднамеренно отдавая стратегическую инициативу в войне агрессору, мы готовы были вести оборону в течение нескольких недель. И только затем, если вторжение врага прекратить не удастся, предполагалось развернуть широко-масштабные действия по нанесению поражения агрессору». Такой подход свидетельствовал о коренных изменениях советской военной стратегии, которая приобретала все более нереалистичные, «маниловские» черты. Тем более что оборонительный характер доктрины должен был отражаться не только в избранных и спланированных способах и формах боевых действий вооруженных сил, но и в направленности их подготовки.

Надо заметить, что многие военные руководители приняли эти нововведения настороженно, рассматривая их как очередное проявление политики односторонних уступок. Время показало, что для этих опасений были все основания. Трудно даже предположить, каких жертв потребовала бы практическая реализация новых доктринальных установок, случись крупномасштабная война.

Доктринальные установки ОВД конца 80-х гг. предусматривали не только поэтапное сокращение ядерных вооружений и ликвидацию другого оружия массового поражения, но и дальнейшее сокращение в Европе обычных вооруженных сил и вооружений, ликвидацию военных баз на территории других государств, вывод войск в пределы национальных границ, одновременный роспуск Североатлантического альянса и Варшавского Договора. Однако эта программа, как известно, оказалась нереалистичной.

Надо сказать, что накопленные запасы обычных вооружений в Европе действительно были колоссальны. Конечно, это не было случайным явлением. В основе определения численно-

сти и боевого состава советских войск на Западе, как и в целом ОВС ОВД, лежали расчеты советского Генерального штаба о необходимости первоначального создания и поддержания такого соотношения сил и средств с вероятным противником, которое в условиях, когда потери в войне превысят объемы возможного воспроизводства оружия и боевой техники, тем не менее обеспечат выполнение поставленных задач.

Переговоры между странами ОВД и НАТО по ограничению обычных вооруженных сил и вооружений в Европе, вяло ведущиеся с 1973 г., активизировались лишь после того, как в 1986 г. объект их рассмотрения был расширен с Центральной Европы на весь европейский континент: от Атлантики до Урала.

Следует заметить, что на Западе постоянно заявляли о «подавляющем превосходстве» стран ОВД по силам общего назначения, особенно по сухопутным войскам (именно здесь якобы существовали значительные диспропорции и асимметрии не в пользу НАТО).

В действительности фактическое соотношение в области сил общего назначения установить было далеко не просто. Времена, когда силы сторон соизмерялись только по количеству имеющихся «штыков» и «сабель», ушли в далекое прошлое. В 80-е гг. надо было сделать глубокий анализ реального предназначения, состава, уровня подготовки и возможностей группировок войск сторон и их вооружений в комплексе, с учетом их качественных характеристик, а не ограничиваться арифметическими сравнениями однотипных видов вооружений.

Так, в ГСВГ (ЗГВ) из 6700 имеющихся танков около 1200 (почти 20% от общего числа) было предназначено для прикрытия госграницы с ФРГ и побережья Балтийского моря. Это были в основном устаревшие тяжелые танки Т-10 и самоходные артиллерийские установки ИСУ-152, СУ-122. Организационно они входили в состав отдельных танковых полков и батальонов, дислоцированных в приграничной полосе. К ним относилась и 5-я отдельная танковая бригада на средних танках, прикрывающая морское побережье ГДР. Все эти части имели задачу в короткие сроки занять заблаговременно выбранные огневые позиции и, создав плотный противотанковый пояс, отразить

внезапное вторжение. После выполнения этой задачи перечисленные танковые части из боевого состава группы войск выводились. Как видим, пятая часть танков и САУ ГСВГ изначально не имела наступательных задач.

Данный пример подтверждает, что сделать обоснованный подсчет соотношения сил действительно было очень трудно из-за различия структур вооруженных сил ОВД и НАТО, большого разнообразия видов и типов вооружений, разности задач, а также субъективности подхода сторон.

Некоторые сравнительные данные о численности вооруженных сил ОВД и НАТО в Европе, по оценкам сторон на 1989 г., приводятся в *табл. 6*.

Таким образом, оценивая соотношение военных потенциалов сторон с учетом приведенных данных, можно сделать следующие выводы:

а) при примерном равенстве численности сухопутных войск и ВВС Североатлантический альянс в 2 раза превосходил ОВД по численности ВМС. НАТО также превосходило ОВД по количеству ударных самолетов фронтовой (тактической) и морской авиации, боевым вертолетам и противотанковым ракетным комплексам;

б) на стороне ОВД было превосходство в танках, самолетах — перехватчиках войск ПВО, БМП и БТР, а также в артиллерии;

в) по военно-морским силам НАТО превосходило ОВД по всем показателям, за исключением подводных лодок, особенно по количеству крупных надводных кораблей (включая авианосцы), а также по самолетам морской авиации.

В целом по обычным вооружениям между НАТО и ОВД в Европе существовал примерный паритет. Лондонский институт стратегических исследований сделал тогда такое заключение: «Общий баланс по обычным вооружениям таков, что ни одна из сторон не располагает достаточной совокупной мощностью для того, чтобы гарантировать себе победу».

На упомянутых переговорах об обычных вооруженных силах НАТО настаивал на сокращении только сухопутных войск и их вооружений (танков, артиллерии и бронемашин). Собственные ВВС и особенно ВМС они сокращать категорически не хотели.

Согласие ОВД на исключение ВМС из предмета переговоров по сокращению вооруженных сил в Европе было ошибочным, прежде всего потому, что оно ставило страны ОВД в изначально невыгодное положение. Но под большим нажимом все-таки удалось заставить Запад рассматривать на переговорах и проблему авиации, а также дать согласие на последующие переговоры по сокращению ВМС.

За день до подписания Договора по ОВСЕ с большим трудом были согласованы итоговые цифры.

Договор об обычных вооружениях в Европе (ОВСЕ), подписанный в Париже 19 ноября 1990 г., преследовал цель установить военно-стратегический паритет в обычных вооруженных силах и вооружениях на возможно низком уровне. Для этого для каждой группы стран были установлены предельные общие уровни, которые затем сторонами были уточнены для отдельных государств — участников коалиций.

На пути согласования параметров этого договора со стороны Советского Союза и его союзников кроме вышеупомянутых ВМС был сделан целый ряд и других серьезных уступок. Чтобы хоть как-то компенсировать это, советская сторона на заключительной стадии подписания Договора пошла на некоторые «военные хитрости», чтобы несколько облегчить себе выполнение обязательств по Договору:

а) с целью искусственного уменьшения общей численности Вооруженных Сил, подлежащих сокращению в Европе, был принят законодательный акт об исключении из состава Вооруженных Сил СССР Пограничных войск КГБ, Внутренних войск МВД, Железнодорожных войск, Войск ГО, Войск правительственной связи;

б) используя производимую перегруппировку войск, связанную с началом их вывода из стран Восточной Европы, военнополитическое руководство страны решило значительную часть подлежащих сокращению обычных вооружений передислоцировать из Европейской части СССР в его азиатскую часть, за Урал, с тем чтобы они не попали под уничтожение.

Об этом было известно США и другим западным странам. С.Ф. Ахромеев в письме помощнику президента США по национальной безопасности генералу Б. Скоукрофту, сообщал,

Таблица 7. Итоговые цифры вооружений по Договору по ОБСЕ

Вооружения	ОВД, всего	В том числе СССР	НАТО
Танки	35 479	20 725	23 429
Бронированные машины	44 357	29 628	34 025
Артиллерия	28 457	13 938	18 504
Боевые самолеты	8462	6420	6029
Ударные вертолеты	1737	1571	2671

что за Урал переведено: 16,4 тыс. танков (в основном более современных типов), 11,2 тыс. боевых бронированных машин, 25 тыс. артиллерийских систем и 1200 самолетов. Подобное перебазирование объяснялось необходимостью восполнения некомплекта подобной техники в войсках на Востоке, а также проведением замены устаревшего вооружения.

Однако еще до официального вступления Парижского договора в силу в 1992 г. устанавливаемый им паритет в обычных вооружениях был нарушен. После роспуска Варшавского Договора Североатлантический альянс стал превосходить СССР по танкам и артиллерии в 1,5 раза, по самолетам и вертолетам — в 1,3 раза. В результате распада Советского Союза превосходство НАТО над Россией по танкам и артиллерии достигло 3 раз, по БТР — 2,7 раза. С принятием в НАТО Польши, Чехии и Венгрии положения этого Договора окончательно деформировали систему безопасности в Европе и закрепили подавляющее превосходство альянса над Россией.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на все теоретические ошибки и практические неудачи, сама концепция разумной достаточности для обороны и сегодня не утратила своего значения. Многие ее концептуальные положения по-прежнему представляются логичными и обоснованными.

В целом история военной организации Варшавского Договора дает поучительный пример создания и деятельности крупной военно-политической коалиции, которая путем концентрации усилий союзных стран смогла противостоять исключительно

мощному Западному блоку, обеспечив условия, в которых Советский Союз и его союзники проводили суверенную внешнюю политику, решительно отстаивая свои государственные интересы.

5.5. Страны третьего мира как объект силовой политики сверхдержав

На войне исход менее, чем в любом другом деле, соответствует ожиданиям.

Тит Ливий

Холодная война развивалась в диалектическом единстве с другими бурными процессами, происходившими в мировом сообществе. Как уже отмечалось, в первые годы после окончания Второй мировой войны повсеместно и заметно выросло влияние левых сил (в том числе и коммунистов), чья деятельность была направлена против либеральной политики и партий, скомпрометировавших себя коллаборационизмом в военное время.

Руководители стран Запада приписывали происхождение и деятельность любой оппозиции Советскому Союзу, видя в каждой левой организации «руку Москвы», хотя на деле это был прежде всего объективный процесс.

Столь же объективным по своему характеру являлся быстро нараставший кризис колониальной системы, которая окончательно исчерпала себя.

В годы Второй мировой войны народы многих колониальных владений активно боролись с захватчиками, и после победы их возвращение в колониальное прошлое было невозможно. В 40–60-х гг. борьба за независимость развернулась в Индии, Индокитае, Бирме, Непале, Индонезии, Египте, Алжире, на Мадагаскаре, Кубе и многих других странах. Постепенно складывался так называемый третий мир¹.

¹ Считается, что термин впервые употреблен в 1952 г. французским ученым А. Сови, сравнившим страны третьего мира с третьим сословием. Изначально его использовали для характеристики стран, которые во время холодной войны не относились ни к первому миру (США и НАТО), ни ко второму миру (СССР и ОВД).

Правда, получив независимость, новые государства зачастую становились объектами явной или скрытой экспансии со стороны своих прежних метрополий или других стран Запада. Советский Союз, в свою очередь, был заинтересован в экспорте своих идеологических ценностей и распространении своего политического влияния. К этому следует добавить мотив экономической конкуренции, обострявшей отношения США с Советским Союзом, особенно после того, как он и его восточноевропейские союзники отказались от «плана Маршалла», закрыв рынки Восточной Европы.

Так, страны третьего мира стали еще одной ареной непрерывного и жесткого противоборства за восполнение так называемого политического вакуума.

США, НАТО и другие блоки (СЕАТО, СЕНТО и др.), созданные в те годы западными державами, активно препятствовали сближению освобождавшихся колоний с СССР. С другой стороны, Запад не имел единой позиции в отношении новых государств: старые колониальные державы, прежде всего Великобритания и Франция, были кровно заинтересованы в максимальном сохранении своих политических и экономических позиций в бывших колониях, при этом они не без оснований подозревали своего «старшего союзника» — Соединенные Штаты — в собственной игре. И действительно, США долгое время занимали двойственную позицию. Белый дом, не будучи заинтересован в сохранении старых колониальных империй, не хотел дискредитировать себя участием в колониальных войнах, но был вынужден хотя бы номинально поддерживать своих партнеров из союзнической солидарности. Оптимальным для Вашингтона было предоставление колониям политической независимости с установлением там прозападных режимов, которые проводили бы политику «открытых дверей», наиболее выгодную США.

Такая сложная обстановка с неизбежностью порождала многочисленные кризисы, вооруженные конфликты и локальные войны, имевшие серьезные последствия как для стран-участников, так и для мира в целом.

Нет возможности рассматривать их все, однако целесообразно расставить некоторые акценты в наиболее показательных случаях.

Большой комплекс проблем возник в связи с послевоенным устройством Китая, где существовало два непримиримых социально-политических лагеря. Вашингтон всемерно помогал режиму Чан Кайши, тогда как Москва содействовала приходу к власти коммунистов во главе с Мао Цзэдуном. Однако внешний фактор был далеко не главным в китайском вопросе. Как поражение Чана, так и победа Мао стали результатом действия причин прежде всего внутреннего характера. Главным образом поэтому, а также в силу особой масштабности и известной самостоятельности «китайской темы», она остается за рамками этой книги.

Своеобразным центром нестабильности на Дальнем Востоке уже в первые послевоенные годы стала Корея [87]. Примечательно, что именно на Корейском полуострове быстрее, чем в каком-либо другом регионе мира, произошло открытое военное столкновение, за участниками которого стояли сверхдержавы. Речь идет о крупномасштабной локальной войне 1950–1953 гг., по сути дела — первой «горячей» войне в рамках холодной войны.

После победы над Японией Москва и Вашингтон разделили Корейский полуостров на две части по 38-й параллели. Летом 1945 г. с севера на территорию Кореи были введены советские войска, а осенью в южную часть этой страны вступили войска США. В 1945–1948 гг. Советским Союзом и Соединенными Штатами были приняты практические меры как на севере, так и на юге Кореи с целью утверждения там лояльных им режимов.

Для советского руководства Корея была весьма ценна как крупный форпост в Азии, как исходный пункт для распространения советского влияния в Восточной Азии и последующего проникновения далее на Восток. Корея была необходима и для США, чтобы «уцепиться за материк» и противодействовать Советскому Союзу в Азии. Вашингтону Корея также была нужна и как важный плацдарм на востоке, откуда (после потери Китая) американцы могли бы распространять свое влияние вглубь Азии.

В последние годы утвердилась точка зрения, что войну начал Север, и тому есть немало документальных свидетельств. Одна-

ко в действительности войны желали и на Юге, рассчитывая добиться победы с помощью США. Что касается позиции СССР, то имеются многочисленные достоверные подтверждения того, что Сталин занял в отношении конфликта осторожную позицию и делал все, чтобы конфронтация с Западом из-за Кореи не переросла во всеобщую войну.

Американский исследователь К. Везерсби на основе анализа большого массива источников пришла к выводу: Советский Союз еще в ходе Второй мировой войны пошел на большие уступки Соединенным Штатам по вопросу о послевоенной судьбе Кореи, согласился почти со всеми американскими предложениями на этот счет. Она убедительно доказывает, что Сталин не имел никаких видов на Южную Корею. Во имя поддержания союзнических отношений он даже отказывался поддерживать деятельность южнокорейской компартии в американской зоне оккупации. К. Везерсби убеждена, что Сталин ограничивался желанием сохранять установленный баланс сил в Корее в сочетании с контролем над Северной Кореей, которая бы играла роль буферного государства, способного защитить границу СССР в данном регионе и быть источником определенных ресурсов (в первую очередь, урановой руды). Сталин действительно настойчиво сдерживал Ким Ир Сена от похода на Юг из-за опасений перерастания локальной войны в новую мировую и согласился на военные действия Северной Кореи только под давлением Мао Цзэдуна.

Кровопролитная война в Корее продолжалась три года. Здесь под флагом «войск ООН» против Корейской Народно-Демократической Республики и Китайских народных добровольцев, поддерживавших КНДР, действовали войска нескольких западных государств. Соединенные Штаты открыто воевали на стороне Юга и спасли Сеульский режим от военного поражения.

Советский Союз формально участником войны не являлся, но применение в боевых действиях частей советской ПВО де-факто делало его стороной конфликта, что усиливало риск перерастания обычной войны в ядерную, особенно в случае применения США атомного оружия. Как уже отмечалось, намерения Вашингтона использовать атомную бомбу против

Китаю встретили резкие возражения их европейских союзников (в первую очередь, Великобритании), опасавшихся, что СССР может ответить атомным ударом по объектам Западной Европы.

Корейская война стала крупнейшей по жертвам и разрушениям локальной войной XX в. Она завершилась перемирием, заключенным в июле 1953 г. На первый взгляд война закончилась вничью, стороны, что называется, остались при своих: политическое статус-кво сохранилось, а границы на Корейском полуострове не изменились ни на метр. Однако исход войны в Корее, по сути, означал поражение американской политики, ведь США оказались не в состоянии одержать военную победу. А в моральном отношении Соединенные Штаты и Запад в целом скорее проиграли.

Корейская война зримо показала, что мир разделился на два полюса, обладающих если не равной, то соизмеримой мощностью. Уже тогда появились первые сомнения в отношении принципиальной возможности достижения одной из сторон военной победы.

Корейская война стимулировала создание новых военно-политических альянсов. В 1951 г. возник АНЗЮС — военный блок в составе Австралии, Новой Зеландии и США В 1954 г. был создан аналогичный по целям блок в Юго-Восточной Азии — СЕАТО. Его участниками стали США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Таиланд и Филиппины. США также заключили двусторонние договоры с рядом стран Восточной Азии, сохранив за собой военные базы, в частности на Филиппинах, в Японии, Южной Корее и на Тайване. Советский Союз, в свою очередь, заключил двусторонние договоры с КНДР и КНР.

Таким образом, и в Восточной Азии образовалась линия разделения государств на два лагеря, вовлеченных в холодную войну [50].

Другим примером соперничества сверхдержав в третьем мире является борьба за Египет, кульминацией которой стал Суэцкий кризис. Его история достаточно подробно рассмотрена в предыдущей главе, здесь же мы ограничимся предельно краткой оценкой тех событий.

Расстановка сил в египетском конфликте была принципиально иной, чем в Корее. Если Великобритания и Франция, а также поддерживающий их Израиль, начав войну против Египта, стремились удержать его в подчиненном положении, то СССР и США, каждый исходя из своих интересов, рассчитывали укрепить свое влияние как в этой геополитически важной стране, так и в целом в Северной Африке. Для этого надо было вытеснить из региона старые колониальные державы и сохранить относительный суверенитет Египта. В этом отношении задачи Москвы и Вашингтона парадоксальным образом совпадали, что и предопределило их поддержку режима А. Насера. Разумеется, в дальнейшем цели сторон кардинально расходились, но первоначально существовали возможности для маневра: зная, что США не поддерживают тройственную агрессию, но при этом не пойдут на открытую конфронтацию со своими союзниками, СССР умело использовал противоречия в западном лагере. Заявление советского правительства о том, что СССР, защищая Египет, может применить новое ракетное оружие, практически немедленно остановило англо-франко-израильскую агрессию¹.

Таким образом, если в Корее Советскому Союзу удалось сохранить статус-кво, опираясь на непосредственное применение военной силы (союзной и собственной), то в ходе Суэцкого кризиса война была прекращена одной только угрозой ее применения.

В 1957–1964 гг. СССР очень активно налаживал отношения с Индией, Индонезией, Бирмой, Афганистаном, Ираном и другими странами третьего мира. Его руководители старались использовать для этого все возможности, включая установление личных контактов в ходе государственных визитов в эти государства. В свою очередь, Советский Союз посетили лидеры Индии, Индонезии, Ганы, Гвинеи, Мали, Судана, Сомали, Сенегала, Лаоса, Камбоджи и многих других государств.

Надо сказать, что Советский Союз не скрывал своих симпатий к национально-освободительному движению и открыто поддерживал силы, которые занимали наиболее радикальные,

¹ Известия. 1956. 6 нояб.

*Г.К. Жуков
и Д. Неру*

антиимпериалистические позиции. В Программе КПСС, принятой XXI съездом, делался вывод о том, что перед освобожденными странами открывается перспектива некапиталистического развития, которая оценивалась как «путь народов к свободе и счастью», способный «при жизни одного поколения» превратить отсталую страну в индустриальную, «искоренить социальное неравенство, обеспечить высокий материальный и культурный уровень жизни рабочего класса и всех трудящихся» [88]. Ради этой цели социалистические страны должны были объединить свои усилия.

Было подписано более 20 соглашений о сотрудничестве и предоставлении кредитов странам Азии, Африки и Латинской Америки. Размеры предоставляемой помощи были довольно значительны: так, Объединенная Арабская Республика¹ за ее счет покрывала до 50% ассигнований на экономическое

¹ Объединенная Арабская Республика (ОАР) — объединенное государство Сирии и Египта, существовавшее с февраля 1958 по сентябрь 1971 г.

развитие, Индия в ходе реализации второго пятилетнего плана — 15% [89].

Активизация контактов Москвы с новыми государствами, поддержка Советским Союзом национально-освободительных сил вызывали у США и их союзников негативную реакцию. Внешняя политика Кремля воспринималась на Западе как попытка лишить его рынков, источников сырья и распространить советскую систему союзов на весь мир. Ну а риторика некоторых лидеров СССР, в первую очередь Хрущева, только усиливала опасения.

В результате Запад решил усилить военное давление на СССР. После кризиса 1956 г. страны НАТО приняли «доктрину взаимозависимости», провозгласив курс на более тесную координацию своих действий. Значительно возросла их готовность силой оружия противодействовать нежелательным для них переменам в странах третьего мира, вплоть до свержения тех правительств, которые проводили линию на союз с СССР или даже попыток ликвидации целых государственных образований.

Вьетнамская война стала особенно показательной в этом отношении.

В июле 1954 г. подписанием Женевских соглашений завершилась восьмилетняя колониальная война Франции с Демократической Республикой Вьетнам (ДРВ). Территория страны была разделена по 17-й параллели, причем если Север находился под властью правительства ДРВ, то на Юге со временем утвердилась проамериканская администрация. Воссоединение планировалось осуществить на основе всеобщих выборов, которые, однако, были сорваны сайгонским режимом. В Южном Вьетнаме началась гражданская война, в которую постепенно втягивается и ДРВ.

США, которые и так с 1950 г. оказывали Франции военную помощь, теперь значительно увеличили свое присутствие в регионе. В Вашингтоне пришли к выводу о необходимости жесткого противодействия «коммунистической экспансии в Азии» и поддержали сайгонский режим деньгами и оружием. Кроме этого Соединенные Штаты начиная с конца 50-х гг. постоянно наращивали свое военное присутствие в Южном Вьетнаме.

Американские вооруженные силы непосредственно вступили в войну в 1965 г. Поводом для начала масштабных боевых действий стал инцидент в Тонкинском заливе, который, как считает сегодня большинство исследователей, был организован самими американцами¹.

В первые четыре года войны американские войска провели ряд крупномасштабных наступательных операций, но не смогли добиться перелома в войне, даже несмотря на то, что на пике войны их численность составляла около 540 тыс. человек.

Уже к 1969 г. в Белом доме убедились в невозможности решения проблемы чисто военным путем и начали поиски выхода. При этом, однако, американцам было необходимо «сохранить лицо». Попытки Вашингтона навязать свои условия перемирия лидерам ДРВ, а позднее — прокоммунистической Республики Южный Вьетнам (РЮВ), образовавшейся на юге страны в противовес сайгонскому режиму, окончились неудачей. В ходе войны вьетнамский народ показал готовность к бескомпромиссной борьбе и твердую волю к победе, а руководство ДРВ не проявляло особой заинтересованности в мирных переговорах, требуя, чтобы США прежде прекратили бомбардировки вьетнамской территории.

Тем временем для США ситуация ухудшалась. Их действия во Вьетнаме настраивали против них мировое общественное мнение, а огромные затраты на войну ослабляли американскую экономику. Мужество и упорство вьетнамцев, поступающая им из СССР и Китая помощь и, как следствие, растущие потери, делали Белый дом все более «миролюбивым» [90].

В этих условиях США обратились к СССР с тем, чтобы он выступил в качестве посредника и помог воюющим сторонам достичь разумного компромисса. Американцы просили, чтобы Москва уговорила Ханой начать мирные переговоры, а также

¹ Тонкинский инцидент — общее название двух эпизодов (2 и 4 августа 1964 г.), произошедших в водах Тонкинского залива с участием военных кораблей США и Северного Вьетнама. Несмотря на отсутствие потерь с американской стороны и неясную природу самого инцидента, 5 августа американская авиация нанесла первые бомбовые удары по территории ДРВ. Главным последствием Тонкинского инцидента стало принятие конгрессом США резолюции, предоставлявшей президенту Л. Джонсону правовые основания для прямого использования вооруженных сил во Вьетнамской войне.

допустить представителей Красного Креста к американским пленным.

Этим вопросам была посвящена встреча председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина с президентом США Л. Джонсоном в Глассборо (США) в июне 1967 г. Советское руководство резко отрицательно относилось к вмешательству США в гражданскую войну во Вьетнаме. В то же время СССР, оказывая ДРВ военную помощь, получил возможность испытывать новые виды вооружения, а также доступ к новейшим образцам трофейного оружия и техники. К тому же проблемы американцев во Вьетнаме добавляли очков Советскому Союзу в продолжавшейся холодной войне. Таким образом, затягивание вьетнамской войны в определенном смысле было выгодно Москве.

И все-таки правительство СССР пошло навстречу США и оказало влияние на Ханой.

Предварительные американо-вьетнамские встречи состоялись в мае 1968 г., а спустя еще полгода начались официальные четырехсторонние (США, РВ, ДРВ, РЮВ) переговоры. Советский Союз, не являясь их официальным участником, играл заметную посредническую роль. Главным итогом переговоров стало соглашение сторон о прекращении войны, подписанное 27 января 1973 г. Война, длившаяся 15 лет, закончилась победой коммунистических сил и провозглашением 2 июля 1976 г. Социалистической Республики Вьетнам.

Вооруженные силы США потеряли во Вьетнаме около 58 тыс. человек погибшими, более 300 тыс. военнослужащих получило ранения. Вьетнаму война стоила, по разным оценкам, от 3 до 4 млн жизней. Основная часть погибших пришлась на мирное население. Война во Вьетнаме, где американцы зачастую вели себя с исключительной жестокостью, вошла в историю как «грязная», породив так называемый вьетнамский синдром в американском обществе, выразившийся в резком росте антивоенных настроений.

Локальные войны и вооруженные конфликты приносили идеологические и военно-политические дивиденды той сверхдержаве, которая стояла за победившей стороной и, напротив, дорого (во всех смыслах) обходились проигравшей стороне

и ее «патрону». Войны в Корее и Вьетнаме, Суэцкий кризис, поддержка национально-освободительного движения в целом усилили симпатии стран третьего мира к Советскому Союзу, укрепили его международный престиж. Это стало главной причиной того, что в 60–70-е гг. целый ряд государств Азии, Африки и Латинской Америки встал на путь социалистической ориентации.

Однако случалось и иначе.

В своей политике по отношению к третьему миру сверхдержавы стремились опередить друг друга с помощью превентивных акций. В соответствии с этой логикой в 1979 г. СССР ввел свои войска в Афганистан. Одним из мотивов такого решения Кремля была боязнь того, что Соединенные Штаты опередят Советский Союз и распространят свое влияние на эту важную в геополитическом отношении страну¹.

В Афганистане в апреле 1979 г. произошла так называемая Апрельская (или Саурская) революция, имевшая антизападный и антифеодальный характер. Власть в стране перешла в руки Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) во главе с Н.М. Тараки.

Однако проведение социальных реформ встретило сопротивление феодально-племенной знати, реакционной части духовенства, сторонников возвращения монархии. Сопротивление внутренней реакции при содействии США вскоре приняло характер вооруженной борьбы с новой властью. Афганистан, с которым у СССР существовали традиционно дружественные отношения, быстро втягивался, кровавую гражданскую войну.

Основу вооруженной оппозиции составило движение исламских фундаменталистов. На территории Пакистана, правительство которого полностью поддерживало это движение, была создана сеть баз и центров подготовки боевиков. К весне

¹ Сегодня, со ссылкой на американские источники, принято утверждать, что Афганистан был своего рода ловушкой для Кремля, попав в которую он сам во многом подготовил свое будущее поражение в холодной войне. Негативное влияние афганской кампании на СССР очевидно, но вряд ли разумно упрощать ситуацию, да и не все сводилось к негативу. Понятно, что и последующие события могли развиваться по разным сценариям.

1980 г. их насчитывалось уже около 80. Там же были образованы «Исламская партия Афганистана», «Исламское общество Афганистана», составившие главную политическую силу афганской контрреволюции.

НДПА, ставшая основой нового политического режима, неслала на себе все недостатки классовой и национальной структуры афганского общества. Не будучи единой, она состояла из двух противоборствующих фракций: «Парчам» («Знамя») во главе с Б. Кармалем и «Хальк» («Народ»), лидером которой был глава государства Н.М. Тараки. В основе вражды лежали не столько принципиальные разногласия в области теории и практики государственного строительства, сколько родоплеменная принадлежность их членов.

Захват власти в сентябре 1979 г. Х. Амином, одним из руководителей крыла «Хальк», и убийство им Тараки стали для страны началом новой полосы бедствий. Группа Амина развернула массовый террор против противников режима, в том числе и в армии. Курс на ускоренные социальные реформы проводился без учета народных традиций, религиозных убеждений и экономических возможностей страны. Все это вызвало недовольство широких слоев населения, что сразу же использовала внешняя и внутренняя реакция. Основным источником формирования ее боевых отрядов стал поток беженцев из Афганистана. В стране ширились вооруженные выступления против центральной власти. Многие районы и города оказались под контролем мятежников.

Одновременно усилились контакты Х. Амина с американскими представителями, в том числе по линии спецслужб.

В этих условиях руководство Советского Союза опасалось идти на открытый разрыв с афганским режимом, так как существовали серьезные опасения, что без советского влияния он пойдет на союз с США, которые после утраты своих позиций в Иране активно искали вблизи южных границ СССР новый опорный плацдарм.

Начиная с апреля 1979 г. лидеры Афганистана в связи с нарастанием «агрессивности» оппозиции неоднократно просили направить в страну советские войска. Учитывая негативные последствия подобной акции, эти просьбы отклонялись.

Однако в конце года руководство Советского Союза пришло к выводу, что правительство Афганистана собственными силами остановить вооруженный натиск оппозиции не сможет. Учитывая это, 12 декабря на заседании политбюро ЦК КПСС по предложению Ю.В. Андропова, Д.Ф. Устинова и А.А. Громыко было принято решение ввести советские войска в Афганистан. Оно было принято без предварительных консультаций с союзниками, хотя последствия подобной военно-политической акции лидера Варшавского Договора в той или иной степени касались всех его членов.

Правовой основой решения об оказании военной помощи был Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ДРА 1979 г., который предусматривал подобную меру «в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран».

С принятием решения было начато формирование экспедиционного контингента войск для ввода в Афганистан. Его основу составили соединения и части, в основном сокращенного состава и кадра, дислоцированные в Туркестанском и частично в Среднеазиатском военных округах, а также войска, прибывающие из других военных округов. Всего было развернуто около 100 войсковых формирований, в том числе: управления общевойсковой армии и смешанного авиационного корпуса, четыре мотострелковые дивизии, артиллерийская, зенитная ракетная и десантно-штурмовая бригады, отдельный мотострелковый и реактивный артиллерийский полки, части разведки, связи, тыловые и ремонтные. Были доукомплектованы до штатов военного времени воздушно-десантные войска, части авиационно-технического и аэродромного обеспечения [91].

Вводимая группировка была призвана «оказать интернациональную помощь дружественному афганскому народу и создать благоприятные условия для воспреещения возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств». Советские соединения и части, разместившись в ключевых районах страны и взяв под охрану и контроль важнейшие объекты и коммуникации, должны были содействовать стабилизации обстановки в районах дислокации и высвобождения

дению афганских войск и других сил поддержания порядка и безопасности для непосредственной вооруженной борьбы с оппозицией, а также быть в готовности отразить возможную внешнюю агрессию. Прямое участие советских войск в боевых действиях не предусматривалось. В директиве на ввод войск не был даже определен порядок применения оружия в целях самообороны.

Ввод войск начался в 15:00 25 декабря по двум направлениям: из района Термез с переправой через реку Амударья в общем направлении на Кабул и частью сил на Кундуз и из района Кушки на Шиндант, Кандагар, а также по воздуху с высадкой воздушно-десантных войск в районе Кабула и перебазированием боевой авиации на аэродромы афганской армии. 27 декабря в Кабул вошли передовые части 108-й мотострелковой дивизии, которые вместе с подразделениями десантников взяли под охрану и контроль административные объекты столицы, аэродромы и военные городки, радио и телевидение. Вечером этого же дня был свергнут режим Амина. Сам Амин был убит в ходе штурма его резиденции советскими спецподразделениями. С вводом основных сил 40-й армии к середине января 1980 г. численность ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистане составила 82 тыс. человек. Но уже в 1985 г. численность группировки достигла 108,8 тыс. человек, в том числе в боевых частях — 73 тыс. человек.

Советские соединения и части совместно с афганскими войсками охраняли основные автомобильные дороги, обеспечивали проводку колонн с грузами, взяли под охрану объекты советско-афганского сотрудничества, обеспечивали охрану и функционирование аэродромов. Путем размещения советских гарнизонов поддерживались органы власти в провинциальных, уездных и волостных центрах.

Значительные усилия войск были направлены на осуществление охраны режимных зон, в системе которых было создано 860 сторожевых застав, где постоянно несло службу более 20 тыс. человек.

Однако постепенно задача ведения совместно с афганскими частями и подразделениями боевых действий по разгрому наиболее опасных отрядов вооруженной оппозиции, а также

борьба с караванами, доставляющими оружие и боеприпасы из Пакистана и Ирана, стала центральной. Причины такого положения заключались в слабости афганской армии, активизации действий бандформирований и настойчивых просьбах руководства страны.

Большое внимание уделялось организации засадных действий десантно-штурмовых подразделений с широким применением вертолетов.

Однако ввод советских войск и их военная деятельность в течение восьми лет не привели к подавлению вооруженного сопротивления оппозиции правящему в стране режиму. Наоборот, с каждым годом сопротивление нарастало. Если в 1981–1983 гг. численность формирований моджахедов составляла 45 тыс. человек, то к 1986 г. она возросла до 180 тыс. человек.

Советские войска вынуждено втянулись в гражданскую войну с негативными политическими последствиями, но без серьезных успехов в военном отношении. Результативность действий регулярных войск против небольших, чрезвычайно мобильных, поддерживаемых населением групп противника с их маневренной тактикой, к тому же в исключительно сложных условиях местности, была невысокой. Для советского командования становилось все более очевидным, что полностью разгромить мятежников и перекрыть пути их пополнения и снабжения силами существующей группировки войск невозможно.

Осознание того, что главными средствами борьбы с вооруженной оппозицией в Афганистане должны быть не военные действия, а хорошо продуманные политические, социально-экономические и организационно-пропагандистские мероприятия власти, привело к существенному изменению тактики действий ОКСВ. В последние годы советские войска отказались от проведения многочисленных полевых операций и сосредоточили усилия на удержании важных районов и обеспечении работы коммуникаций.

Условно пребывание советских войск в Афганистане по характеру выполняемых задач можно разделить на четыре периода.

Советские войска вступают в Афганистан

Первый (декабрь 1979 — апрель 1980 г.). Ввод войск, создание гарнизонов, обустройство, организация охраны различных объектов и пунктов дислокации.

Второй (март 1980 — апрель 1985 г.). Ведение широкомасштабных боевых действий совместно с афганскими войсками. Реорганизация и укрепление вооруженных сил ДРА.

Третий (апрель 1985 — январь 1987 г.). Переход от активных боевых действий к преимущественной поддержке афганских войск авиацией, артиллерией и инженерным обеспечением. Применение советских мотострелковых, танковых и воздушно-десантных частей прежде всего в качестве резервов и для повышения морально-боевой устойчивости афганских войск. Ведение подразделениями спецназа борьбы с караванами.

Четвертый (январь 1987 — февраль 1989 г.). Поддержка боевой деятельности афганских войск. Участие в наиболее важных войсковых операциях. Укрепление вооруженных сил ДРА. Подготовка к выводу войск и собственно их вывод [92].

В соответствии с подписанным в Женеве 14 апреля 1988 г. Соглашением по Афганистану четырех заинтересованных стран (Афганистана, Пакистана, Советского Союза и США) вывод советских войск был осуществлен с 15 мая 1988 по 15 февраля 1989 г.

Участие во внутреннем вооруженном конфликте в Афганистане было наиболее длительным и масштабным применением Вооруженных Сил Советского Союза за пределами своей страны в мирное время.

Сегодня преобладают негативные оценки решения о вводе войск в Афганистан, и основания для них, безусловно, есть. Эта война стоила дорого и в материальном, и в человеческом выражении. Военно-политические цели по стабилизации обстановки в ДРА и укреплению правящего там режима не были достигнуты. Ущерб, нанесенный международному престижу СССР, был значительным. Безвозвратные потери советских войск составили 14 тыс. 427 человек, санитарные — превысили 466 тыс. человек [93].

И все-таки нельзя однозначно оценивать это решение и эту войну. В том числе потому, что эпоха Горбачева изменила ход событий и извратила смыслы. К этому вопросу мы еще вернемся в следующей главе, а пока ограничимся замечанием, что само время доказало: мотивы, которыми руководствовались в Кремле в 1979 г., были весьма серьезными, а война, несмотря на все жертвы и потери, не была бессмысленной. Ее многочисленные последствия имеют комплексный характер и вряд ли могут быть охарактеризованы сколько-нибудь полно.

В 80-е гг. в Вашингтоне по-прежнему рассматривали мир через призму противодействия советскому «экспансионизму», с его делением на многочисленные геополитические зоны (Центральная Америка, Карибский бассейн, Ближний и Средний Восток, Юго-Восточная Азия, Африка, Индийский океан, Персидский залив и т.д.). В идеологическом отношении на Западе выдвинули концепцию, согласно которой, в отличие от первой волны национально-освободительного движения, в 70–80-е гг. его характер изменился на антикоммунистический и направлен на свержение «советских колониальных правительств». Такой подход, в значительной степени надуманный, оправды-

вал любое применение Западом военной силы в конфликтах, способствующих конечному поражению «империи зла».

В этом ряду — «освобождение Гренады» (1983), поддержка США экстремистских группировок в Никарагуа, Афганистане, Анголе, силовые акции в Ливане (1982), Ливии (1986, 1988, 1989), Панаме (1989), поддержка действий Великобритании в конфликте с Аргентиной из-за Фолклендских (Мальвинских) островов (1982) и др. [94]. Обычной практикой стало нанесение «точечных» воздушных и ракетных ударов по объектам в странах с неудобными режимами (бомбардировки Ливии и Сомали, налет израильской авиации на иранские ядерные объекты). Все эти акции явились элементами политики силового устрашения стран третьего мира.

В целях оперативного военно-силового реагирования на изменение ситуации в мире и его отдельных регионах, США (НАТО) на систематической основе создавали и укрепляли специальные структуры военного вмешательства («силы быстрого развертывания» в США, Великобритании, Италии, Франции; «силы специальных операций»). На них возлагались такие задачи, как «борьба с терроризмом», «психологические операции и диверсионно-террористические акции. Специальные войска предназначались для проведения «противоповстанческих операций» и «для поддержки партизанской борьбы». В Пентагоне была утверждена должность «помощника министра обороны по специальным операциям и конфликтам низкой интенсивности» [95].

В целях противодействия Советскому Союзу в третьем мире в НАТО была разработана концепция так называемых прифронтных государств, чья роль заключалась в защите «жизненных интересов» Запада. К их числу были, например, отнесены Израиль, Пакистан, Таиланд, Южная Корея. Этим государствам предоставлялась безвозмездная военная помощь с целью «по доверенности» противостоять просоветским режимам.

Вообще предоставление военной помощи развивающимся странам, со стороны как США, так и СССР, стало одним из наиболее характерных проявлений их политики в годы холодной войны. Доля военной помощи иностранным государствам в государственном бюджете США достигла в 80-е гг. 8% [96].

СССР, поддерживая дружественные режимы в Северной Корее, Вьетнаме, Кампучии, Лаосе, Анголе, Никарагуа, Афганистане и ряде других стран, также помогал им советниками, вооружением, материальными ресурсами. Однако нередко средства выделялись нерационально, без учета конкретной обстановки и перспектив развития ситуации (например, в отношении режима И. Амина в Уганде и др.). Ошибки негативно сказывались на международном престиже СССР и дорого обходились его экономике.

Возрастание роли военной силы в политике США и СССР по отношению к развивающимся странам приводило к их вынужденной милитаризации, отражалось на экономике, политических, социальных и духовных процессах. Например, численность вооруженных сил этих государств в 1960–1985 гг. выросла в 2 раза, в то время как социальные ассигнования остались на прежнем уровне или даже сократились. 8 июля 1981 г. президент США Р. Рейган подписал директиву, максимально стимулирующую продажу американской военной техники и технологий ее производства. Предусматривалось, что другим странам оружие может передаваться в пользование с целями: укрепления взаимной безопасности США и их союзников, обеспечения региональной стабильности и др. В результате только в 1982–1983 гг. число соглашений на продажу американских военных технологий развивающимся странам увеличилось с 95 до 192, а в 1985 г. — до 262 [97].

Таким образом, применение военной силы, ее характер и масштабы в ходе вооруженных конфликтов в годы холодной войны в значительной мере определялись борьбой сверхдержав за разграничение сфер влияния. И СССР, и США стремились добиваться своих целей политическими средствами, подкрепляемыми силовым давлением. Соединенные Штаты, располагая наибольшей военной мощью, активно использовали ее и как фактор устрашения, и по прямому предназначению. Однако, как показали локальные войны в Корее, на Ближнем Востоке и Юго-Восточной Азии, это далеко не всегда приводило к успеху.

СССР, в свою очередь, добился значительного влияния в третьем мире, где многие оценивали Советский Союз как опору

в борьбе за независимость и суверенитет. Его успехи в освоении космоса, укреплении военного могущества производили большее впечатление в третьем мире, что способствовало укреплению военного сотрудничества СССР с развивающимися странами.

Однако со временем притягательность просоветской ориентации для стран третьего мира становилась все меньше. Главным образом потому, что Советский Союз вступил в период стагнации. Ослабление качества государственного руководства усугубляло ситуацию. Внутриполитические и экономические трудности заставили СССР в 80-е гг. резко уменьшить масштабы помощи третьему миру. Кризисные явления нарастали и в странах ОВД.

К тому же казалось, что политика перестройки сблизила Москву и Вашингтон, нивелировала разницу между ними. Однако, как вскоре выяснилось, новый курс Кремля строился на односторонних уступках, а это всегда приводит к «потере лица». В этом отношении показательна история с вторжением Ирака в Кувейт и последующие события. Операция по освобождению Кувейта проводилась под эгидой США при согласии Советского Союза, что в глазах многих стран третьего мира было расценено как сдача союзника. В целом последние годы холодной войны (1985–1991) показали, что в эффективной политике нет места сантиментам и прекрасодушию. Односторонние уступки, как системное, а не разовое явление, сродни национальной измене. К тому же они «разворачивают» противоположную сторону, провоцируют ее на новые требования, что в конечном счете только ухудшает ситуацию.

Опыт локальных войн и вооруженных конфликтов послевоенного периода оказался весьма полезным с точки зрения развития военной науки, он оказал заметное влияние на строительство и организационную структуру современных вооруженных сил. Под его воздействием проводились и проводятся реорганизации армий многих государств (включая Россию), смысл которых сводится к адаптации вооруженных сил к требованиям современной войны.

* * *

Опыт применения военной силы в биполярном ядерном мире имеет большое значение и в современных условиях. Его анализ позволяет сделать ряд важных выводов.

Ракетно-ядерное оружие произвело переворот не только в военном деле, но и в политике. Военная сила, превратившись в ключевой фактор постоянного действия, стала играть в ней неизмеримо большую роль, чем в прошлые эпохи. При этом ракетно-ядерное оружие, не меняя своей природы, превратилось из средства достижения победы в средство сдерживания. Произошло это в рекордные, с точки зрения истории, сроки. Материализовался парадокс, когда оружие тотального уничтожения гарантирует мир, спасая его от очередной глобальной войны. Необходимыми условиями такого положения дел стали: во-первых, то, что ОМП получили обе противоборствующие в холодной войне стороны; во-вторых, осознание ими гибельности ядерной войны. Эти условия реализовались не сразу, а через серию критических ситуаций, каждая из которых могла завершиться трагически.

Военное соперничество между США (НАТО) и СССР (ОВД) разворачивалось в формате «вызов — ответ», причем Соединенные Штаты всегда являлись иницилирующей стороной. Получив ядерное оружие в монопольное владение, США претендовали на глобальное лидерство и в борьбе за него были готовы на все. Атомные бомбардировки Японии показали это достаточно ясно.

Советский Союз изначально был поставлен перед необходимостью ликвидировать свое отставание, поскольку иначе он не мог обеспечить собственную безопасность и суверенитет. Первоначально расчет строился на асимметричном ответе на американский ядерный вызов: в случае удара США по СССР планировалось предпринять наступление в Европе мощными группировками сухопутных сил. История показала, что потенциальная возможность такого сценария хорошо понималась Западом и выступала в качестве сдерживающего фактора. Так, во время Корейской войны европейские союзники США, опасаясь прорыва советских танковых армий вглубь Западной Европы, удержали президента Г. Трумэна от применения атомного оружия по Китаю.

Но данный сценарий являлся лишь временным и не вполне надежным решением проблемы. Только обладание ядерным оружием и средствами его доставки к цели гарантировало безопасность. Решение этой важнейшей задачи стало колоссальным военно-политическим успехом Советского Союза.

Однако, втянувшись в ракетно-ядерную гонку, СССР, в силу невозможности изменить ее «правила», был обречен на роль вечного догоняющего. И хотя ценой огромных усилий он достиг стратегического паритета с Соединенными Штатами, огромные и все возрастающие военные расходы ослабляли страну. «Зеркальный ответ» СССР, при всей своей вынужденности и в определенной мере — неизбежности, не мог быть эффективным в силу заметной разницы в экономическом развитии между Советским Союзом и США. Сегодня понятно, что на каком-то этапе следовало остановиться, ограничившись возможностью нанести своему противнику неприемлемый ущерб, а сэкономленные средства направить на развитие науки, модернизацию производства, стимулирование роста благосостояния населения.

Но это сейчас легко судить, а тогда логика холодной войны предполагала, что любая ошибка может оказаться фатальной. Карибский кризис стал в этом смысле знаковым событием. Показательно, что США, располагая многократным превосходством в стратегических вооружениях, тем не менее предпочли компромисс альтернативе атомной войны, потому что Советский Союз обладал возможностью нанести ракетно-ядерный удар по густонаселенной восточной части Соединенных Штатов и причинить им неприемлемый ущерб. Исключительная чувствительность США к людским потерям в сочетании с убежденностью, что СССР готов на любые жертвы, чтобы отстоять свою независимость и национальные интересы, дополнительно стимулировали американскую «уступчивость».

По нашему мнению, Карибский кризис заставил США изменить содержание холодной войны и стратегию ее ведения. С одной стороны, им было необходимо укрепить собственную безопасность, поколебленную достижениями СССР в ракетно-ядерном соревновании. С другой стороны, и это было главным, Соединенные Штаты сделали основную ставку на скрытые

формы противоборства, имея конечной целью ликвидацию Советского Союза.

Растущий уровень автоматизации управления ракетно-ядерными арсеналами и увеличивающееся количество ядерных боеголовок на новых носителях грозили вывести это оружие из-под контроля человека, увеличивали опасность «несанкционированного апокалипсиса». Сдерживание, основанное на равной опасности, постепенно трансформировалось в сдерживание на принципах равной безопасности потому, что угроза случайного развязывания глобальной ядерной войны выросла до крайне опасных пределов.

Политика разрядки, несколько замедлив количественный рост стратегических вооружений и снизив риск случайного начала войны, стимулировала борьбу за качество оружия. При этом США начали заметно опережать СССР. Ошибки, допущенные в экономической политике Советского Союза в 70-е гг., когда страна имела значительные доходы за счет высоких мировых цен на нефть, не позволили исправить ситуацию. «Нефтедоллары», истраченные на потребление, а не на инвестиции, прежде всего в сферу науки и производства, пропали зря.

В начале 80-х гг. США развернули в Европе новые баллистические ракеты средней дальности и крылатые ракеты морского, воздушного и наземного базирования. Будучи высокоточным оружием, они могли действовать с любого носителя, имели сравнительно низкую стоимость, обладали высокой живучестью, а борьба с ними требовала больших затрат. Эта военно-политическая акция в сочетании с программой СОИ стала последним этапом гонки вооружений в холодной войне.

Реалии ядерного века доказали бесперспективность ядерной войны как средства «продолжения политики», ее губительность для мировой цивилизации, но ракетно-ядерное оружие продолжает сохранять одно из приоритетных мест в арсенале средств силового давления. Не стоит, правда, забывать о том, что во времена холодной войны оно было далеко не единственным вариантом применения военной силы. Немалую роль играли и непрерывно совершенствовавшиеся обычные, «конвенционные» вооружения.

Вообще опора на военную силу была характерна не только для непосредственного соперничества двух сверхдержав. Ведя системное противоборство, они активно использовали ее и в битве за третий мир. Антиколониальные революции и национально-освободительная борьба сопровождались каскадом локальных войн и конфликтов. «Политический вакуум», образовавшийся в результате крушения колониальных империй, активно заполнялся новыми центрами силы — США и СССР.

Соединенные Штаты Америки и их союзники, следуя доктрине «сдерживания коммунизма», нередко непосредственно участвовали в войнах (Корея, Египет, Индокитай, Вьетнам), в которых Советский Союз поддерживал антизападные силы.

В результате этого третий мир стал еще и своеобразным полигоном проверки, доводки и совершенствования нового оружия, а также выработки наиболее эффективных способов его применения. Это особенно наглядно проявилось в Корее и Вьетнаме.

Но преимущественно борьба велась Западом с помощью подкупа национальных элит, поставок оружия, использования разного рода «советников», подрывной деятельности. Низкая эффективность прямого вооруженного вмешательства в дела третьего мира (французы во Вьетнаме, англичане в Малайзии, американцы в Корее и т.д.) во многом способствовала рождению стратегии «быстрого реагирования» с ее широким диапазоном применения различных средств военного давления. Однако во все времена случались рецидивы открытой интервенции: США — Доминиканская республика, Гватемала, Гаити, Ирак; Франция — Алжир; Великобритания — Фолкленды.

Опыт локальных войн и конфликтов «низкой интенсивности» выявил ряд закономерностей использования в них военной силы. Выяснилось, что стратегия США и их союзников на достижение победы преимущественно силами авиации оправдывается лишь частично (Корея, Вьетнам, Югославия, Ирак). Только в сочетании с масштабным использованием сухопутных войск гарантируется полный успех. Войска «цивилизованных» стран в войнах против стран третьего мира на необорудован-

ных ТВД зачастую показывали себя более уязвимыми, чем их противник, а борьба с партизанами оказалась неэффективной и потребовала новых организационных решений. Стало также понятно, что чрезмерная боязнь больших потерь и вызванного ими общественного прессинга приводит к нерешительности в действиях и как раз увеличивает потери.

Со временем усложнение военной техники, ее возросшие боевые возможности стали позволять решать тактические и оперативные задачи небольшими, но высоко подготовленными контингентами войск. Это привело в большинстве развитых стран к переходу на контрактную или смешанную систему комплектования войск, что, в свою очередь, обусловило изменения в организации подготовки и переподготовки военных кадров. В ряде стран одновременно были сформированы достаточно крупные резервы военных специалистов.

Важным элементом технического развития вооруженных сил под влиянием опыта боевых действий в войнах и вооруженных конфликтах эпохи холодной войны стало повышение их стратегической и тактической мобильности. Мобильность в стратегическом отношении достигается не только путем создания большегрузных морских и воздушных средств для быстрой доставки войск в районы конфликтов, но и применением так называемых частей двойного базирования. Они постоянно дислоцируются, например, на американской территории, а вооружение и военное снаряжение находится в других странах, на военных базах. В случае необходимости эти части быстро перебрасываются туда, где уже есть все необходимое для ведения боевых действий. Тактическая мобильность обеспечивается за счет аэромобильных частей и подразделений.

Военный потенциал Советского Союза всегда выступал гарантом его безопасности и являлся необходимым условием мирного развития. С разрушением СССР прекратил существование биполярный мир. Складывающийся многополюсный мир, ослабив опасность возникновения глобальной ядерной войны, принес, однако, новые опасности и угрозы.

История использования ядерных и обычных средств военной силы на разных этапах холодной войны, опыт их приме-

нения в периоды политических кризисов и военных конфликтов позволяет извлечь существенные уроки для современной России.

Оружие стратегического назначения и сегодня остается неотъемлемым компонентом политики. Его роль все так же огромна, а его применение в войне по-прежнему угрожает гибелью человеческой цивилизации. Очевидно, что и в обозримом будущем большое значение будут иметь модели международной и национальной безопасности, в том числе основанные на ракетно-ядерном сдерживании. Конечно, имеющиеся договоренности по ограничению стратегических вооружений снизили уровень ядерной угрозы. Однако сейчас необходимы новые гарантии сохранения мира с учетом интересов всех сторон и с участием всех членов «ядерного клуба».

С учетом западных планов создания «непреодолимой противоракетной обороны» и, как следствие, слома системы взаимной безопасности, тема возможного применения ядерного оружия Соединенными Штатами и их союзниками против других стран перестает казаться фантастической. Поэтому в современных условиях, когда российский ракетно-ядерный потенциал вновь заметно уступает американскому, а паритете в обычных вооружениях и речи не идет, отечественная доктринальная установка, допускающая не только ответный, но и ответно-встречный или даже первый (превентивный) ракетно-ядерный удар, представляется абсолютно правильной.

В XXI в. следует ожидать не только развития различных видов нетрадиционного оружия (лазерное, пучковое, инфразвуковое, сейсмическое, ЭМИ-оружие и т.д.), но и дальнейшего совершенствования ядерного оружия, миниатюризации ядерных боеприпасов. В поддержании мира и нераспространении ядерных технологий заинтересовано все мировое сообщество. В свете расширения «клуба ядерных держав» России следует совместно с США и другими членами мирового сообщества принять все меры к тому, чтобы усилить контроль в отношении стран, близких к созданию ядерного оружия, «модернизировать» договоренности о нераспространении ядерного оружия, ядерных материалов, двойных технологий. Эта приоритетная

задача далеко выходит за узкие национальные рамки. Целесообразно продолжать поиск компромиссного решения по проблеме ПРО. Соответствующее соглашение могло бы быть распространено на широкий круг стран.

В современных условиях все более острой становится проблема создания глобальной системы безопасности, опирающейся на новейшие достижения в области радиоэлектроники, космонавтики, информационных технологий, высокоточного оружия, противоракетной обороны.¹

¹ Исследованием роли военной силы в мировой политике давно и плодотворно занимается крупный военный философ и историк С.А. Тюшкевич, чей значительный вклад в развитие научных представлений о сущности войны и ее эволюции несомненен.